

май – июнь
3 (107) 2022 год
Научный журнал

Вестник

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ
И ИСКУССТВ

Содержание

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ
КУЛЬТУРЫ	6	МАЙДАНСКИЙ М.А.
ПРОСВЕЩЕНИЕ И КОНТРПРОСВЕЩЕНИЕ
В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ XIX СТОЛЕТИЯ
	16	КРЮЧКОВА Н.Ю., ТИТОВ А.Ю.
ДИНАМИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА КАРНАВАЛЬНОЙ
ТЕЛЕСНОСТИ: АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ОПЫТ
ТЕАТРАЛЬНОЙ ГЕРМЕНЕВТИКИ
	30	ТИНУС Н.Н.
РЕЦЕПЦИЯ БАХТИНСКОЙ МЫСЛИ
В «ИТАЛЬЯНСКОЙ ТЕОРИИ»
	39	ВЕСЕЛКОВА Е.А.
ДАЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ КАК МАРКЕР МОДЕРНИЗАЦИИ:
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И ПРОБЛЕМЫ СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
КУЛЬТУРА	53	ЛОБАНОВА Ю.В. ХЕРЕШ Е.И.
ЖАНР КРИНЖ-КОМЕДИИ КАК СВИДЕТЕЛЬСТВО
РОЖДЕНИЯ НОВОГО МОДУСА СТЫДА
	62	БЕЗУЛЕНКО М.А.
ПРОЕКТИРОВАНИЕ СОБЫТИЙНЫХ ФОРМ
ВКЛЮЧЕНИЯ ЗРИТЕЛЯ В ПРОСТРАНСТВО
ПРОИЗВЕДЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО ВИЗУАЛЬНОГО
ИСКУССТВА (В РАБОТАХ Л.Б. РЫЛОВОЙ)
	71	ЖАВОРОНКОВА С.В.
ПЕРФОРМАТИВНОСТЬ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ
КОНТЕКСТЕ XX ВЕКА
	77	НЕТРЕБА Е.С.
ЗНАЧЕНИЕ АРТ-КЛАСТЕРОВ В ФОРМИРОВАНИИ МОЛОДЫХ
ХУДОЖНИКОВ (НА ПРИМЕРЕ КЛАСТЕРА «ТАВРИДА»)

- 85 КРЫСЕНКО И.И.**
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРИНЦИПЫ
ПРОЕКТИРОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ
ПОЛОЖЕНИЙ ВИКТОРА ПАПАНЕКА
- 93 ЛАВРИК М.В.**
ВОСПИТАНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ
НА ОСНОВЕ СИСТЕМЫ К.С. СТАНИСЛАВСКОГО
- СОВРЕМЕННЫЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ**
- 102 СУМИНОВА Т.Н.**
АРТ-МЕНЕДЖЕР В СПЕКТРЕ РИСКОВ
ИНФОРМАЦИОННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ
- 109 ПАНИОТОВА Т.С., АЙВАЗЯН А.А.**
ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ
КУЛЬТУРЫ ПОВСЕДНЕВНОСТИ
- 122 ЛОПАТИНА Н.В., РЫБАКОВА Ю.В.**
ФОРМИРОВАНИЕ IP-КУЛЬТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ:
КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ,
ОПЫТ, АКТУАЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ
- 134 ВАСИЛЬКОВСКАЯ М.И.**
СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ
К ИССЛЕДОВАНИЮ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО
ФЕНОМЕНА «ПЕДАГОГИКА ВОЛОНТЕРСТВА»
- 143 СКУРАТОВ Т.А.**
СУЩНОСТЬ ПОНЯТИЯ «ИСПОЛНИТЕЛЬСКОЕ
МАСТЕРСТВО» В СПОРТИВНЫХ БАЛЬНЫХ ТАНЦАХ
- 150 САДОВСКАЯ В.С., ДВОРЕЦКАЯ Т.А.**
РАЗВИТИЕ ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ ШКОЛЬНИКОВ
ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ: ТЕОРЕТИКО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ
АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ ПОДХОДОВ
- 159 ФРОЛОВА А.С., КУРНИКОВА Т.А., КАЗГУНОВА А.С.**
РОЛЬ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БИБЛИОТЕЧНОГО СПЕЦИАЛИСТА
- РЕЦЕНЗИИ**
- 167 ПЕНДЮРИНА Л.П.**
ОБРАЗ БУДУЩЕГО: ОПТИМИСТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД
(РЕЦЕНЗИЯ НА КОЛЛЕКТИВНУЮ МОНОГРАФИЮ)

May – June
3 (107) 2022
Scientific
Academic Journal

The Bulletin

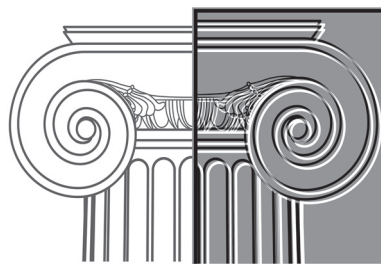
OF MOSCOW STATE UNIVERSITY
OF CULTURE AND ARTS

Content

THEORY AND
HISTORY OF CULTURE	6	MAYDANSKY M.A.
ENLIGHTENMENT AND COUNTER-ENLIGHTENMENT
IN NINETEENTH-CENTURY RUSSIAN CULTURE
	16	KRYUCHKOVA N.YU., TITOV A.YU.
THE DYNAMIC STRUCTURE OF CARNIVAL PHYSICALITY:
THE EXPERIENCE OF THEATRICAL HERMENEUTICS
	30	TINUS N.N.
RECEPTION OF BAKHTIN'S THOUGHT IN «ITALIAN THEORY»
	39	VESELKOVA E.A.
DACHA MOVEMENT AS A MARKER OF MODERNIZATION.
HISTORICAL EXPERIENCE AND PROBLEMS OF TODAY
ARTISTIC
CULTURE	53	LOBANOVA YU.V., KHERESH E.I.
THE GENRE OF CRINGE COMEDY AS EVIDENCE
OF THE BIRTH OF A NEW MODUS OF SHAME
	62	BEZULENKO M.A.
DESIGNING EVENT FORMS OF INCLUDING THE VIEWER
IN THE SPACE OF A WORK OF CONTEMPORARY
VISUAL ART (IN THE WORKS OF L.B. RYLOVA)
	71	ZHAVORONKOVA S.V.
PERFORMATIVITY IN THE SOCIO-CULTURAL
CONTEXT OF THE TWENTIETH CENTURY
	77	NETREBA E.S.
THE IMPORTANCE OF ART CLUSTERS IN THE
FORMATION OF YOUNG ARTISTS (ON THE
EXAMPLE OF THE CLUSTER «TAVRIDA»)

- 85 KRYSENKO I.I.**
SOCIOCULTURAL DESIGN PRINCIPLES IN THE CONTEXT
OF VICTOR PAPANEK'S THEORETICAL POSITIONS
- 93 LAVRIK M.V.**
EDUCATION OF ARTISTIC EXPRESSIVENESS ON THE
BASIS OF THE SYSTEM OF K.S. STANISLAVSKY
- MODERN SOCIO-CULTURAL PRACTICES**
- 102 SUMINOVA T.N.**
ART-MANAGER IN THE SPECTRUM OF RISKS
OF INFORMATION CIVILIZATION
- 109 PANIOTOVA T.S., AYVAZYAN A.A.**
DIGITALIZATION OF EDUCATION IN THE CONTEXT
OF THE CULTURE OF EVERYDAY LIFE
- 122 LOPATINA N.V., RYBAKOVA YU.V.**
FORMATION OF THE IP CULTURE OF THE POPULATION:
CONCEPTUAL FOUNDATIONS, EXPERIENCE, ACTUAL TASKS
- 134 VASILKOVSKAYA M.I.**
MODERN METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE
STUDY OF THE SOCIO-CULTURAL PHENOMENON
«PEDAGOGY OF VOLUNTEERISM»
- 143 SKURATOV T.A.**
THE ESSENCE OF THE CONCEPT OF «PERFORMING
SKILL» IN SPORTS BALLROOM DANCES
- 150 SADOVSKAYA V.S., DVORETSKAYA T.A.**
DEVELOPMENT OF THE PROCESS OF TEACHING
SCHOOLCHILDREN A FOREIGN LANGUAGE: THEORETICAL
AND ACTIVITY ANALYSIS OF MODERN APPROACHES
- 159 FROLOVA A.S., KOURNIKOVA T.A., KAZGUNOVA A.S.**
THE ROLE OF SPEECH CULTURE IN THE PROFESSIONAL
ACTIVITIES OF A LIBRARY SPECIALIST
- REVIEWS 167 PENDYURINA L.P.**
THE IMAGE OF THE FUTURE: AN OPTIMISTIC VIEW

ТЕОРИЯ
И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

Просвещение и контрпросвещение в русской культуре XIX столетия

УДК 930.85 (470) 18

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-3107-6-15>

М. А. Майданский

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Российская Федерация,
e-mail: irmaid@yandex.ru

Аннотация: Автор статьи предпринимает попытку взглянуть на историю русской культуры под углом зрения противостояния двух интеллектуальных движений Нового времени – Просвещения и Контрпросвещения. Эти два понятия трактуются в особом смысле, который связывал с ними Исайя Берлин (русско-английский мыслитель, классик политической философии XX века). Философский фундамент Контрпросвещения был заложен трудами Дж. Вико, И.Г. Гамана и немецких романтиков, пошатнувших фундаментальные принципы Просвещения: доверие к разуму, объективность и всеобщность законов истории. Здесь же кроется исток современных дискуссий о «Модерне».

Ключевые слова: интеллигенция, любомудры, немецкий романтизм, радикальное Просвещение, умеренное Просвещение, Контрпросвещение, Исайя Берлин.

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 19-18-00100, <https://rscf.ru/project/19-18-00100/>

Для цитирования: Майданский М.А. Просвещение и Контрпросвещение в русской культуре XIX // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. №3 (107). С. 6-15. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-3107-6-15>

ENLIGHTENMENT AND COUNTER-ENLIGHTENMENT IN NINETEENTH-CENTURY RUSSIAN CULTURE

Maksim A. Maidansky

Belgorod National Research University, Belgorod, Russian Federation
e-mail: irmaid@yandex.ru

Abstract: The author attempts to look at the history of Russian culture from the perspective of the confrontation between the two intellectual movements of the New Age, viz., the Enlightenment and the

МАЙДАНСКИЙ МАКСИМ АНДРЕЕВИЧ – аналитик Дирекции программ стратегического развития, Белгородский государственный национальный исследовательский университет; научный сотрудник, Школа философии и культурологии Факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

MAIDANSKY MAKSIM ANDREEVICH – Analyst, Department of Strategic Development Programmes, Belgorod National Research University; Researcher, School of Philosophy and Cultural Studies, Faculty of Humanities, HSE University (Moscow)

© Майданский М. А., 2022

Counter-Enlightenment. These two concepts are interpreted in the special sense given to them by Isaiah Berlin (Russian-English thinker, a classic of political philosophy in the twentieth century). The philosophical foundations of the Counter-Enlightenment were laid by G. Vico, J.G. Hamann and the German Romantics, who shook the fundamental principles of the Enlightenment: trust in reason, objectivity and the universality of the laws of history. Here, too, lies the source of the contemporary debate on “Modernity”.

Keywords: intelligentsia, lubomudry, German Romanticism, Radical Enlightenment, Moderate Enlightenment, Counter-Enlightenment, Isaiah Berlin.

Acknowledgements: This article was prepared with the support of the RSF grant no. 19-18-00100. <https://rscf.ru/en/project/19-18-00100/>

For citation: Maydansky M.A. Enlightenment and counter-enlightenment in nineteenth-century Russian culture. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2022, no. 3 (107), pp. 6-15. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-3107-6-15>

Первые ростки Просвещения в XVIII веке с трудом приживались на русской почве, даже у приоткрытого «окна в Европу». Ситуация начала меняться лишь после Отечественной войны 1812 года. Вступление русской армии в Париж Исая Берлин считал не менее значимым для русской культуры событием, чем реформы Петра. Из европейских походов русские дворяне вынесли сильные, но с трудом уживавшиеся вместе чувства: гордость, патриотическое воодушевление победителей и «моральную уязвленность варварством русской жизни». В драматическом столкновении двух этих чувств рождалась русская интеллигенция.

«Интеллигенты» XIX столетия – дальняя родня французских просветителей. Те и другие были не просто интеллектуалами, но еще и миссионерами разума и свободы. «Мы – светские миссионеры, ... и можем похвастаться тем, что наша церковь универсальна», – писал Вольтер Екатерине II (цит.: [19, p. 612]). Со своей стороны, русские интеллигенты «видят себя посвященными в некий орден, как бы пастырями в миру, назначенными нести особое понимание жизни, своего рода новое евангелие» [3, с. 9]¹. Семена интеллигент-

ности были занесены с Запада и прорастали на пустоши между непросвещенным народом и не заинтересованными в его просвещении элитами. В течение долгого времени практически все идеи, которыми жила русская мысль, прибывали из-за границы, в основном, из Германии и Франции, значительно реже – из Англии и других стран.

Первые, по-настоящему оригинальные, философские концепции появляются ближе к концу XIX века. И. Берлин, правда, выделяет только одну – толстовское «непротивление злу», прибавляя: «В целом же, насколько могу судить, Россия не внесла в сокровищницу человечества ни одной новой социальной или политической мысли: любую из них легко возвести не просто к западным корням, но к той или иной конкретной доктрине, исповедовавшейся на Западе восемью, десятью, а то и двадцатью годами раньше» [3, с. 19].

Вместе с тем он отмечает, как в высшей степени отличительную черту русских интеллигентов, их необычайную «страсть к идеям» и готовность претворять свои замыслы в жизнь немедленно, сегодня же, притом – в самых крайних формах. Масла в огонь идейных страстей подливал немецкий романтизм, философски осмысленный и представленный в системах Фихте и Шеллинга. Для интеллигенции немецкая метафизика стала, по словам И. Берлина, «конспектом новой религии».

¹ В воспоминаниях П. В. Анненкова сообщество русских интеллигентов, встречавшихся в подмосковном поселке Соколово в 1845 году, уподобляется «рыцарскому братству, воюющему ордену, который не имел никакого письменного устава, но знал всех своих членов, рассеянных по лицу пространной земли нашей» [2, с. 260].

После разгрома декабристов русские либералы и радикалы повели партизанскую войну с самодержавием, подобную той, что в XVIII веке вели французские просветители. Но если те изобретали новую философию, то у нас безоговорочно господствовала философия немецкая, поначалу Шеллинг и романтики, позднее – политически радикализованная диалектика Гегеля.

«Немецкая философия и в особенности творения Шеллинга нас всех так к себе приковывали, что изучение всего остального шло у нас довольно небрежно, – вспоминал А. И. Кошелев. – Мы иногда читали наши философские сочинения; но всего чаще и по большей части беседовали о прочтенных нами творениях немецких любомудров». Участников тайного философского кружка, как и немецких классиков, занимала прежде всего теория познания: «Начала, на которых должны быть основаны всякие человеческие знания, составляли преимущественный предмет наших бесед» [12, с. 13, 15].

Период чисто философских увлечений длился недолго, их вытеснили тайные же политические дебаты. Сожжение бумаг «Общества любомудров» в этом смысле оказалось весьма символическим актом.

Тем временем в Европе уже несколько десятилетий набирал силы процесс, который И. Берлин назвал «Контрпросвещением»². В этом идейном течении участвовали, безусловно, и реакционеры, религиозные консерваторы и церкви разных конфессий, однако тут не было ничего нового: все они, вместе взятые, были не в состоянии успешно противодействовать движению Просвещения. Единственным достойным противником оказался романтизм, объединивший усилия со старой, уходящей своими истоками еще во времена греческих софистов, традицией релятивизма и скептицизма.

«Контрпросветители» атаковали понятие *объективных законов истории*. Берлин назы-

² Статья «The Counter-Enlightenment» была написана им для четырехтомного «Словаря истории идей», в числе авторов которого был целый ряд знаменитых ученых (см.: [18]).

вает эти законы «естественными», усматривая в них «сердцевину веры» и «главную догму для всего Просвещения». На самом деле это – сердцевина *научного мышления* со времен Фалеса, «главная догма» для всей науки вообще. Наука так устроена, что она во всем – включая и человеческую историю – ищет «естественные» законы, не зависящие от воли и сознания человека. Нападение на эту «догму» равнозначно нападению на самое научное мышление, а не на одно только Просвещение.

Контрпросвещение противопоставило этому релятивистский «историцизм» с его положением о неповторимой уникальности всякой народной культуры и принципом плюрализма «рациональностей» взамен всеобщего, единого для всех мыслящих существ разума, «логоса».

Первым в этом направлении двинулся Дж. Вико, независимо от него приступил к делу гораздо более радикально настроенный И. Г. Гаман, современник и земляк Канта, «Северный волхв», о котором написал свою последнюю книгу И. Берлин.

У Вико зарождается тот, сделавшийся популярным в конце XIX столетия, взгляд, что природа и человеческая история развиваются по разным законам и изучаются двумя разными методами (В. Виндельбанд назовет их номотетическим и идиографическим). Вико отвергает универсальность прогресса: «поступательное движение гражданских вещей», учит он, неизбежно сменяется движением возвратным и «временами второго варварства».

Вместе с тем, при всей резкости отличий Вико от просветителей, его роднит с ними «глубокая уверенность в верховном праве народа, как главной движущей силы истории» [13, с. XIV], что делает его полноправным участником движения Просвещения. В калейдоскопе исторических событий Вико открывает разумный «Вечный Порядок», учрежденный Божественным Провидением, и «вечные Законы, соответственно которым движутся Деяния всех Наций». Наконец, он хвалится тем, что его Наука «рассуждает строгим геометрическим методом» и «продвигается совершенно так же,

как Геометрия» [6, с. 36, 118]. Этот сугубо рационалистический идеал научности абсолютно чужд и противен Контрпросвещению.

Прочтение И. Берлина выглядит если не предвзятым, то, во всяком случае, слишком односторонним, не учитывающим многослойность и глубинную противоречивость «Новой науки». Вико не до такой степени «плюралист», как это представляется И. Берлину (который и сам отстаивал «агональный» плюрализм ценностей³, «несоизмеримость свобод» и т. п.).

Вико был мало известен в Европе до 1835 года, когда французский историк Жюль Мишле издал перевод (местами напоминавший пересказ) его «Новой науки». Назвав Вико «исполинским гением», А. И. Герцен, однако, иронически охарактеризовал его теорию исторических циклов: «у него человечество вертится всю жизнь в беличьем колесе dei corsi e ricorsi (*итал.*: подъема и упадка)» [8, с. 209]. Н. Я. Данилевский, глубоко родственный Вико мыслитель, создавший свою циклическую теорию истории, вообще ни разу не упомянул его имени. Гамана же у нас не знал практически никто.

Идеи Контрпросвещения попадали в Россию не только вместе с новинками философской литературы, но и напрямую со студенческой скамьи. Так, А. И. Кошелев прослушал курс лекций Фридриха Шлейермахера, создателя герменевтики и религиозного философа, близкого к романтикам; Ф. И. Тютчев, В. П. Титов, Н. М. Рожалин (член кружка Любомудров) и братья Киреевские лично внимали Шеллингу и другим немецким знаменитостям. Легко просматривается влияние шеллинговских идей в поэтическом творчестве Ф. И. Тютчева и еще одного Любомудра, В. Ф. Одоевского, который был председателем кружка и устраивал заседания в своем доме. Д. В. Веневити-

нов претворил философские мысли Шеллинга в романтические стихи. По словам В. В. Зеньковского, «в Обществе Любомудров Д. В. Веневитинову принадлежало первое место; он, действительно, увлекался философией страстно и своим энтузиазмом заражал и других. По его собственному выражению, “философия есть истинная поэзия”. В этих словах хорошо выражено и преклонение перед философией, и то общее настроение, которое тогда царило среди университетской молодежи. Это было почти религиозное отношение к философии, которая и в самом деле для многих уже вполне замещала религию» [10, с. 139].

Таким образом, русскую философию с самого начала отличал «поэтический» (или, вернее сказать, романтический) характер и «почти религиозное» отношение к философским поискам, которое так настойчиво подчеркивается в известном труде В. В. Зеньковского. Эти отличительные признаки были в высшей степени характерны и для западного Контрпросвещения времен Великой французской революции, и остаются таковыми для сегодняшних критиков «проекта Модерна».

Безусловно, многие «контрпросветители» не были противниками народного просвещения, наоборот, – активно ему содействовали. Однако движущей силой истории они считали не «толпу», а элиты и гениев, поэтому скептически относились к надеждам просветителей на самостоятельность народных масс (подобного рода скепсис, к слову, испытывал еще Вольтер и некоторые другие пионеры Просвещения). Миром правит не разум, а творческое воображение, интуиция, инстинкт жизни, воля и тому подобные иррациональные силы. «Что такое этот хваленый разум с его универсальностью, непогрешимостью и самонадеянными заявлениями, как не *ens rationis* [*лат.* мысленное существо, т. е. абстракция], набитое чучело, наделяемое божественными атрибутами?», – риторически вопрошал Гаман (цит.: [3, с. 271]).

Подобное высокомерно-презрительное отношение к силам разума спустя столетие станет господствующим и, стараниями Шопенгауэра и Ницше, надолго завладеет умами

³ Дж. Грей назвал концепцию И. Берлина «агональным либерализмом», поскольку в ней постулируется существование «множества высших ценностей», несводимых к единому знаменателю, вследствие чего ценностные конфликты оказываются принципиально неразрешимыми (см.: [9, с. 139; 14]).

философов – вплоть до М. Фуко и постмодернистов. Все действительно *неразумно*, а неразумное действительно...

II

Идея множественности культур, у каждой из которых имеется свой уникальный «разум», естественным образом выливалась в проекты построения *самобытной русской философии*, отличной от философий прочих культурных наций. Такую задачу ставил перед собой и своими друзьями-любомудрами уже юный Веневитинов.

«Веневитинов настойчиво выдвигал мысль о необходимости построения самостоятельной *русской философии*. Отрицательно относясь к слепому подражанию Западу, он готов был идти на то, чтобы на время прервать связи с Западом и, «опираясь на твердые начала философии», найти собственные пути русского творчества: «Россия найдет свое основание, свой залог самобытности и своей нравственной свободы в философии»» [10, с. 139].

Если взглянуть на уцелевшие сочинения Веневитинова сквозь берлиновскую поляризующую линзу, мы увидим, как принципы и идеи Просвещения растворяются в релятивистской кислоте Контрпросвещения, теряя всю свою твердость, объективность и общезначимость.

В качестве примера рассмотрим заметку Веневитинова «Несколько мыслей в план журнала». Она касалась журнала «Московский вестник», который, по замыслу любомудров, был призван стать головным мозгом нарождающейся русской философии.

Заметка начинается с формулировки понятия просвещения. У просветителей XVIII века понятие это основывается на идеях разума и свободы. В знаменитом кантовском эссе просвещение определяется как *свободомыслие*: «Для этого просвещения требуется только свобода, и притом самая безобидная, а именно свобода во всех случаях *публично пользоваться собственным разумом*» [11, с. 29].

Веневитинов толкует просвещение как «самопознание народа», поясняя, что каждый

народ есть «лицо отдельное» и должен просвещаться «из начала, так сказать, отечественного» [5, с. 128]. Ни Кант, ни Вольтер не могли бы сказать ничего подобного. Для них Просвещение есть дело не немца или француза, но – *человечества*. Вопрос лишь в том, достиг тот или иной народ «состояния совершеннолетия» или пока что нет; в какой стране стесняется или воспрещается публичное выражение своих мыслей, а в какой – дозволяется.

Русская философия начинает с озабоченности своей «самобытностью» и персональным местом в истории. Неявной предпосылкой всякого рода поисков особого «русского пути» в истории, вселенской миссии русского народа и т. п. является отказ от понятия человечества как реального субъекта всемирной истории.

«Человечество» – это рассудочная абстракция, *ens rationis*, типа платоновской «лошадности» или «треугольности»; реально существуют лишь личности и народы. У каждой культуры имеется самобытное «отечественное начало», из которого развивается национальная философия и искусство. «Для сей цели надлежало бы некоторым образом устранить Россию от нынешнего движения других народов, – предлагает Веневитинов. – Таким образом, мы сами сделаемся преимущественным предметом наших разысканий» [5, с. 132–133].

Такого рода самопознание и есть искомая русская философия. О публичной свободе слова и «чистом разуме», общем для всех людей и народов, Веневитинов не вспоминает. Хочешь сделаться свободным? Познай самого себя. Этот древний рецепт, по плану Веневитинова, и призван стать «залогом самобытности и нравственной свободы в философии». Страницей выше Веневитинов горячо приветствовал «освобождение России от условных оков и от невежественной самоуверенности французов», читай: просветителей. Молодым русским любомудрам Вольтер и Руссо, Дидро и Гельвеций не пример и не указ. «Мы отбросили французские правила», но лучших пока что не предложили; «таким образом, правила

неверные заменились у нас отсутствием всяких правил» [5, с. 130–131]. Новый журнал призван исправить это положение дел, разработав правила, «применимые к произведениям новейших писателей, которыми невольно наслаждаемся» (подразумеваются, конечно, Шеллинг и немецкие романтики).

Веневитинов, как видим, не отказывается от просвещения, он *переосмысливает* это понятие в релятивистском духе. Каждый народ есть «лицо отдельное» и просвещается по-своему: что французу «свет разума», то русскому – тьма невежества. «Всякому городу нрав и права, всяка имеет свой ум голова» [15, с. 25]. По той же релятивистской колее двигалось Контрпросвещение во всем мире – от Вико и Гамана до Шпенглера, Хайдеггера и Фуко.

Конечно, не Веневитинов изобрел этот философский велосипед, он лишь вторил (разве что с русским акцентом) немецким романтикам, руководствуясь тем самым «чувством подражательности», от которого призывал избавиться. Свой философский план Веневитинов изложил в 1926 году. Год спустя он умрет, но выпавшее из его рук знамя «этнической» философии подхватят славянофилы и почвенники, сдобрив ее толикой «святоотеческого Предания», т. е. православного богословия, – так вышло еще самобытнее.

На самом деле подобного рода национальная самобытность, включая и критику западной цивилизации, является вариацией и отголоском *западной* же интеллектуальной традиции Контрпросвещения. Как метко заметил С. С. Аверинцев, «славянофильская критика Запада – законный момент общеевропейской романтической мысли, связанной с Шеллингом, родственной “гейдельбергской” романтике, во многом предвосхищающей “культур-критику” XX века, вплоть до Хайдеггера и дальше» [1, с. 21–22].

Остальной мир наши самобытные философские опыты не оценил. Вопреки своему горячему стремлению к самобытности, русский философский романтизм не открыл миру ничего принципиально нового. Ближе к концу

века самый видный из русских философов, Владимир Соловьев, подведет неутешительный итог: «За последние два десятилетия довольно появлялось в России более или менее серьезных и интересных сочинений по разным предметам философии. Но все философское в этих трудах вовсе не русское, а что в них есть русского, то ничуть не похоже на философию, а иногда и совсем ни на что не похоже. Никаких действительных задатков самобытной русской философии мы указать не можем: все, что выступало в этом качестве, ограничивалось одною пустой претензией» [16, с. 345].

III

Лобовая атака на Просвещение (с участием неординарных консервативных мыслителей, таких как Э. Берк и Ж. де Местр, в России – Н. М. Карамзин) оказалась куда менее эффективной, нежели «буря и натиск» романтиков, пошатнувших фундаментальные философские принципы Просвещения – доверие к разуму, объективность и всеобщность законов истории.

Среди русских философов наиболее мощным и влиятельным защитником этих принципов был Н. Г. Чернышевский. В отличие от всякого рода романтиков он меньше всего гнался за самобытностью своей философии. «Своеобразным мыслителем Николай Чернышевский не был», – констатирует И. Берлин, и не считал «русский путь» уникально-неповторимым: «Историческое развитие России, в частности, сельского “мира”, ни в коем случае не самобытно, а течет в соответствии со всеми социальными и экономическими законами, свойственными любому обществу» [4, с. 369, 373]. Если «русский мир», в отличие от западных стран, и сумеет «перепрыгнуть» капиталистическую стадию развития, то лишь благодаря развитию капитализма на Западе, благодаря технике и технологиям, которые можно там позаимствовать и использовать для революционного прыжка в социализм.

Проект Чернышевского оказался утопическим, но в нем было и рациональное зерно:

умелое соединение общинных и частнокапиталистических начал обеспечивает взрывной рост общественного производства. Это продемонстрировала, уже при жизни Чернышевского, «революция Мэйдзи» в другой патриархально-общинной стране, Японии. В гармонических «синтезах» двух противоположных начал – индивидуального и коллективного – ряд востоковедов видят основную причину успехов «азиатских драконов» в XX веке⁴. Конечно, это совсем не тот *человечный* общественный строй, о котором мечтал Чернышевский, но, во всяком случае, наличие социальной структуры общинного типа позволяет в разы сократить человеческие «издержки» и сроки перехода к развитому капитализму.

Известный американский историк культуры Дж. Израэль выделяет в движении Просвещения две ветви – радикальную и умеренную (*radical vs. moderate Enlightenment*). В Российской империи первым радикальным просветителем стал А. Н. Радищев. Вершины же своего развития наше радикальное Просвещение достигает в творчестве Чернышевского.

Умеренное Просвещение было представлено, как некогда и во Франции, и в большинстве европейских стран, с одной стороны, либералами, с другой – социалистами, уповавшими на реформы сверху и стремившимися всеми доступными способами подтолкнуть к ним власть. К этому времени философия умеренных просветителей под давлением Контрпросвещения претерпела глубокие изменения.

Так, Герцен со временем перенимает волюнтаристски-романтический взгляд на историю, формулируя его с редкостной прямолинейностью: «В истории все – импровизация, все воля, все *ex tempore* [тотчас], вперед ни пределов, ни маршрутов нет; есть условия, святое беспокойство, огонь жизни и вечный вызов бойцам пробовать силу, идти вдаль, куда хотят, куда только есть дорога, – а где ее нет, там ее сперва проложит гений...

⁴ См., напр.: [17].

Гений – роскошь истории, ее поэзия, *coup d'état* [государственный переворот], ее скачок, торжество ее творчества» [7, с. 27–28]. Ниже, впрочем, он оговаривается, что явление гения народу не обязательно, массы могут и сами проделать ту же работу, пусть и затратив на нее больше времени и труда.

Такой же взгляд на «историю без либретто», т. е. без всеобщих и необходимых законов, ляжет в основу сочинений П. Л. Лаврова и Н. К. Михайловского, с его «субъективным методом» познания общественной жизни. Парадокс в том, что ровно так же понимали историю и противники либералов и народников, «такие реакционные националисты, как, например, Страхов, Достоевский, Майков – а прежде всего, Катков и Леонтьев» [4, с. 60]. В лагере Контрпросвещения собрались многие идейные враги, и это еще не раз повторится в будущем.

Аналогичные альянсы в европейский век Просвещения описывал Дж. Израэль. Он гораздо проще, нежели Берлин, трактует Контрпросвещение, причисляя к нему лишь консервативно-реакционные круги, но на огромном фактическом материале показывает, как по одну сторону баррикад с ними регулярно оказывались сторонники «умеренного» Просвещения.

Мало того, в ходе Великой Французской революции сами «радикальные» просветители массово заражались иррационалистическими и антилиберальными настроениями. Уже Бенжамен Констан, публицист и политический деятель тех времен, по мнению Дж. Израэля, «верно рассматривал погрешение Робеспьером и Сен-Жюстом основополагающих ценностей [Просвещения] как крушение Революции и виртуальную форму Контрпросвещения – антиинтеллектуализм, враждебный свободомыслию и свободе личности, образованности и праву на критику. Если вести речь о принципах, Робеспьер был противоположностью Революции (the Revolution's contradiction), антитезисом самого Просвещения» [20, р. 697].

Показательно, что сам Констан, как и многие другие, со временем мигрировал в лагерь

«умеренных» просветителей, а на склоне лет поддержал Июльскую революцию, окончившуюся реставрацией Бурбонов. Описанный им в молодости «вирус» Контрпросвещения заразил его самого, равно как и А. И. Герцена, и других русских «революционных демократов». Немногие, как Н. Г. Чернышевский и Г. В. Плеханов, смогли противостоять этому вирусу до конца.

Попытка взглянуть на историю русской культуры XIX века под углом зрения противостояния интеллектуальных движений Просвещения и Контрпросвещения (в том смысле, который вкладывал в эти понятия Исая Берлин), привела нас к следующим выводам.

Формирование отечественной философии, начиная уже с «любомудров», протекало под определяющим влиянием немецкого Контрпросвещения. Веневитинов встал в от-

крытую оппозицию к идеям французских просветителей и Канта; он переосмыслил в романтическом ключе само понятие Просвещения, трактуя его как «самопознание народа». В дальнейшем эта установка вылилась в поиски особого «русского пути» в мировой истории и «самобытной» философии (православно-религиозного толка, по преимуществу).

Во второй половине XIX столетия в одном лагере российского Контрпросвещения оказались идейные враги: либералы, умеренные народники, «легальные марксисты» и реакционные националисты. Всех их объединяет отказ от понятия «разумных», всеобщих и необходимых законов развития общества; принцип исторического детерминизма вытесняется релятивистским и субъективистским пониманием истории, идея общечеловеческого прогресса – теориями «круговоротов» и «локальных культур».

Список литературы

1. Аверинцев С. С. Попытки объясниться. Беседы о культуре. Москва : Правда, 1988. 45 с.
2. Анненков П. В. Литературные воспоминания. Москва : Художественная литература, 1983. 694 с.
3. Берлин И. История свободы. Россия / [Предисл. А. Эткинды, с. 5–8]. Москва : Новое литературное обозрение, 2001. 544 с.
4. Берлин И. Русские мыслители. Москва : Энциклопедия-ру, 2017. 496 с.
5. Веневитинов Д. В. Несколько мыслей в план журнала // Стихотворения. Проза. Москва : Наука, 1980. С. 128–133.
6. Вико Дж. Основания Новой Науки об общей природе наций / [Предисл. М.А. Лифшица, с. VII–XXVI]. Ленинград : Художественная литература, 1940. 619 с.
7. Герцен А. И. С того берега // Сочинения : в 2 томах. Москва : Мысль, 1985–1986. Том 2 / сост. и авт. примеч. З. В. Смирнова. 1986. С. 3–117.
8. Герцен А. И. Публичные чтения г. Грановского (Письмо второе) // Сочинения : в 2 томах / [сост. и авт. вступ. ст. А. И. Володин ; ред. : А. И. Володин, З. В. Смирнова] ; АН СССР. Институт философии. Москва : Мысль, 1985–1986. Том 1. 1985. С. 205–213.
9. Грей Дж. Поминки по Просвещению: Политика и культура на закате современности. Москва : Праксис, 2003. 368 с.
10. Зеньковский В.В. История русской философии. Москва : Академический Проект, Раритет, 2001. – 880 с.
11. Кант И. Ответ на вопрос: что такое Просвещение? // Сочинения : в 6 томах. Том 6. Москва : Наука, 1966. С. 26–35.
12. Кошелев А. И. Записки. С семью приложениями. Москва : Наука, 2002.

13. Лифшиц М. А. Джамбаттиста Вико (1668–1744) // Вико Дж. Основания Новой Науки об общей природе наций. Ленинград : Художественная литература, 1940. С. VII–XXVI.
14. Паньковский А. Агональный либерализм Исая Берлина // Логос. 2003. № 4–5 (39). С. 166–177.
15. Скворода Г. С. Сад божественных песен // Скворода Г.С. Наставления бродячего философа. Полное собрание текстов. Москва : АСТ, 2018. С. 25–35.
16. Соловьев В. С. Национальный вопрос в России // Сочинения : в 2 томах. Том 1. Москва : Наука, 1989. С. 409–636.
17. Цветов В. Я. Пятнадцатый камень сада Рёандзи. Москва : Политиздат, 1986. 301 с.
18. Berlin, Isaiah. The Counter-Enlightenment // *Dictionary of the history of ideas: Studies of selected pivotal ideas*, in 4 vols. Ed. by Phillip G. Wiener. New York: Charles Scribner's Sons, 1973, vol. 2, pp. 100–112.
19. Israel, Jonathan. *Democratic Enlightenment: Philosophy, revolution, and human rights. 1750–1790*. Oxford University Press Inc., New York, 2011.
20. Israel, Jonathan. *Revolutionary ideas: An intellectual history of the French Revolution from the Rights of Man to Robespierre. Revolutionary Ideas*. Oxford & Princeton: Princeton University Press, 2014.

References

1. Averintsev S. S. *Attempts to explain myself. Conversations on culture*. Moscow, Publishing House “Pravda”, 1988. (In Russ.)
2. Annenkov P. V. *Literary memoirs*. Moscow, Publishing House “Hudozestvennaya literatura”, 1983. (In Russ.)
3. Berlin I. *The History of freedom. Russia*. With the Foreword by A. Etkind. Moscow, Publishing House “New Literary Observer”, 2001. (In Russ.)
4. Berlin I. *Russian thinkers*. Moscow, Encyclopedia-ru Publishers, 2017. (In Russ.)
5. Venevitinov D. V. *A few thoughts on the journal plan* // Venevitinov D. V. *Poems. Prose*. Moscow, Nauka Publishers, 1980. Pp. 128–133. (In Russ.)
6. Vico G. *Foundations of a New Science of the universal nature of nations*. Leningrad, Publishing House “Hudozestvennaya literatura”, 1940. (In Russ.)
7. Herzen A. I. From the other side. In: Herzen A. I. *Works. In 2 volumes, volume 2*. Moscow, Mysl Publishers, 1986. Pp. 3–117. (In Russ.)
8. Herzen A. I. Public readings of Mr. Granovsky (Letter 2). In: Herzen A. I. *Works. In 2 volumes, volume 1*. Moscow, Mysl Publishers, 1985. Pp. 205–213. (In Russ.)
9. Gray J. *Enlightenment's wake. Politics and culture at the close of the Modern Age*. Moscow, Praxis Publishers, 2003. (In Russ.)
10. Zenkovsky V.V. *History of Russian Philosophy*. Moscow, Publishing House “Academic Project”, Raritet Publishers, 2001. (In Russ.)
11. Kant I. The answer to the question: what is Enlightenment? In: Kant I. *Works. In 6 volumes, volume 6*. Moscow, Publishing House “Nauka”, 1966. Pp. 26–35. (In Russ.)
12. Koshelev A. I. *Notes. With seven appendices*. Moscow, Publishing House “Nauka”, 2002. (In Russ.)
13. Lifshits M.A. Giambattista Vico (1668–1744). In: Vico G. *Foundations of a New Science of the universal nature of nations*. Leningrad, Publishing House “Hudozestvennaya literatura”, 1940. Pp. VII–XXVI. (In Russ.)
14. Pankovsky A. The agonal liberalism of Isaiah Berlin. *Logos*. 2003, no. 4–5 (39), pp. 166–177. (In Russ.)
15. Skovoroda G.S. Garden of Divine songs. In: Skovoroda G. S. *Instructions of a wandering philosopher*. In: *Complete works*. Moscow, AST Publishers, 2018. Pp. 25–35. (In Russ.)
16. Soloviev V. S. The National Question in Russia. In: Soloviev V. S. *Essays. In 2 volumes, volume 1*. Moscow,

- Publishing House “Nauka”, 1989. Pp. 409–636. (In Russ.)
17. Tsvetov V. Y. *The fifteenth stone of the Ryoanji garden*. Moscow, Politizdat Publishers, 1986. (In Russ.)
 18. Berlin, Isaiah. The Counter-Enlightenment. In: *Dictionary of the history of ideas: Studies of selected pivotal ideas*, in 4 vols. Ed. by Phillip G. Wiener. New York: Charles Scribner's Sons, 1973, vol. 2, pp. 100–112.
 19. Israel, Jonathan. *Democratic Enlightenment: Philosophy, revolution, and human rights. 1750–1790*. Oxford University Press Inc., New York, 2011.
 20. Israel, Jonathan. *Revolutionary ideas: An intellectual history of the French Revolution from the Rights of Man to Robespierre*. *Revolutionary Ideas*. Oxford & Princeton: Princeton University Press, 2014.

*

Поступила в редакцию 10.06.2022

ДИНАМИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА КАРНАВАЛЬНОЙ ТЕЛЕСНОСТИ: АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ОПЫТ ТЕАТРАЛЬНОЙ ГЕРМЕНЕВТИКИ

УДК 792.01 : 394.2

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-3107-16-29>

Н. Ю. Крючкова

Орловский государственный институт культуры (Россия, г. Орёл)

e-mail: nkruchkova21@yandex.ru

А. Ю. Титов

Орловский государственный институт культуры (Россия, г. Орёл)

e-mail: vittoal@yandex.ru

Аннотация: Данная статья является обобщением опыта антропологической практики научно-исследовательской лаборатории «Бахтинский методологический семинар» на базе Орловского государственного института культуры и Научно-просветительского центра им. М. М. Бахтина Орловского муниципального драматического театра «Русский стиль» им. М. М. Бахтина. Эффективность исследования соотношения и взаимодействия опыта двух практических баз – образовательно-обучающей и профессионально-специализированной – напрямую зависит от выработки междисциплинарного методологического инструментария. Коллектив авторов (с разных позиций) пришёл к выводу, что лабораторный опыт позволяет выявить феноменологическую дифференциацию практических способов различения структурных составляющих «карнавальной телесности», настолько же, насколько опыт театральной герменевтики представляет возможным истолкование феноменологических рефлексий на уровнях понимания системно-динамического подхода к опыту «карнавальной телесности» как органическому целому. В статье рассматривается динамическая структура карнавальной телесности в оптике театральной герменевтики. Авторы утверждают, что динамика эволюции карнавального тела представляет собой единый механизм переработки всех антропологических уровней её развития в синтезе «речевого действия» театрального искусства.

Ключевые слова: М.М. Бахтин, театральной герменевтика, антропологическая практика, топографическая картина мира, топографическая телесность, родовое тело, гротескное тело, индивидуальное тело, речевое тело, речевое действие.

КРЮЧКОВА НАТАЛЬЯ ЮРЬЕВНА – доцент кафедры режиссуры, мастерства актёра и экранных искусств, Орловский государственный институт культуры

ТИТОВ АЛЕКСАНДР ЮРЬЕВИЧ – кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры режиссуры, мастерства актёра и экранных искусств, Орловский государственный институт культуры

KRYUCHKOVA NATALYA YURIEVNA – Associate Professor of the Department of Directing, Acting and Screen Arts, Orel State Institute of Culture (Russia, Orel)

TITOV ALEXANDER YURIEVICH – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Directing, Acting and Screen Arts, Orel State Institute of Culture (Russia, Orel)

© Крючкова Н.Ю., Титов А.Ю., 2022

Для цитирования: Крючкова Н.Ю., Титов А.Ю. Динамическая структура карнавальной телесности: антропологический опыт театральной герменевтики // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. №3 (107). С. 16-29. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-3107-16-29>

THE DYNAMIC STRUCTURE OF CARNIVAL PHYSICALITY: THE EXPERIENCE OF THEATRICAL HERMENEUTICS

Natalya Yu. Kryuchkova

Associate Professor of the Department of Directing, Acting and Screen Arts, Orel State Institute of Culture (Russia, Orel)
e-mail: nkruchkova21@yandex.ru

Alexander Yu. Titov

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Directing, Acting and Screen Arts, Orel State Institute of Culture (Russia, Orel)
e-mail: vittoal@yandex.ru

Abstract: This article is a generalization of the experience of anthropological practice of the research laboratory “Bakhtin Methodological Seminar” on the basis of the Orel State Institute of Culture and the M.M. Bakhtin Scientific and Educational Center of the Oryol Municipal Drama Theater “Russian Style” named after M.M. Bakhtin. The effectiveness of the study of the correlation and interaction of the experience of two practical bases – educational and training and professional-specialized directly depends on the development of interdisciplinary methodological tools. The team of authors, from different positions, came to the conclusion that laboratory experience makes it possible to identify the phenomenological differentiation of practical ways of distinguishing the structural components of “carnival physicality”, just as the experience of theatrical hermeneutics makes it possible to interpret phenomenological reflections at the levels of understanding the system-dynamic approach to the experience of “carnival physicality” as an organic whole. The article discusses the dynamic structure of carnival physicality in the optics of theatrical hermeneutics. The authors claim that the dynamics of the evolution of the carnival body is a single mechanism for processing all anthropological levels of its development in the synthesis of the “speech action” of theatrical art.

Keywords: M.M. Bakhtin, theatrical hermeneutics, anthropological practice, topographic picture of the world, topographic physicality, generic body, grotesque body, individual body, speech body, speech action.

For citation: Kryuchkova N.Yu., Titov A.Yu. The Dynamic structure of carnival physicality: the experience of theatrical hermeneutics. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2022, no. 3 (107), pp. 16-29. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-3107-16-29>

Введение в методологию лабораторного исследования антропологической практики речевой телесности. Заявленная в статье многоаспектная категория «карнавальная телесность» в современной науке подразделяется на ряд специализированных отраслей антропологического, культурологического, онтологического и прочих содержательных подходов. В результате подобного разделения предмет исследования

как бы уходит из поля зрения и растворяется в других самостоятельных научных дисциплинах. Приходится конкретизировать контексты и корректировать научный дискурс, выясняя, о каком «карнавале» и какой «телесности» идёт речь и оказываясь, наконец, перед простой очевидностью: мы просто за деревьями не видим леса.. Настоящее исследование базируется на анализе учебно-образовательного театраль-

ного опыта и профессиональной сценической практики. Динамический спектр «карнавальной телесности» выявлен в результате использования лабораторного метода и антропологического подхода к органической целостности данного культурного феномена.

Научно-методологические основания исследования «карнавальной телесности» непременно отсылают нас к универсалистским разработкам этой темы в трудах М. М. Бахтина. (Хоть, это и не является основной задачей статьи, но мы попытаемся показать, что диалогическое несогласие с бахтинским подходом других исследователей вызвано следствием установок научной дифференциации, а не методологической «утопией» учёного.) Методология гуманитарного знания в своих обобщениях непосредственно базируется на органическом опыте антропологического целого, в разрыве с которым гуманитаристика, утрачивая связи с природой человечности в человеке, перестаёт быть затребованной как опыт антропологической практики, именуемой «работа над собой». Бахтинская структура «топографической телесности» практически тождественна содержательно-семантическому концепту «карнавальной телесности» в своих динамических составляющих элементах: «родовое тело», «внутрителесное тело», «гротескное тело», «индивидуальное тело».

Рабочая формула антропологического практикума: каждому речевому жанру своё тело воплощения-высказывания.

Театральная герменевтика интегрирует данные семантические структуры «речевого тела» в динамике классического треугольника: переживание – выражение – понимание (В. Дильтей). Но в отличие от герменевтики, как жанра теоретического высказывания, театральная герменевтика может идти от эксцентрического акта выражения к внутреннему опыту понимания и переживания. Бахтинское «внутрителесное тело» («я внутри своего тела»), есть следствие «отелеснивания смысла» («смысло-тело»), смысл всегда персоналистичен и персонифицирован в структуре самого тела – это принцип воплощения «персонально-

го тела» или «тела индивидуального». В качестве рабочего конструкта в практике феноменологического различения принята категория «нейтральное тело», как условие организации состояния нейтрализации дуальных и дихотомических оппозиций в системе спектральной антропотомии Homo Somaticus [22].

Собственно, герменевтический подход, как искусство целостного прочтения и толкования смыслов, так же распадается на дисциплинарную отраслизацию («общую» и «специальную»), подразделяясь на уровни прочтения: космологический, мифологический, ритуальный, фольклорный, аллегорический, психоаналитический, семиотический и прочие, и прочие. На наш взгляд, фокус театральной герменевтики в её исходном прикладном значении антропологической практики захватывает опытно-феноменальное истолкование воплощённых смыслов отвлечённых понятий, в нашем случае – понятие «карнавальная телесность». Если Вячеслав Иванов в своей знаменитой формуле «философия есть экзегетика мифа» («Философема представляется точной экзегезой мифологемы») [21, с. 21] употреблял слово «экзегетика» как эквивалент категории «герменевтика» именно в практическом смысле, то – по старой доброй аналогии – театральная герменевтика есть телесно-воплощённая экзегетика трансформирующегося мифа, именно самого процесса (акта) трансформации, а не имитации мифа, трансформированного в драму. То есть речь идёт не о канонизированных формах (например, жанровых), а о самом акте трансгрессии личного опыта понимания в переходах формообразующих конституирующих структур (например, речевых жанров и речевого действия).

Генетически театр не есть прямой перенос интерпретации мифических смыслов в их мистериальных проекциях, но является иным качественным обращением мифа из ряда образно-символической театрализации на уровне драматургической понятийной вербализации (О. Фрейденберг) [27]. Театр в своих порождающих смыслах является промежуточным (медиальным) ретранслятором

кризисных сдвигов и осевых смещений «больших эпох» (М. М. Бахтин) [2]. В системе «тектонических сдвигов» театр в фокусном моменте «здесь и сейчас» воспринимает (улавливает), синхронизирует (входит в резонанс) и передаёт (транслирует) весь синхронистический спектр исторических наслоений в «единой топографической модели мира» (в значении термина М. М. Бахтина) [5].

Оптика театральной герменевтики фокусирует методологический ракурс на «топографической телесности» самого процесса развития феномена воплощения «карнавальной телесности» представляет её как саморазвивающуюся многоуровневую формально динамическую модель качественного становления и преобразования: от акта перевоплощения как подражания в высшем смысле «трагическому мифу» (по Аристотелю) к акту обращения и преображения в христианском смысле. Функциональные порядки действенных структур целостного комплекса «карнавальной телесности» характеризуются признаками системно-динамических актов переключения, претворения, превращения, превозникновения («изобретения мира впервые») в его космогоническом обращении.

Интуитивный опыт театральной герменевтики преимущественно базируется на феноменологии неявных и внелогических чувствований и ощущений целого (мышление образами, схватывание целиком), включая сферы неосознаваемого в структурах сознания (подсознательное, бессознательное, сверхсознательное). Метод «работы над собой» в процессе переживания роли через себя и себя в роли представляет собой мощную технику понимания на уровне первичного акта моделирования телесных реакций (по формуле К. С. Станиславского «от внешнего к внутреннему»). Топографическое тело подобно тексту на пергаменте в обратимой технике палимпсеста (греч. *παλιψητος*, от *παλι* – опять, вновь и *ψητος* – соскобленный): – удалённый текст сохраняется в базе данных. Мы можем реконструировать и строить описательную модель как минимум на двух фундаментальных уров-

нях текстуального восприятия и воспроизводства: языкового – в структурном изоморфизме кода биологического коду лингвистическому (Р. Я. Jakobson) и речевого – диалогического полиморфизма и полифонизма (М. М. Бахтин). Напомним, что так называемое «нейтральное тело» необходимо для феноменологического различения подходов к искусственному языковому воспроизведению (семиотическому коду) и органическому – речепорождающему (по сути, до-языковому). Нам же требуется найти индивидуальный ключ к доступу удалённого текста антропологической целостности.

Карнавальная парадокс смыслопорождающей динамики: возникновение (порождение) новых содержательных смыслов, естественно, вступает в конфликт с прежними формами-носителями смыслов, которые в силу инерционного тяготения остаются, несмотря на саморазрушительные характеристики ветхости и дряхлости, достаточно устойчивыми. И наступает действие карнавального парадокса: новое содержание гротескным преувеличением буквально «выворачивает наизнанку» старое, но не в качестве формы-носителя своего содержания, а в акте возвращения к энергичным первоисточкам формопорождения («тело возвращения»). Гротеск как приём в принципе не должен нести смысловых, тем более, идеологических коннотаций, гротеск есть гротеск и не более того. «Гротескное тело» – в буквальном значении слова «триггер» – «спусковой крючок» на регуляцию акта преобразования (переключения, перенаправления) энергичной базы родового или витального тела.

Выработка новой формы осуществляется буквально во вращательном движении относительно произвольно выбранной «оси мира» (например, в санскритской драме), вокруг которой вращается плоскость старых представлений о топографической картине мира (в эру христианства «ось мира» символизировал крест). «Карнавальное тело» – «тело вращения» в этой драме превращений трагедизирует ветхую форму, изменяя векторы топографической ориентации смыслов

и порождая новую, соответствующую форму. Произвольная ось вращения карнавалового тела – слово-понятие (логос), воплощённое в индивидуальном «речевом теле». К данному понятию следует сделать существенное замечание: под «речевым телом» подразумевается мировой воплощённый Логос («говорящее бытие»), в лице которого говорит всё мироздание и человек; форма «речевого действия» – словесное единоборство живого и мёртвого, неба и преисподней [27, с. 105–106]. Отсюда структурно-антропологический изоморфизм большого логосного тела космоса (макрокосм) и малого логосного тела человека (микрокосм).

Динамическая модель циклически проявляет себя в трёх фазовых уровнях: 1) от момента становления некоего синкретически целостного универсума (идеального), 2) к моменту расцвета и стабилизации некоего общестановленного (нормированного, официального), и далее 3) к моменту дифференцированного распада на прагматически-утилитарные подуровни (специализированного, ремесленного, технического) и тотального кризиса (осевого сдвига). Динамика инвариантных взаимодействий этих уровней носит вневременной характер синхронистического спектра, приближая нас к опытному пониманию неопределённости категориального аппарата М. М. Бахтина: «большое время – большая память – индивидуальное тело» в связке-взаимодействии другого структурного изоморфизма: «речевое время – речевая память – речевое тело».

Своё исследование карнаваловой культуры М. М. Бахтин [3] сосредоточил на моменте упадка и распада, возведя в универсум период кризисного перехода от позднего средневековья к Ренессансу. Так называемый «неофициальный» карнавал к этому времени был достаточно профессионализирован, а изначальные его смыслы существования были уже утрачены. Впрочем, исторически «карнавал» во всех своих полисемантических значениях и в любом своём полиморфизме не может быть стихийен и не упорядочен. Он всегда жёстко регламентирован, включая и дионисийские

вакханалии и сатурналии. Регламентирован, прежде всего, вертикалью сакральной структуры ритуала. Именно иерархически заданная организация целого позволяет спонтанно проявлять себя как неожиданному (парадоксальному) и случайному (стохастическому), с точки зрения официальной нормативности, так и невыразимому, и непознаваемому (апофатическому). Если бы мы говорили на языке синергетики, то эти процессы совершенно очевидным образом относились к действию «сверхстранного аттрактора» в локальном пространстве «области Джокера».

Парадоксально, но в качестве аргументации данного тезиса служат христианские предания о чудесных обращениях профессиональных мимов в кризисную эпоху становления христианства III–IV столетий. Телесное и духовное преображение совершается именно в самом моменте шутовского и пародийного представления, изображающего обряды Крещения, страдания и муки первых христиан, риторику церковных проповедей. Житийный список мучеников и святых, обращённых в веру христианскую мимов, достаточно широк для того, чтобы говорить о некоей закономерности типического и универсального, а не чудесной случайности единичного («Мартиролог театра», Афины, 2012 г.). Естественно, что агиографические сюжеты таковых мимических преображений, уже в эпоху расцвета христианства конца V–VI вв., были положены в основу театральных представлений, сценарные текстологические формы которых дошли до наших дней [25, с. 202–222]. Весьма относительно данные тексты можно маркировать термином «пьесы» в современном понимании, но то, что они были предназначены для сценической постановки, подтверждается наличием ремарок как режиссёрских указаний.

Сам факт Распятия толковался эллинами как акт безумия: «Ибо и Иудеи требуют чудес, и Еллины ищут мудрости; а мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие» (Апостола Павла 1-е послание к коринфянам 1:22). С точки зрения античного мира новая религия демонстриро-

вала свою абсурдную несообразность с требованиями разума и умопостигаемой мудрости. Мистерия Голгофы с идеей кенозиса (κένωσις – опустошение, истощение) как Божественного самоуничтожения Христа, безусловно, воспринималась в этом контексте как «карнавал», а телесное воплощение Бога-Слова – как «карнавальная телесность» в персонажной воплощённости трикстера, о чём пытался передать В. Н. Турбин изустным высказыванием М. М. Бахтина о «карнавальном» (нехристианском) восприятии Евангелия [10].

Универсализм концепции Бахтина, на языке учёного, «бытийно представительствует» динамическую и/или топографическую структуру «карнавальной телесности»: «гротескное тело» – «родовое тело» («внутри-телесное тело») – тело антропологическое (адамово тело) – индивидуальное тело большого опыта». Парадоксальным образом «большая память» родового тела индивидуализируется, и тело «неподвижной вечности», тело «большого становления» (смены эпох) начинает проявлять себя в «индивидуальном теле» конкретного носителя памяти – в личности [2, с. 519]. Данная трансформация «карнавальной телесности» в концепции учёного объяснима только с точки зрения христианского Боговоплощения, воплощения Бога-Слова.

В целом герменевтика Бахтина претерпевает динамику «диалектического скачка» (как бы он сам ни отрешивался от диалектики) – от «родового тела» к «телу индивидуальному» в памяти Большого времени, прозревая в этом кризисном эпохальном разломе универсальный смысл духовной вертикали «карнавальной телесности». А потому исследователь упорно возвращается в своих интуициях «топографического тела» к романной форме Ф. М. Достоевского. Преодолевается тот разрыв, на который постоянно указывают исследователи, уловляющие Бахтина в противоречии. Трансформации и преобразования карнавального тела осуществимы в заданности преображения «речевого тела».

Разрешение этого парадокса генетически укореняется в «речевом теле» воплощённого

Логоса (Слово-Плоть-Бог). Фундаментальность универсального уровня логосного воплощения в карнавальном теле мы находим не в привычном синтезе семитической и древнегреческой традиции «эллинистического христианства», но значительно древнее – в древнеиндийском трактате о театре «Натьяшастра» (предположительно, I–III тыс. до н. э.).

Сакральные смыслы карнавальной телесности. Собственно, научное изучение «Пятой Ведь», как именуют священные тексты о «Натье», имеет позднее происхождение, по причине того, что первые переводы памятника с санскрита на европейские языки (в основном английский) появляются только в конце XIX века, а относительно полное критическое издание было опубликовано только в конце второй половины XX столетия. Отечественная индология приступила к изучению трактата в 1970-х-1990-х гг. (первая работа Алихановой Ю. М. «Театр Древней Индии – Культура Древней Индии», 1975 г.). Научное исследование Лидовой Н. Р. «Драма и ритуал в Древней Индии», на которое мы опираемся в настоящей статье, было опубликовано в 1992 году [12]. Соответственно, колоссальная инерция отечественного театроведения не может, да и не желает, пересматривать фундаментальные положения западноевропейской традиции во взглядах на театр. И первая проблема театрального генезиса – это «идеологические» расхождения во взглядах на истоки происхождения театра: светское или сакральное (священное). Как ни странно, но эти «челночные» дискуссии о курице и яйце продолжаются до сих пор.

Ключевым моментом в этих спорах является понятие «десакрализация», которое однозначно все прогрессисты относят к «светскому» освобождению от архаического груза сакрального, а заодно и священного (на вопросе различения и разделения этих понятий мы здесь не станем останавливаться). Но в действительности акт десакрализации (развоплощение) интегрирован в динамическую структуру ритуального действия, а, следовательно, и в состав «карнавальной телесности».

В «Натьяшастре» ритуально-мифологическая интерпретация (экзегетика) стадии десакрализации пространства осуществляется в границах сакрального как акт перехода-преобразования от старого инертного состояния космоса к новому космическому циклу. В этой фазе полигонизации (перестройки структур) старой упорядоченной модели вселенной наступает время (или момент вечности) становления Божественного Слова, логосного основания мироздания, что и переводит символически ритуальное действие в статус «борьбы с помощью слов». Наступление нового состояния мира знаменуется «звучащей речью» (бхарати вритти – «говорящее слово» или «речевое действие» или «тело вращения») как формой активизации творческой потенции мироздания. То есть появление (рождение) карнавальнoй телесности самым непосредственным образом связывается с порождением речевой действительности. Невольно напрашивается термин «карнавальная глоттогония», поскольку происхождение языка в драматической структуре ритуального действия тесно связано с явлением на сцене странного персонажа, вечно узнаваемого и вечно ни на что и ни на кого не похожего, – его величество Шут-Трикстер-Джокер.

Согласно священному тексту после торжественной части ритуала исполняется «костюмированная интермедия», по определению Натьяшастры, именуемая «Тригата» и «имеющая вид пьесы». Тут и предстаёт наш вечный антагонист Видушака (санскр. vidúshaka – портящий) в облике лысого, горбатого и пузатого карлика, одним своим видом вызывающий смех. Внешнее описание этого персонажа значительно трансформируется во времени, но все авторы древности сходны в одном инвариантном признаке: речевая амбивалентность, одновременно абсурдная и остроумная.

Динамическая структура этой воплощённой карнавальнoй телесности в лице Видушаки эволюционирует от прямого воплощения бога победителя демонов (аватара Вишну)

в период становления (тексты Ригведы) до его помощника-трикстера в период расцвета (Вишну – Видушака) и, как полная противоположность – «асуры» (буквально «не-боги»), что означает именование антиподов персонажам божественного пантеона в период распада и кризисного упадка [7].

Мы изложили «чистый» (и значительно редуцированный) акт динамического моделирования «топографической картины» мира, описанный Н. Р. Лидовой в терминах Натьяшастры, до момента появления интересующего нас персонажа интермедии [12, с. 26]. В этой интермедии и находит свой генезис древнеиндийская драма и театр; и актёр, и сцена, и особо для этого предназначенное и возведённое здание – все значения театра, слитые в одном полисемантическом термине «натья». «Натьяшастра» – священный трактат (сутры) о натье регламентирует его сакральное, изначально целостное, синкретическое и симультанное, обрядово-ритуальное значение.

Любопытно, что, используя, по сути, феноменологический метод наивного синкретизма Жана Пиаже – «смешивать разнородные явления без достаточных на это оснований», принимая «связь впечатлений за связь вещей», мы приходим к неожиданному сближению значений в древнегреческих словах «пародия», «парадокс» и «парод» в общем акте выворачивания наизнанку «против и вопреки» (др.-греч. παρά «возле, кроме, против») ожидаемого. И странное сближение с этими значениями конструкта «парод» (др.-греч. páробос) – «открытого коридора», прохода на оркестру, расположенному между (против) амфитеатром и сkenой, впоследствии трансформированном в «чёрную дыру» порталного отверстия (зеркало сцены). Эти смыслы создают единое семантическое пространство «карнавальнoй телесности» в прочтении «изнаночной», «вывороченной» «смеховой культуры» (М. М. Бахтин, Д. С. Лихачов, А. М. Панченко). «Внутрителесное тело», вывернутое в космогоническом акте говорения, речепорождение мироздания даёт свежий взгляд на мир – неожиданный, т. е. парадоксальный.

Традиция «Тригаты» исследователями относится к жанру ритуальной энигмы (*énigme*) или «нулевой точки» фазового перехода сознания в процессе парадоксального обмена загадками в форме словесного поединка. Характерно, что древнегреческий миф об Эдипе относится к первому, широко распространённому в античном мире появлению энигматического жанра, заменяющего кровавую битву на словесный поединок (встреча со Сфингсой). Драматург Софокл использует форму речевой баталии в драматической завязке своей трагедии (сцена вторая), с которой начинается катастрофа и стремительное возвращение героя к самому себе как истинному я. Жанр этой сцены диалога слепого провидца Тиресия и недалёковидного Эдипа явно носит характер комически-пародийной ситуации. Об этом говорит весьма сомнительная и двусмысленная телесность зеркально отражающих друг друга персонажей, которые поочерёдно играют роль трикстера (комического дублёра) в травестийной ситуации имитации героического состояния пароксизма (возвышенного припадка). Персонажи не в состоянии проявить былую харизму боевого духа и вынуждены ограничиться словесной баталией и перепалкой бессильных проклятий. Эта двойственность не амбивалентная, в которой расщеплённое (бинарное) отношение (переживание) к ценности лежит в самом явлении, и не игра смысловой многозначностью высказывания (полисемия). Эта двойственная игра основана на телесной неоднозначности персонажей (героя и его комического дублёра), лишённых телесной идентификации, – «трансгендерная телесность» Тиресия и «инцестированное тело» Эдипа. В этой, по сути, гротесковой ситуации, очевидная истина о преступлении и преступнике, ложно завуалированная и запутанная в процессе словесной баталии, доведённая до банальности, выстреливает вдруг и неожиданно: мудрый птицегадатель Тиресий «привел в движение страшное». Трагическая амбивалентность «Эдипа-царя» приращивается контекстуальными интерпретациями фабульного «узнавания» (по Аристотелю), которая стро-

ится на знании сюжета разыгрываемого мифа об Эдипе (игровой принцип знания-у-знания). Отсюда парадоксальная неожиданность зрительского восприятия игры в двусмысленность кажимости и истинности. Режиссёр Питер Брук рассказывает о своём впечатлении от сцены с Тиресеем в африканской постановке «Эдипа», решённой в фарсовом ключе. Словесная перепалка персонажей радостно предугадывается зрителем в игре несовпадения вопросов и ответов, ведущих вопрошающего Эдипа к катастрофе. Но на реплике «Ты убил своего отца!» публика одновременно с Эдипом приходят в ужас, наступает тишина. Режиссёр останавливается в размышлении где расходятся и соединяются трагедия и комедия [5, с. 291–292]. Они разошлись во времени упадка и деградации жанрового дробления – изначально синкретического в универсальной стадии становления.

Театр генетически сакрален, мистериален, но в нем усиливается элемент имитации не в значении мимесиса, как подражания трагическому мифу, но в двусмысленном подражании теневым пародийным двойникам (концепция О. М. Фрейденберг [27]). Уместно здесь и пародийное высмеивание сакрального в границах самого сакрального в динамической смене относительных ценностей (концепция В. П. Даркевич [11]). Одно не отменяет и не противоречит другому, но активно взаимодействует в единой системе действия. Идея «двумирности» Бахтина на уровне изначального синкретизма (универсального) заключается в том, что большая память родового тела сохраняет и проявляет стихийное смеховое начало, но уже в топографии локальных многоуровневых расслоений по отношению к «официальному».

Скоморохи Божьи в динамике карнавальной телесности. Динамический кризис эпохи «раблезианского гуманизма», прежде всего, был кризисом духовно-религиозным, периодом упадка, распада и деградации западноевропейской христианской церкви – «Тела Христова» (яркий пример представлен в названии «Моралите о болезни Христианства»

1533 г.) [14]. Всё телесное получает доминанту «низового» материального начала в «родовом теле» коллектива, социума и индивида, которое было спроецировано на телесный, вселенский космос как неразделимое, единое и живое «говорящее» целое. Этих признаков вполне достаточно, чтобы говорить о частичной утрате преобразовательной силы логосных смыслов «карнавальной телесности». В эпоху позднего Ренессанса площадной карнавал окончательно профессионализируется на уровне ремесленно-цеховой специализации. Поэтому в конце XVI века площадные мистерии, из общественной литургии превращённые в зрелище, подвергаются легитимации и запрету.

Народная праздничность «гротескного реализма» официально регламентировалась, но локально позиционировала свою потайную вторую жизнь в контрапункте к общепринятому и общепризнанному уровню. Идеализированная гуманистами карнавальная среда «праздника осла» и «праздника дураков» генерировала новые социальные утопии (в том числе и в жанре пародии, например, такой антиутопии, как роман Сервантеса). В романе Франсуа Рабле смысловым центром композиции является первый французский утопический идеал под названием «Телемское аббатство» (L'abbaye de Thélème – от гр. θέλημα – воля). Утопический образ, созданный бывшим монахом-францисканцем, именуемый «Вольной обителью», и является воплощением идеального «речевого тела», «Тело Слова», которым должна была стать церковь, как «Тело Христово». Зашвырнув свою францисканскую рясу в крапиву [18], Франсуа Рабле, которого В. Гюго назвал «шутовским Гомером», сохранил в себе образ идеального братства и заговорил на языке народной смеховой культуры. Посредством народного праздника он вывернул наизнанку фарсовое, гротескное тело «меса осла» монашеских орденов и воплотил образ Вольного аббатства в его «внутриреческом теле». Как некогда святой Франциск Ассизский преобразился в «скомороха Бога», «придворного олуха Царя небесного» [24], в котором

текст Священного Писания заговорил с миром на языке его тела (проповедь птицам).

М. М. Бахтин постоянно возвращался к теме францисканства не только в связи с творчеством Франсуа Рабле и Ф. М. Достоевского, но и с усиленным интересом к судьбе нищенствующего монашеского ордена в среде русского религиозного ренессанса, начиная с первых десятилетий XX века [17]. Для нас важен момент «двумирности» карнавальной телесности, как логосное (словесное) воплощение драматургического конфликта (словесной борьбы) на театрально-сценических подмостках.

Сложную тему скоморошества мы только обозначим, но не в связи с поверхностной исторической редукцией пред-театральных или паратеатральных форм [20], совсем не имеющую отношения к генезису театра в силу его искусственной маргинализации. Изначально скоморошество, по крайней мере, на Руси, носило атрибут сакрализации княжеской власти. Знаменитые фрески внутренней галереи, соединяющей южную и северную башни Киево-Софийского собора, с росписью сцен охоты и скоморошских игр не символизировали никакого «двоеверия», но латентно содержали в себе потенциал будущего «двоемирия». Фрески не предоставлены к общему усмотрению, но скрыты в княжеских полатях (хорах) Северной башни Святой Софии, где располагалась княжеская резиденция семьи и ближайших приближённых. Материалы многолетних исследований историка С. А. Высоцкого, собранные ещё в 60-х – 70-х гг. прошлого столетия, не получили широкой огласки, возможно, и по причине несоответствия бытующей до сих пор идеологии двоеверия в конфликтном отношении христианства и язычества. Скоморошество на Руси пришло из Византии вместе с христианством, а главная тема фресковых изображений была развёрнута в сюжетном повествовании о визите в столицу Византийской империи Константинополь княгини Ольги и о её провиденциальной встрече с императором Константином VII Порфирородным [6, с. 38].

Мы не могли не привести этот редко упоминаемый факт не в связи с темой скоморошества, но в связи с динамической структурой взаимодействия сакрального, священного и профанного. Свой «рассвет» скоморошество, уже не в качестве атрибутивного свойства, но сакрально действенного инструмента власти, получает во времена правления великого князя и первого помазанника на царство Ивана IV (Васильевича), прозванного Грозным и «скоморохом Божьим». В борьбе царя с родовой аристократией скоморошья ватаги служили орудием разорения боярских вотчин, так как по высочайшему Указу обязаны были содержать царские артели игроков и глумотворцев [13; 16]. И это происходит в эпоху, когда скоморошество «Домостроем» отнесено в разряд «игр бесовских», и Стоглавым церковным собором 1551 года «рекомендовано» не привлекать скоморохов к участию в свадебном венчании и поминальном обряде, что только почти через сотню лет, в 1647 году, будет окончательно запрещено высочайшим Указом Алексея Михайловича Тишайшего.

Мы видим, что к XVI столетию весь христианский мир ополчился на смеховую культуру народных праздников в лице скоморошества, оттесняя её на периферию и вырабатывая новый дискурс документального производства, который относит их к разряду языческих культовых обрядов: «кощуны сатанинские», «песни сатанинские», «песни бесовские»; «бесовские игральщица»; «бесовские игры», «гудбы бесовские». В иконографии Страшного суда, получившей особенно широкое распространение к этому времени на Руси, скоморохи, певцы, плясуны и глумцы «в огне повешены за ноги» [19, с. 463–477]. Поразителен поздний пример послания в Пустозерск протопопу Аввакуму от 1676 г., в котором осуждение «игранья» относится к смерти царя Алексея Михайловича, запретившего скоморошество. Имя царя обличается в грешном образе, за что тот и был, по мнению автора, наказан в «посмертии своём», так как «тешился всяко различными утешении и играми» [15, с. 232.]. Сам протопоп Аввакум известен нам как лич-

ность «привесьма карнавальная и скоморошеская», впрочем, как и все русские подвижники исихастского толка, типа преподобного Нила Сорского, непримиримого к внешнему религиозно-обрядовому символизму.

В период второй половины XVI – первой половины XVII столетий скоморошество из разряда положительных действий, обладающих не только сакральными функциями, но рудиментами священного, направленного на благо, вытесняется в «антимирное», «кромешное» измерение, в крайнюю оппозицию к новой системе социальных отношений. Естественно, что по отнесению явлений праздничной народной культуры к языческой обрядности, доминантной характеристикой этих действий становится преобладание материально-телесного «низа», а духовное содержание, связанное с традицией сакрализованного антиповедения, активно демонизируется. Строится новая идеология «третьего Рима», сакрализация священного «неба» трансформируется в сакрализацию власти земной.

Карнавальная телесность скоморошества деградировала, но не лишилась главного сакрального признака – словесного действия, выраженного «сверхнормативной» лексикой перевёрнутого мира, в которой обценная лексика использовалась как элемент проклятий, оберегов, охранительных заклинаний и проч. [28, с. 36–51]. И вновь мы обнаруживаем всё те же инварианты динамической структуры карнавальности телесности: словесная рифмованная перепалка слов и условная баталия с напарником, проводимая с единственной целью – организации «области джокера» («область перемешивания»), видимости сумятицы и беспорядка, за которой (или из которой) проявляется «сверхстранный аттрактор» нового логосного порядка и равновесия – «юродивый о Христе и Христа ради».

Агиографические свидетельства жизнеописаний XIV века свидетельствуют о появлении нового типа «карнавальности телесности», внешне схожей по своему поведению со скоморохом, – «юродивый Христа ради». Так, блаженный Симеон Юродивый, сирийский монах-отшельник VI века, известный своим

имитационным безумием, в русских переводах получил практически канонизированное прозвище «игреца», т. е. скомороха Божьего. Канонические черты иконографических изображений святых юродивых Христа ради наравне с житийными сведениями закрепляются ко времени Макарьевских соборов середины XVI столетия [1, с. 283–345.]. Текстологами русского перевода Священного Писания единодушно утверждается общий семантический ряд слов «юродивый», «буйный» «похабный», которые воссоздают образ поведения русского «видушаки»: глупый, безумный, своенравный, непокорный, шумный, бесстыдный и непристойный, но все вариации строго (почти канонизировано) сопряжены с подражанием Христу. Абсурдность поведения юродствующего означает ту бытийно-экзистенциальную грань, за которую никто не может перейти [8].

Многочисленные типы юродивых во Христе, нашедшие свои определённые локации во времени последних четырёх столетий на Руси, интегрированы одним, чётко структурированным, принципом по отношению к «высшей власти», представленным в драме А. С. Пушкина «Борис Годунов»: – посрамление всякой неправедной власти [26].

Двойником одновременно юродивого и скомороха в одном лице в том же XVI столетии становится тип домашнего шута или дурака, он и веселит, он и посрамляет. Он так же наделён легитимным правом «инаковости» по отношению к другому измерению, к «иномирию», но определять его в качестве «антимирия» не вполне корректно с той же церковной точки зрения. Поскольку типы юродивого, шута и скомороха, практически, находятся в соотношении теневого пародирования, но генетически представляют собой один эсхатологический тип проводника-посредника в двумирии земного и небесного в преддверии нового бытия – Пакибытия (от слав. «паки» – вновь), которое осуществится после пришествия и воцарения Сына Человеческого.

Вместо заключения: перспективы исследования карнавальной телесности в структуре драматического действия.

Мы рассмотрели исторические генерации динамических структур карнавальной телесности в их «чистом» виде, действующие приблизительно до XVI – первой половины XVII вв. В дальнейшем в контексте театральнотрагических структур мы можем различать локальные проявления жанровых и персонажных признаков, заданных стилистическим приёмом авторского преувеличения (гротеск).

Метод художественной реконструкции первых десятилетий XX столетия (Н. Н. Евреинов, Вс. Э. Мейерхольд, Е. Б. Вахтангов) предоставил возможности реальной практики в исследовании жанровых феноменов не только сценического, но и антропологического опыта карнавальной телесности. Эвристические опыты М. А. Чехова с индивидуальным речевым телом конкретизируют лабораторный подход в поиске технических средств «анатомирования» речепорождающей телесности. Эвристический подход характеризует экспериментальную работу с родовым телом в театральном тонально-пластическом студийном прелеткульту.

Театральная герменевтика целостного прочтения драматургического произведения в фоновом контексте большого времени, например, сценическое прочтение локальных средневековых жанров фарса, миракля и моралите в общем контексте «площадной драмы», как народной литургии, представляет богатейший материал для художественного решения спектакля (Дж. Р. У. Найт, Ф. Ф. Комиссаржевский). Исключительный феноменальный опыт речевой телесности представляет собой «Международный центр театральных исследований» Питера Брука, в котором антропологический подход играет главную роль в исследовании человеческого «устроения» актёра, в отличие от «театральной антропологии» Эудженио Барбы, исследующей опыт «сценического присутствия». В последнее время получил распространение вид документального театра (вербатим), реализация технической стороны которого зависит от телесно-речевой конгруэнтности актёра-интервьюера реаль-

ному прототипу («донору») предстоящего представления.

Лабораторный подход позволяет выявить феноменологическую дифференциацию индивидуально-речевых регистров карнавальной телесности, если под «регистрами» понимать определённый локус-центр топографической телесности, задействованный в контексте драматической ситуации «речевого жанра».

Герменевтический подход представляет возможным истолкование феноменологических рефлексий на уровнях системно-динамического понимания и толкования опыта «карнавальной телесности» как органического целого.

Естественно возникающая дихотомия в подходе к драматургическому произведению (пьеса), в первую очередь, как письменному тексту (литературному), задаёт коммуникативные регистры вторичного моделирования

речевой действительности, то есть семиотического. Органическое действие актёра задаётся в режиме преодоления (преобразования) репертуара языковых средств, как «чужого слова» (авторского), зафиксированного текстуально, в живую речь. «Речевое тело» материала пьесы присваивается в органике «речевого действия» (речепорождающей) и в этот момент запускается, вольно или невольно, динамический механизм карнавальной телесности.

Антропологический подход к топографической дифференциации телесности, согласно которому выявляется «жанровое» отношение или «угол зрения на предмет» (по Г. А. Товстоногову) [23] в речевом теле участников драматического общения, способствует феноменологическому различению типов актуализации речевого высказывания в поиске «словесного действия».

Список литературы

1. Андроник (Трубачёв), Афиногенов Д. Е., Гросул В. Я., Зайцев Д. В. и др. Житийная литература // Ефесянам послание – Зверев. Москва: Православная энциклопедия. Т. XIX, 2008. С. 283–345.
2. Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. Москва : Художественная литература, 1986. 543 с.
3. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. Москва : Художественная литература, 1990. 543 с.
4. Бахтин М. М. Работы 1940-х – начала 1960-х гг. // Собрание сочинений, Т. 5. Москва : Русские словари, 1997. 731 с.
5. Брук Питер. Нити времени: Воспоминания. Москва : Артист. Режиссёр. Театр, 2005. С. 291–292.
6. Высоцкий С. А. Средневековые надписи Софии Киевской: (По материалам граффити XI-XVII вв.): Автореф. дис. ... доктора исторических наук. Киев, 1978. 38 с.
7. Воробьёва Д. Н. Карлики в Древнеиндийской религиозной иконографии: уровни интерпретации / Актуальные проблемы теории и истории искусства. 2017. № 7. С. 590–598.
8. Голубинский Е. Е. История канонизации святых в русской церкви. Москва : Имп. Общество истории и древностей при Московском университете, 1903. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Evgenij_Golubinskij/istorija-kanonizatsii-svjatyh-v-russkoj-tserkvi/
9. Гуревич А. Я. К истории гротеска. «Верх» и «низ» в средневековой латинской литературе // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1975. Т. 34. № 4. С. 327.
10. Из переписки М.М. Бахтина с В.Н. Турбиным (1962–1966) / Предисловие Натальи Ивановой. Подготовка к печати и комментарии Н.А. Панькова // Знамя, 2005. №7. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2005/7/iz-perepiski-m-m-bahtina-s-v-n-turbiny-m-1962-8212-1966.html>
11. Даркевич В. П. Пародийные музыканты в миниатюрах готических рукописей // Художественный язык Средневековья. Москва: Наука, 1982. С. 20–37.

12. *Лидова Н. Р.* Драма и ритуал в Древней Индии. Москва : Наука. Восточная литература, 1992. 149 с.
13. *Лихачёв Д. С.* Историческая поэтика русской литературы: Смех как мировоззрение. Санкт-Петербург : Алетейя, 1997. 508 с.
14. *Некрасова И. А.* Религиозная драма и спектакль XVI—XVII веков. Санкт-Петербург : Гиперион, 2013. 365 с.
15. Памятники старообрядческой письменности. Санкт-Петербург: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2000. 382 с.
16. *Панченко А. М.* Смех как зрелище // Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньырко Н.В. Смех в Древней Руси. Ленинград : Наука, 1984. С. 72–153.
17. *Попова И. Л.* Книга М.М. Бахтина о Франсуа Рабле и ее значение для теории литературы. Москва : ИМЛИ РАН, 2009. 464 с.
18. *Сент-Бёв Ш.* «Французские легенды. Рабле». Сочинение Эжена Ноэля // Литературные портреты. Критические очерки. Москва : Художественная литература, 1970. 296 с.
19. Скоморохи в памятниках письменности / Сост. З.И. Власова, Е.П. Фрэнсис (Гладких). Санкт-Петербург: Нестор-История, 2007. С. 463–477.
20. *Стахорский С. В.* Театральная культура Древней Руси. Москва : Государственный институт телевидения и радиовещания, 2012. 392 с.
21. *Степанова Г. А.* Идея «соборного театра» в поэтической философии Вячеслава Иванова. Москва : ГИТИС, 2005. 141 с.
22. *Титов А. Ю.* Спектральная антропотомия телесности: введение в методологическую постановку проблемы целостности // Сборник материалов международной научно-практической конференции «Антропология театральности: природа любительского художественного творчества» Орёл: Орловский государственный институт культуры, 2018. С. 97–114.
23. *Товстоногов Г. А.* О жанре // Товстоногов Г. О профессии режиссёра. Москва : ВТО, 1965. С. 127–147.
24. *Честертон Гилберт Кийт.* Святой Франциск Ассизский. Москва : Политиздат, 1991. URL: https://www.4italka.ru/nauka_obrazovanie/istoriya/82175/fulltext.htm
25. *Чистюхин И. Н.* Византийский театр. Орёл: Орловский государственный институт культуры, 2018. 241 с.
26. *Федотов Г. П.* Святые Древней Руси. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. 384 с.
27. *Фрейденберг О. М.* Миф и литература древности. Екатеринбург: У-Фактория, 2008. 896 с.
28. *Юрков С. Е.* «Под знаком гротеска: антиповедение в русской культуре (XI – начало XX вв.)». Санкт-Петербург, 2003. С. 36–51. URL: https://vk.com/wall-38761535_69667

References

1. Andronik (Trubachev), Afinogenov D. E., Grosul V. Ya., Zaitsev D. V. et al. Zhitiynaya literatura // Efesyenam message – Zverev. Moscow: Pravoslavnyaya entsiklopediya. T. XIX, 2008. pp. 283–345.
2. Bakhtin M. M. Literary-critical articles. Moscow: Art Literature, 1986. 543 p.
3. Bakhtin M. M. Creativity of Francois Rabelais and folk culture of the Middle Ages and the Renaissance. Moscow: Khudozhestvennaya Literature, 1990. 543 p.
4. Bakhtin M. M. Works of the 1940s - early 1960s. // Collected Works, T. 5. Moscow: Russian Dictionaries, 1997. 731 p.
5. Brooke Peter. Threads of Time: Memories. Moscow: Artist. Producer. Theatre, 2005, pp. 291–292.
6. Vysotsky S. A. Medieval inscriptions of St. Sophia of Kyiv: (Based on graffiti materials of the 11th-17th centuries):

Abstract of the thesis. dis. ... doctor of historical sciences. Kyiv, 1978. 38 p.

7. Vorobyova D. N. Dwarfs in Ancient Indian Religious Iconography: Levels of Interpretation / Actual Problems of Theory and History of Art. 2017. No. 7. P. 590–598.
8. Golubinsky E. E. The history of the canonization of saints in the Russian Church. Moscow: Imp. Society of History and Antiquities at Moscow University, 1903. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Evgenij_Golubinskij/istorija-kanonizatsii-svjatyh-v-russkoj-tserkvi/
9. Gurevich A. Ya. On the history of the grotesque. «Top» and «bottom» in medieval Latin literature // Izvestiya AN SSSR. Literature and Language Series. 1975. V. 34. No. 4. P. 327.
10. From the correspondence of M.M. Bakhtin with V.N. Turbin (1962–1966) / Foreword by Natalia Ivanova. Preparation for publication and comments by N.A. Pankova // Banner, 2005. No. 7. URL: <https://magazines.gorky.media/znania/2005/7/iz-perepiski-m-m-bahtina-s-v-n-turbinyam-1962-8212-1966.html>
11. Darkevich V. P. Parody musicians in miniatures of Gothic manuscripts // Artistic language of the Middle Ages. Moscow: Nauka, 1982, pp. 20–37.
12. Lidova N. R. Drama and ritual in Ancient India. Moscow: Nauka. Eastern literature-tour, 1992. 149 p.
13. Likhachev D.S. Historical poetics of Russian literature: Laughter as a worldview. St. Petersburg: Aleteyya, 1997. 508 p.
14. Nekrasova I. A. Religious drama and performance of the XVI–XVII centuries. St. Petersburg: Hyperion, 2013. 365 p.
15. Monuments of Old Believers writing. St. Petersburg: Publishing House of the Russian Christian Humanitarian Institute, 2000. 382 p.
16. Panchenko A.M. Laughter as a spectacle // Likhachev D.S., Panchenko A.M., Ponyrko N.V. Laughter in Ancient Rus'. Leningrad: Nauka, 1984, pp. 72–153.
17. Popova I. L. Book M.M. Bakhtin about Francois Rabelais and its significance for the theory of literature. Moscow: IMLI RAN, 2009. 464 p.
18. Sainte-Beuve C. "French legends. Rabelais. Composition of Eugene Noel // Literary portraits. Critical Essays. Moscow: Fiction, 1970. 296 p.
19. Buffoons in the monuments of writing / Comp. Z.I. Vlasova, E.P. Francis (Smooth). St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2007, pp. 463–477.
20. Stakhorsky S. V. Theatrical culture of Ancient Rus'. Moscow: State Institute of Television and Radio Broadcasting, 2012. 392 p.
21. Stepanova G. A. The idea of a «cathedral theater» in the poetic philosophy of Vyacheslav Ivanov. Moscow: GITIS, 2005. 141 p.
22. Titov A. Yu. Spectral anthropotomy of corporality: an introduction to the methodological formulation of the problem of integrity // Collection of materials of the international scientific and practical conference «Anthropology of theatricality: the nature of amateur artistic creativity» Oryol: Oryol State Institute of Culture, 2018. P. 97–114.
23. Tovstonogov G. A. About the genre // Tovstonogov G. About the profession of a director. Moscow: VTO, 1965, pp. 127–147.
24. Chesterton Gilbert Keith. Saint Francis of Assisi. Moscow: Politizdat, 1991. URL: https://www.4italka.ru/nauka_obrazovanie/istoriya/82175/fulltext.htm
25. Chistyukhin I. N. Byzantine theater. Orel: Orel State Institute of Culture, 2018. 241 p.
26. Fedotov G.P. Saints of Ancient Rus'. Rostov-on-Don: Phoenix, 1999. 384 p.
27. Freidenberg O. M. Myth and literature of antiquity. Ekaterinburg: U-Factoria, 2008. 896 p.

РЕЦЕПЦИЯ БАХТИНСКОЙ МЫСЛИ В «ИТАЛЬЯНСКОЙ ТЕОРИИ»

УДК 141

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-3107-30-38>

Н. Н. Тинус

Школа философии и культурологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»,
Москва, Российская Федерация
e-mail: tiinusnn@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена рецепции наследия М. М. Бахтина в автономистской «итальянской теории» (А. Негри, П. Вирно, М. Лаззарато, Ф. Берарди и др.). Автор анализирует резонанс между бахтинской и автономистской мыслью, показывая, как основные литературоведческие, лингвистические, эстетические категории, разработанные Бахтиным, были спроецированы в область политической теории, оказавшись инструментом критического осмысления современного постфордистского капитализма. Литературоведческие сочинения Бахтина неявно несут в себе особого рода «трансгрессивную онтологию», которая оспаривает традицию классической метафизики, тем самым подрывая основы неolibерального типа мышления. Кроме того, революционная интерпретация бахтинского учения, состоявшаяся в рамках «итальянской теории», детализируется в ее наиболее значимых частных аспектах, таких как проблема авторства и природа высказывания.

Ключевые слова: итальянский автономизм, постфордизм, Бахтин, трансгрессивная онтология, теория высказывания.

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 19-18-00100, <https://rscf.ru/project/19-18-00100/>

Для цитирования: Тинус Н.Н. Рецепция бахтинской мысли в «итальянской теории» // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. №3 (107). С. 30-38. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-3107-30-38>

RECEPTION OF BAKHTIN'S THOUGHT IN "ITALIAN THEORY"

Nikita N. Tinus

HSE University, 21/4 Staraya Basmannaya St., 105066, Moscow, Russian Federation
e-mail: tiinusnn@gmail.com

Abstract: The article is devoted to the reception of M.M. Bakhtin's heritage in the autonomist "Italian theory" (A. Negri, P. Virno, M. Lazzarato, F. Berardi and others). The author analyzes the cohesion between Bakhtin's and autonomist thought, showing how the main literary, linguistic, and aesthetic categories developed

ТИНУС НИКИТА НИКОЛАЕВИЧ – научный сотрудник Школы философии и культурологии, Факультет гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

TINUS NIKITA NIKOLAEVICH – research fellow at the School of Philosophy and Cultural Studies, Faculty of Humanities, HSE University, 21/4 Staraya Basmannaya St., 105066, Moscow, Russian Federation

© Тинус Н. Н., 2022

by Bakhtin were transferred to the field of political theory becoming a tool for critical reflection on modern post-Fordist capitalism. Bakhtin's literary writings implicitly implies a kind of "transgressive ontology" that challenges the tradition of classical metaphysics, thereby undermining the foundations of the neoliberal type of thinking. In addition, the revolutionary interpretation of Bakhtin's approach, which took place within the framework of the "Italian theory", is manifested in its most significant particular aspects, such as the problem of authorship and the nature of the utterance.

Keywords: Italian autonomism, Post-Fordism, Bakhtin, transgression ontology, theory of the utterance

Acknowledgements: The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 19-18-00100, <https://rscf.ru/project/19-18-00100/>

For citation: Tinus N.N. Reception of Bakhtin's Thought in "Italian Theory". *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2022, no. 3 (107), pp. 30-38. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-3107-30-38>

Введение

Крупнейшие идеи редко удерживаются в дисциплинарных границах. Мы хорошо знаем, что бахтинская мысль приобрела влияние далеко за пределами литературоведения, теории культуры и искусства. Сегодня наследие М. М. Бахтина и его ближайших коллег (В. Волошинова, П. Медведева) также широко осваивается в рамках социальных, этнографических и психологических исследований [7, с. 30]. Менее заметной областью, также отмеченной этим влиянием, оказывается политическая философия, особенно в ее левой перспективе критического анализа современности. Так, в частности, можно заметить, что корпус сочинений Бахтина и его круга часто является предметом цитирования среди представителей так называемой «итальянской теории». Выросшая из наполненных волнениями 60–70-х, из дискуссий и практик операистского движения итальянская автономистская теория (Т. Негри, П. Вирно, Ф. Берарди, М. Лаззарато и др.) вышла за рамки локального значения и стала международно популярным интеллектуальным течением, так как сумела предложить оригинальный и убедительный анализ современной логики развития капитализма (и возможных способов борьбы с его опасными тенденциями). Как мы попытаемся показать в этой статье, итальянская радикальная теория обращается к Бахтину как к проводнику некоторого подрывного

смысла, как к орудию понимания и разоблачения современности.

Итак, уже в начале 70-х стали очевидны глубокие перемены в устройстве общества на всех уровнях. В первую очередь это было связано с тем, что фордистская система на глобальном Севере оказалась в кризисе, среди причин которого были как вполне закономерные внутренние экономические факторы (падение нормы прибыли, перепроизводство, растущая автоматизация и т. д.), так и внешние – протест и сопротивление эксплуатации со стороны индустриальных рабочих (поддерживаемых в Италии операистскими интеллектуалами). Если фордизм покоился на извлечении прибыли из силы дисциплинированных тел, то в новой социально-экономической системе главным ресурсом стали коммуникативные навыки, язык и ум. Очередной кризис в конце нулевых не только не изменил, а скорее усугубил процесс вовлечения самих когнитивных и социальных способностей в производство стоимости. Как писал Франко Берарди в 2009 году, «промышленная эксплуатация распространяется на тела, мускульные усилия, ручной труд людей. [...] Однако если мы перенесёмся из области промышленного производства в область производства цифровых устройств, мы обнаружим, что эксплуатация осуществляется главным образом через тот поток знаков, который в состоянии испустить человек на протяжении рабочего дня. Цифровое производство сводится главным

образом к «эманации» потока «товар – душа» [5, с. 15].

Эти, в общем-то, довольно известные тезисы обеспечили новому духу капитализма различные громкие прозвища – «семиокапитализм», «когнитивный капитализм», «коммуникативный капитализм» и так далее. Так или иначе, почти все согласны с тем, что новые постфордистские режимы эксплуатации проникают в самую суть нашего Я, захватывают и определяют нашу субъективность. В связи с этим итальянские автономисты смахнули пыль с понятия «общественный интеллект» (General Intellect), который, по Марксу, выступает в роли «непосредственной производительной силы» и определяющего условия «самого общественного жизненного процесса» [9, с. 126]. Причем, если с одной стороны, очевидна культивация и обеспечение условий для его развития¹, так как general intellect продуктивен, то с другой стороны – предпринимаются усилия по его всестороннему контролю. Эта тема – разоблачение стратегий неолиберального контроля общего интеллекта и его прямых выразителей, реальных субъектов живого труда – одна из главных задач, решаемых в рамках Italian Theory.

Концепция индивида и трансгрессия: бытие как Событие

В этом свете первым пунктом, требующим пересмотра, оказывается понятие индивида. Отправной точкой неолиберальной идеологии является концепция суверенного индивида, понятого как своего рода самоочевидная «солипсическая частица», требующая присутствия трансцендентной инстанции, упорядочивающей ее внешние связи. Такого типа метафизика имеет длинные корни в философской традиции (Гоббс, Руссо, Ге-

¹ В связи с чем некоторые мыслители, такие как П. Вирно, развивают спорную и провокативную идею «коммунизма капитала», согласно которой сегодня сам капитал реально создает коммунизм, культивируя кооперацию и интеллект, осталось лишь поспособствовать рушению старых институтов экономической эксплуатации.

гель и далее) [8]. Однако сегодня верно другое. В настоящих условиях фундаментом социальной онтологии становится «доиндивидуальное» – разделяемые родовые способности вида, то есть перцептивные способности, языковые компетенции и исторически оформленный общий интеллект. Соответственно, под индивидом следует понимать уникальный результат актуализации доиндивидуального, из которого возникает каждое отдельное существо. Именно доиндивидуальное – этот общий субстрат, чистая потенциальность – является отправной точкой современной социальной онтологии, а частный индивид, в свою очередь, является уникальным результатом ее актуализации². Таким образом, отношения, сформулированные в либеральной традиции и ставшие основой социального воображения, переворачиваются. Необходимость этого переворота, с точки зрения политической теории, заключается в том, что только обратная оптика, во-первых, помогает увидеть реальные истоки продуктивности в постфордистской системе производства, и, во-вторых, позволяет обрести революционную перспективу, приближает к пониманию автономии труда, который больше не нуждается в трансцендентной организующей инстанции и может свободно ее отбросить. Производство, все больше совпадающее с процессом коммуникации и с обращением знаний, реализуется на основе того общего, которому причастны участвующие в этом процессе индивиды, осмысленные как уникальные и открытые пересечения подвижных отношений, а не как закрытые монады, упорядочиваемые некоей внеположной им самой силой. В этом смысле капитал все также нуждается в работнике, в то время как сам работник все меньше нуждается в руководстве со стороны капитала.

Для того, чтобы обосновать это видение, итальянская теория привлекает идеи мыслите-

² Причем результат всегда относительный, любой индивид всегда несет в себе конфликт между потенциальным (доиндивидуальным) и актуальным. Более того, этот конфликт во многом формирует индивидуальную психику.

лей (субверсивные, как в научном, так и в политическом отношении), которые в той или иной мере поддерживали соответствующую реляционную онтологию индивида (Б. Спиноза, Л. Выготский, Ж. Симондон, Ж. Делёз и др. [10]). То же касается М. Бахтина; и здесь нас интересует, как именно элементы наследия Бахтина и его круга были инкорпорированы итальянским автономизмом. В Италии труды Бахтина получили распространение в 1970-х, сначала в академических кругах, а потом и в операистской среде. Подъем структурализма определил рост интереса к русскому формализму, который первоначально был воспринят на Западе как особая вариация «советского структурализма». Благодаря этому на европейской интеллектуальной орбите оказалось имя Бахтина, хоть очень скоро стало ясно, что бахтинское учение сильно отличается от формализма (в том числе основательно критикует формальный метод). Однако не просто выдающееся, а действительно революционное значение идей русского мыслителя раньше всех было отмечено именно в Италии несистемными радикальными левыми. Так, уже в 1982 г. выходит выпуск операистского журнала «Corrispondenza Internazionale», во многом посвященный Бахтину, и в дальнейшем мы видим, как левая итальянская мысль то и дело апеллировала к бахтинской мысли. Его взгляды поддерживали именно ту перспективу, в которой были заинтересованы операисты, столкнувшись с новой социально-экономической реальностью трансформирующегося капитализма, перспективу взгляда на природу социального, на антропологию и, наконец, на сам процесс антропогенеза – формирование конкретного «Я».

В черновиках начала 70-х Бахтин делает «антропологические заметки», в которых высказывается так: «Все, до меня касающееся, приходит в мое сознание, начиная с моего имени, из внешнего мира через уста других (матери и т. п.), с их интонацией, в их эмоционально-ценностной тональности. Я осознаю себя первоначально через других: от них яполучаю слова, формы, тональность

для формирования первоначального представления о себе самом. [...] Как тело формируется первоначально в материнском лоне (теле), так и сознание человека пробуждается, окутанное чужим сознанием» [2, с. 397]. Рождение индивида предстает у Бахтина как последствие диалога, постепенное нащупывание дистанции с Другим в ходе напряженного обмена, который никогда не прекращается. Конкретизируя себя в диалоге, устанавливая отношения, индивид находит свое место в бытии. Собственно, сами отношения играют в бахтинской онтологии первичную роль: самое «Я» понимается как ансамбль динамичных и разнородных связей, объединяемых, главным образом, своим пространственно-временным расположением. Таким образом, каждый индивид сам по себе суть гетерогенное множество, а никак не самотождественное единство. Как сам индивид является моментом в бесконечной сети множественных отношений, так и Другой открывается Я как способ вернуться к неограниченной сфере общего: «Неисчерпаемость второго сознания, т. е. сознания понимающего и отвечающего: в нем потенциальная бесконечность ответов, языков, кодов. Бесконечность против бесконечности» [2, с. 395].

Онтология, лежащая в фундаменте бахтинского учения, как нетрудно понять, противостоит классической метафизической традиции; «философия Бахтина вписывается в контекст онтологических поисков неклассической философской мысли – от Ницше до Делёза» [11, с.145]. Непрекращающееся становление (бытие как Событие) вместо завершенности, реляционность вместо абсолюта, имманентность вместо трансцендентного, горизонтальные отношения взамен иерархии. В связи с этим в ряде исследований Бахтин рассматривается как философ трансгрессивного [11]. Трансгрессия – размывание и смещение границ, взаимное пересечение и накладывание друг на друга в бытии, описанном в терминах становления и множественности. «Твердые и официальные границы между вещами начинают смещаться и стираться»

[3, с. 464]. Онтологический принцип трансгрессивности эксплицируется Бахтиным в его главных концептуальных разработках карнавала, полифонии, гротеска, смеха и т. д. Все они отражают трансгрессию в культурно-историческом или эстетическом измерении, разрушая серьезность и устойчивость единой вертикальной структуры трансцендентной метафизики [11]. Говоря о человеке, следует также упомянуть тему тела, которой у Бахтина уделяется много внимания. Тело постоянно выходит за свои границы, трансформирует себя и среду в процессах роста, питания, испражнения, размножения и разложения. «Неготовое и открытое тело это (умирающее – рождающее – рождаемое) не отделено от мира четкими границами: оно смешано с миром, смешано с животными, смешано с вещами. Оно космично, оно представляет весь материально-телесный мир во всех его элементах (стихиях)», – пишет Бахтин в работе «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса» [3, с. 34].

Возвращаясь к итальянской теории, нужно теперь уже заключить, что основные составляющие бахтинской трансгрессивной онтологии были ею усвоены. Так, у Тони Негри в его программной статье о множестве мы читаем почти что бахтинские строки: «Когда мы обращаем внимание на тела, мы понимаем, что мы не просто сталкиваемся с множеством тел, но и что каждое тело есть множество. В точках пересечения множества, где скрещивается множество с множеством, тела смешиваются, пересекаются, скрещиваются и преобразуются; они подобны морским волнам в их вечном движении и постоянной взаимной трансформации. Метафизика индивидуальности (и/или личности) представляет собой жуткую мистификацию множества тел. У тела нет никакой возможности пребывать в одиночестве. (...) Трансцендентность – это ключ к любой метафизике индивидуальности, а также к любой метафизике суверенитета. С позиции тела, напротив, нет ничего, кроме отношения и процесса» [8, с. 212–213]. Негри не дает прямой ссылки на русского мыслителя,

хотя влияние Бахтина здесь вполне очевидно: «Гаргантюа и Пантагрюэль оказываются знаковыми титанами, крайними фигурами свободы и открытий: они проходят сквозь революцию и предлагают нам титаническую задачу – стать свободными. [...] Нам нужен новый Рабле или, вернее, много новых Рабле» [8, с. 211].

Концепция автора и природа высказывания

Образ мышления в определенных категориях воплощается в соответствующем образом организованном общественном устройстве. Народ, суверен, собственник – все эти основополагающие понятия глубоко фундаментальны в старой традиции трансцендентальной метафизики. Итальянская теория стремится разоблачить эту метафизику, попутно предложив альтернативную философскую основу и новые, более релевантные современным культурным и социо-экономическим обстоятельствам, понятия. Это абсолютно необходимо, ведь одного политического сопротивления недостаточно, потому как механизмы эксплуатации, поддерживающие статус-кво, заключены не столько во внешнем насилии, а, как пишет Бифо, «впяаны в те патогенные ритуартели, которые совершенно наводнили коллективное бессознательное» [5, с. 193].

Может показаться, что намерения самого Бахтина очень далеки от подрывных задач итальянской теории. Однако вполне вероятно, что русский философ отнесся бы к таким задачам с симпатией. Хорошим способом показать это, полагает Майкл Гардинер (бахтиновед, написавший, вероятно, единственную пока работу, напрямую посвященную рецепции Бахтина в итальянском автономизме), было бы обращение к бахтинской позиции в отношении авторства [12, с. 904]. Любое творчество, с точки зрения Бахтина, реализуется как «событие встречи», а значит не может быть признано чьей бы то ни было личной собственностью. Творчество, именно как творчество на границе между субъектами, проистекает из духа эпохи – из самой многоплановой, аго-

нистической и размытой действительности капиталистического общества [2, с. 26, 36]. По ходу исследования полифонизма в прозе Достоевского Бахтин сосредоточивает усилия на том, чтобы избавиться от диктатуры авторского взгляда как инстанции, монополизирующей смысл. Полифонический роман Достоевского в этом смысле предвосхищает философию события своим переворотом в эстетике. По большому счету, единый автор становится больше невозможен, он невыносим без соавтора, даже если это голос во внутреннем диалоге, говорящий за Другого. «Все сказанное, выраженное находится вне «души» говорящего, не принадлежит только ему», – пишет Бахтин [4, с. 317]. Сказанное – это драма, которая разворачивается вне автора, и ее «недопустимо интроицировать (интроекция) внутрь автора» [4, с. 317].

Маурицио Лаззарато, один из крупнейших представителей итальянской теории, который часто напрямую отсылает к Бахтину в своих построениях, делает следующий вывод: бахтинская концепция автора на онтологическом уровне отрицает возможность прав интеллектуальной собственности [13]. В таком случае, если мы вернемся к рассмотрению постфордистской системы производства, в структуре которой интеллектуальный и коммуникативный труд занимает центральное место, то как теперь определить его стоимость, если такой труд – достижение общего? Тони Негри полагает, что измерить его невозможно: «Если определить этот исторический сдвиг как (онтологически) эпохальный, то критерии меры, принятые в ту или иную эпоху, будут радикальным образом поставлены под вопрос. Сегодня мы являемся свидетелями этого сдвига, и не ясно, предлагаются ли нам вообще новые диспозитивы и критерии меры» [8, с. 209]. Сегодня мы зачастую имеем дело с эксплуатацией самой кооперации, которая больше не определяется законом стоимости, а только чистым произволом.

Возвращаясь к современному режиму производства, который, согласно итальянской теории, основан на извлечении прибы-

ли из коммуникации, мы должны затронуть не только вопрос авторства, но и вопрос о самой природе языкового общения. Для Бахтина основной единицей речевого общения является высказывание, противопоставляемое предложению – базовому понятию в лингвистике. Бахтин настаивает на разграничении «системы языка» и речи. Слова и предложения, исследуемые языкознанием, представляют собой только абстрактные технические средства общения (потенциальную возможность речи), тогда как конкретное высказывание (актуализирующее языковую возможность) всегда включает в себя ряд нелингвистических аспектов: оно также активирует аффективные, социальные и этико-политические факторы. В этом смысле высказывание представляет собой точку соприкосновения языка и жизни. Высказывание всегда встроено в определенный контекст, являясь звеном «в очень сложно организованной цепи других высказываний» [1, с. 170]. Оно одновременно является ответом и рассчитывает на ответ, задавая положение говорящего в действительности; высказывание создает отношения вражды или дружбы, презрения или восхищения, отторжения или участия и т. д. Адресат при этом играет активную роль, само его присутствие во многом организует ориентацию на ответное понимание и отклик.

Здесь мы снова входим в сферу политического, поскольку конкретное высказывание – это всегда этико-политический акт, так как он направлен на достижение согласия или провоцирует несогласие. В этом плане Лаззарато сравнивает бахтинскую теорию высказывания с концепцией власти у М. Фуко: «высказывание представляет собой «микropolitику» и/или «микрофизику» отношений между говорящими. Произношение не производится в соответствии с лингвистической моделью через активный речевой процесс говорящего и пассивные процессы восприятия и понимания слушающего. [...] Как и в поздней теории Фуко об отношениях власти, Другой является «активным» и «свободным». В случае высказывания Другой устанавливает его динамику

и ориентирует его актуализацию» [14, с. 181]. В этом же тексте Лаззарато, опираясь на бахтинский диалогизм высказывания, критикует теорию Дж. Остина и его концепт перформатива, а также – новейшие «критические» версии перформативной теории (Дж. Батлер, С. Жижек).

Еще одной, важной в этом плане, инновацией Бахтина стало открытие речевых жанров – «относительно устойчивых типов» высказываний, соответствующих определенным сферам своего применения, которые осваиваются, как и язык, каждым из нас. При этом фамильярные и интимные жанры, предполагающие отсутствие иерархии и специфическую откровенность, стимулируют творчество в отличие от объективно-нейтральных или «официальных» жанров. Более того, благодаря своей продуктивной открытости фамильярные жанры являются одним из важных факторов общественных трансформаций. Так, в эпоху Ренессанса они послужили разрушению старой картины мира, как это было показано Бахтиным, в частности, на примере творчества Франсуа Рабле.

Итак, каким образом этот анализ может быть применен к сегодняшней картине мира и в нынешней ситуации? Можно сказать, что производство стремится к инкорпорированию продуктивных речевых жанров, не подчеркивая, а всячески скрывая иерархии и подчинение в организации общения на рабочем месте (хотя понятно, что в действительности иерархия определяются тем, кто извлекает конечную прибыль). Но дело даже не в этом. Если коммуникативный труд несет в себе черты политического действия, является виртуозным, то каким образом он становится образцом современного производства? П. Вирно предлагает гипотезу, согласно которой исключительную роль в этом сыграла культурная индустрия, именно она стала новой индустрией средств производства. Традиционно ею являлась «такая промышленность, которая производит машины и другие инструменты, употребляемые потом в различных производственных секторах. [...] В ситуации, когда инструменты

изготовления не сводятся к машинам, но состоят в лингвистическо-познавательных способностях, неотделимых от живого труда, резонно предположить, что значительная часть так называемых средств производства заключается в технике и процедурах коммуникации» [6, с. 55–56]. В таком случае можно допустить, что культурная индустрия занята оттачиванием речевых жанров, «реакцентуацией», в терминах Бахтина, с целью повысить продуктивность труда и приспособить творческие возможности высказывания под соответствующие цели. Вирно заключает: «Нет никого несчастнее того, кто обнаруживает, что его отношения с другими людьми, иначе говоря, его способность к общению, его владение языком, оказываются сведенными к наемному труду» [6, с. 59]. Возможно, в этом заключается крупнейшая трудность и противоречие современного этапа развития капиталистических отношений.

Заключение

Итак, можно с уверенностью утверждать, что идеи М. Бахтина оказали существенное влияние на «итальянскую теорию». В своем анализе нового духа капитализма, автономисты опираются на социальную онтологию и понятие индивида, сформулированные в работах Бахтина. Бахтинская трансгрессивная «онтология», подчеркивающая становление, относительность и множественность в бытии, резонирует с другими источниками операистской мысли (в первую очередь, с такими, как французский спинозизм, теории Ж. Делёза и Ф. Гваттари, Ж. Симондона). Кроме того, онтология Бахтина, имплицитно содержащаяся в его литературоведческих сочинениях, напрямую противостоит классической метафизической традиции, ответственной за неолиберальную парадигму мышления. Это помогает «итальянской теории» решать свою основную политическую задачу – вскрывать логику капиталистических отношений и разоблачать стратегии контроля человеческой продуктивности, для того чтобы обрести революционную перспективу будущего. Бахтин

в этом смысле, с точки зрения постопераизма, опередил свое время. Если учесть, что основные идеи Бахтина оформились еще в 20-е годы, то его учение выглядит почти пророческим, предвосхитив тенденции развития современного общества и гуманитарного знания о нем.

Итальянские теоретики видят в М. Бахтине по-настоящему радикального мыслителя. Хотя такая перспектива может показаться исторически и биографически спорной, она доказывается на примере бахтинской кон-

цепции авторства, отрицающей саму возможность присвоения произведения, а также теории высказывания, в рамках которой речевой акт переосмысливается как (микро)политическое событие в духе М. Фуко. Несмотря на то, что описанная ветвь рецепции идей русского мыслителя дискуссионна и даже провокативна, в то же время ей сложно отказать в оригинальности. Она подчеркивает новые грани работы Бахтина, ее неисчерпаемый потенциал для исследования современной социокультурной ситуации и самой жизни.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Собрание сочинений. Т. 5. Москва: «Русские словари», 1997. 557 с.
2. Бахтин М. М. Рабочие записи 60-х – начала 70-х годов // Собрание сочинений. Т. 6. Москва: «Русские словари», 2002. 570 с.
3. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. Москва: Художественная литература, 1990. 543 с.
4. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. Москва: Искусство, 1986. 445 с.
5. Берарди Ф. Душа за работой: от отчуждения к автономии. Москва: Издательство «Грюндриссе», 2019. 320 с.
6. Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. Москва: Ад Маргинем, 2015. 144 с.
7. Гаспарян Д. Э. Теория «диалогического Я» и рецепция идей М. Бахтина в западных теориях сознания // Наука. Искусство. Культура. 2021. №3 (31). С. 30-48.
8. Негри А. К онтологическому определению множества // Свободная мысль. 2018. № 4. С. 208-217.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Экономические рукописи 1857-1859 годов // Сочинения. Т. 46. Ч. II. Москва: Политиздат, 1969. 245 с.
10. Тинус Н. Н. Процесс и отношение: истоки автономистской теории индивидуации // Полития. 2021. № 1(100). С. 44-59.
11. Фаритов В. Т. Философские аспекты творчества М. Бахтина: онтология трансгрессии // Вопросы философии. 2016. № 12. С. 140-149.
12. Gardiner M. Bakhtin and the „General Intellect“. *Educational Philosophy and Theory*. 2017. vol. 49, no. 9. P. 893-908.
13. Lazzarato M. *Dialogism and Polyphony*. Available at: <https://www.geocities.ws/immateriallabour/lazzarato-dialogism-and-polyphony.html>
14. Lazzarato M. *Signs and Machines: Capitalism and the Production of Subjectivity*. Los Angeles, Semiotext (e), 2014. 279 p.

References

1. Bakhtin M. The Problem of Speech Genres. In: *Collected works*. Vol. 5. Moscow, Publishing House “Russkie slovari”, 1997. 557 p. (In Russ.)

2. Bakhtin M. Working notes of the 60s - early 70s. In: *Collected works*. Vol. 6. Moscow, Publishing House "Russkie slovari", 2002. 570 p. (In Russ.)
3. Bakhtin M. *Creativity of Francois Rabelais and folk culture of the Middle Ages and Renaissance*. Moscow, Publishing House "Hudozestvennaya literatura", 1990. 543 p. (In Russ.)
4. Bakhtin M. *Aesthetics of Verbal Art*. Moscow, Publishing House "Iskusstvo", 1986. 445 p. (In Russ.)
5. Berardi F. *The Soul at Work: From Alienation to Autonomy*. Moscow, Publishing House "Grundrisse", 2019. 320 p. (In Russ.)
6. Virno P. *A Grammar of the Multitude: For an Analysis of Contemporary Forms of Life*. Moscow, Publishing House "Ad Marginem", 2015. 320 p. (In Russ.)
7. Gasparian D. Theory of the «Dialogical Self» and reception of M. Bakhtin's ideas in western Theories of Consciousness. *The science. Art. Culture*. 2021. No.3 (31). P. 30-48. (In Russ.)
8. Marx K., Engels F. Economic Manuscripts 1857-1859. In: *Works*. Vol. 46. Part. II. Moscow, Publishing House "Politizdat", 1969. 245 p. (In Russ.)
9. Negri A. Towards an Ontological Definition of Multitude. *Free Thought*. 2018. Vol. 4. P. 208-217. (In Russ.)
10. Tinus N. Process and Relation: origins of the autonomist theory of individuation. *Politeia*. 2021. Vol. 1(100). P. 44-59. (In Russ.)
11. Faritov V.T. The Philosophical Aspects of the Work of M. Bakhtin: Transgression Ontology. *Problems of philosophy*. 2016. Vol. 12. P. 140-149. (In Russ.)
12. Gardiner M. Bakhtin and the „General Intellect“. *Educational Philosophy and Theory*. 2017. vol. 49, no. 9. P. 893-908.
13. Lazzarato M. *Dialogism and Polyphony*. Available at: <https://www.geocities.ws/immateriallabour/lazzarato-dialogism-and-polyphony.html>
14. Lazzarato M. *Signs and Machines: Capitalism and the Production of Subjectivity*. Los Angeles, Semiotext (e), 2014. 279 p.

*

Поступила в редакцию 05.06.2022

ДАЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ КАК МАРКЕР МОДЕРНИЗАЦИИ. ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И ПРОБЛЕМЫ СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ

УДК 008

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-3107-39-51>

Е. А. Веселкова

Пермский государственный институт культуры, Пермский край, Российская Федерация
e-mail: cdk-kr-vocxod2011@yandex.ru, eveselkova@mail.ru

Аннотация: В статье раскрывается тема возникновения и развития дачного движения в России, показавшего свою необычайную устойчивость и популярность. На протяжении трех столетий в России происходит процесс модернизации, связанный с переходом от традиционного к индустриальному и постиндустриальному обществу. Модернизация в России привела к росту числа городов и формированию городского населения со своей особой культурой. Российская дача является специфической формой городского бытия, ее эволюция отражает сложные преобразования вследствие урбанизации страны. Портрет российского дачника, дачные практики иллюстрируют социально-культурную динамику городской жизни.

Ключевые слова: модернизация, урбанизация, городская культура, дача, дачное движение, дачные практики.

Для цитирования: Веселкова Е. А. Дачное движение как маркер модернизации. Исторический опыт и проблемы сегодняшнего дня // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. № 3 (107). С. 39-51. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-3107-39-51>

DACHA MOVEMENT AS A MARKER OF MODERNIZATION. HISTORICAL EXPERIENCE AND PROBLEMS OF TODAY

Elena A. Veselkova

Perm State Institute of Culture, Perm Krai, Russian Federation
e-mail: cdk-kr-vocxod2011@yandex.ru, eveselkova@mail.ru

Abstract: The article reveals the topic of the emergence and development of the dacha movement in Russia, which has shown its extraordinary stability and popularity. For three centuries, Russia has been undergoing a process of modernization associated with the transition from a traditional society to an industrial and post-industrial one. Modernization in Russia has led to an increase in the number of cities and the forma-

ВЕСЕЛКОВА ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА – аспирантка факультета культурологии и социально-культурных технологий, кафедры культурологии и философии ФГБОУВО «Пермский государственный институт культуры», художественный руководитель МБУ «Усть-Качкинский центр культуры, информации, спорта» (МБУ «Усть-Качкинский ЦКИС»)

VESELKOVA ELENA ALEKSANDROVNA – Postgraduate student of the Faculty of Cultural Studies and Socio-Cultural Technologies, Department of Cultural Studies and Philosophy of the Perm State Institute of Culture, Artistic Director of the Ust-Kachkinsky Center for Culture, Information, Sports (MBU Ust-Kachkinsky CCIS)

© Веселкова Е.А., 2022

tion of an urban population with its own special culture. The Russian dacha is a specific form of urban existence. Its evolution reflects the complex transformation.

Keywords: modernization, urbanization, urban culture, dacha, dacha movement, dacha practices.

For citation: Veselkova E.A. Dacha movement as a marker of modernization. Historical experience and problems of today. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2022, no. 3 (107), pp. 39-51. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-3107-39-51>

Введение

Российская дача является самобытным российским явлением, вызывая неподдельный интерес у многих представителей научного сообщества: экономистов, географов, социологов, историков, филологов, искусствоведов, антропологов и даже биологов. Предмет исследования настолько разнообразен и подвижен, что каждый ученый находит свой аспект для изучения – как в отдельных областях знания, так и на стыке наук. Вот далеко не полный перечень ученых, изучающих дачное движение: доктор географических наук Нефедова Т. Г., кандидат географических наук Щепеткова Т. Г., доктор искусствоведения Нащокина М. В., доктор филологических наук Жаплова Т. М., кандидат исторических наук Малинова О. Ю. Среди зарубежных исследователей – британский историк, профессор лондонского Кингз-колледжа Стивен Лоувел. Опираясь на данные исследования, мы направляем вектор нашего научного поиска в область культурологии, где нас вдохновляют зарубежные и отечественные исследователи городской культуры Макс Вебер, Луис Вирт, Герберт Ганс, Роберт Парк, Анри Лефевр, Лейбович О. Л.

Настоящая статья представляет собой обзор основных этапов развития дачного движения как маркера модернизации российского общества. Под модернизацией мы понимаем переход от аграрного уклада к индустриальному обществу, который сопровождается технической революцией, урбанизацией и либерализацией всей социальной системы. В результате модернизации сформировались принципиально новые социокультурные институты [15,16]. Полагаем, что дача является своеобразным маркером технического

прогресса, новых социально-экономических отношений и развития городской культуры. Британский историк Стивен Лоувел рассмотрел русскую трехвековую историю через «дачную призму». Как пишет автор в книге «Летние люди. История дачи, 1700–2000», феномен дачи обусловлен развитием городов и транспортных артерий вокруг них. Дачу он рассматривает как побочный продукт урбанизации, проводя четкое разграничение между помещичьей усадьбой и дачей, деревенским образом жизни и дачным [31, р. 19]. К такому же выводу приходит Нефедова Т. Г., рассматривая дачное движение как явление, связанное с процессом развития пригородов, обращая внимание на то, что «Дачи могут изучаться с точки зрения выявления стадий урбанизации, разнообразия жилья горожан в сельской местности, их занятий, предпочтений, достатка, степени социальной дифференциации постсоветских обществ» [21, с. 2].

Дача Петра Первого. Русский Версаль

О своеобразной социокультурной динамике феномена дачи свидетельствует и сам смысл слова, который изменялся вместе с общественными трансформациями, о чем пишут, в частности, историки Малинова О. Ю. и Стивен Лоувел. Слово «дача» имеет древнерусское происхождение, впервые упоминается в XI веке с изначальным смыслом дарения государем земельного владения подданному. Постепенно слово входит в землеустроительную лексику государственной власти и употребляется при межевании земель, особенно при расширении и укреплении государства в XVI веке после завоевательных войн Ивана III и Ивана VI (Грозного). Этот период

можно назвать предтечей дачи в современном понимании этого слова [19, 31].

В XVIII веке, во времена правления Петра Первого, дача приобрела обновленный смысл, связанный непосредственно с городской культурой. Петровские реформы были направлены на коренную переделку традиционного социально-культурного и экономического уклада, а по сути – на вестернизацию страны. Реформирование затронуло все стороны государственной и общественной жизни: налоговую и денежную системы, местное и государственное управление, экономику, военное дело. В 1703 году был построен первый европейский город Санкт-Петербург с окружающей его дорожной инфраструктурой. Новая российская столица, говоря словами урбаниста Луиса Вирта, «...все больше становится <...> центром, где зарождается и откуда контролируется экономическая, политическая и культурная жизнь» [5, с. 1]. Начало урбанизации страны стало условием для формирования городской культуры, главным носителем которой явилось новое дворянское сословие, живущее в столице и зачастую не имеющее княжеских средневековых корней.

Своеобразным маркером новой городской культуры становится дача. В 1710 г. царь Петр Первый в честь успешной военной кампании против шведов начал дарить своим придворным размежеванные земли по дороге из Петербурга в Петергоф. «Петр раздавал участки приближенным и вводил определенную «дачную повинность». Владелец участка получал его бесплатно, но он был обязан не только построить дом, но и создать сад. <...> В указах Петра отмечалось, что должен был быть сад увеселительный и сад плодовой, огород» [6, с. 1]. Образцом для подражания стала царская загородная резиденция Петергоф, своеобразный российский Версаль, давший начало садово-парковой культуре в России и культуре загородного летнего отдыха правящей российской элиты.

Пригородные резиденции предназначались для летнего отдыха придворных с различными новомодными развлечениями:

балами и карнавалами, где попутно решались и государственные вопросы. Резиденции сформировали новый стиль загородной жизни, кардинально отличающийся от традиционного уклада, основанного на календарных праздниках, ритмически связанных с природными циклами и сельскохозяйственным трудом. Дворяне в резиденциях, скорее, сибаритствовали, развлекались и отдыхали, попутно решая государственные проблемы. мода на дворянские дачи сохранилась при императрицах Елизавете и Екатерине II. Резиденции царственных персон можно считать прототипами правительственных дач, которые как разновидность сохранились до нашего времени. Петровские пригородные резиденции маркируют и зарождение городских агломераций, новую систему расселения городских жителей.

Дача Позднеимперская.

Пастораль для разночинца

Следующей «реперной точкой» развития дач можно считать период второй половины XIX – начала XX веков, когда в России были запущены комплексные реформы (Александра II, Александра III, Николая II), направленные на модернизацию всех сфер жизни. Начавшись с отмены крепостного права, реформы изменили местное самоуправление, судебную систему, военную организацию, судопроизводство, образование, ослабили цензуру. Особенное значение имеет аграрная реформа Столыпина П. А. (1906), направленная на трансформацию общинной системы землевладения и землепользования [2]. Экономическая и правовая либерализация, улучшенное транспортное сообщение укрепили рынок земли и недвижимости. Постепенно понятие «дачи» как добротного загородного дома (земля, жилище на прочном фундаменте, дворовые постройки и сад) трансформируется в летнее загородное жилье меньшего масштаба, и впервые собственно дом начинает играть большее значение, чем земля [31]. Эта смена акцентов связана с образом жизни горожан.

Выходящее на авансцену городское общество было неоднородно, оно сформировалось из промышленников и купцов, государственных чиновников и военных, а также большой армии разночинцев – конторских служащих, адвокатов и судей, врачей, учителей; людей творческих профессий – писателей, журналистов, художников, музыкантов. Это было время взрывного формирования новых социальных слоев на фоне уходящих в прошлое традиционных элит, дворян и помещиков. Несмотря на многоликость, всех новых хозяев жизни объединяла оторванность от родового гнезда и принадлежность к цивилизации. Богатые имели в городах свои дома и предприятия, средний класс жил в квартирах, но все они были горожанами.

Город становится естественным обиталищем цивилизованного человека, где формировался буржуазный стиль жизни [22, с. 1]. В отличие от традиционного уклада, основанного на родовых общинных устоях, зависимости (крепости) человека от деревенского «мира» и землевладельца, городская культура пронизана духом индивидуализма и свободы: воляность передвижений, право выбора места жительства и рода занятий, свобода предпринимательства, право участия в управлении территорией, а также своеобразная организация свободного времени. Само понятие «свободное время» имеет чисто урбанистическое происхождение, характеризующее городское бытие, разделенное на работу и отдых, в отличие от цельности круговорота аграрных циклов.

Именно цивилизованный городской житель становится новым российским дачником, желающим устраивать свой летний отдых, свое свободное время хоть чуточку по-барски, не будучи при этом настоящим баррином, то есть занять срединное положение между «уходящей натурой» традиционного усадебного бытия и современной городской жизнью. Это было время, когда вся Россия становилась «вишневым садом», когда помещичьи усадьбы приходили в упадок, а на их месте появлялись размежеванные участки под

дачи, приобретающие особую популярность у городских жителей.

Неизбежность наступления цивилизации на идиллический мир русской деревни, конфликт между традиционным укладом и городским образом жизни гениально описан в пронзительно-печальных ностальгических произведениях Антона Чехова, Ивана Бунина, Максима Горького, Ивана Тургенева, поэтов серебряного века [1, 3, 28].

Позднеимперские дачи различались размерами земельных участков и формой собственности, богатством домов и, следовательно, социальным статусом владельцев. Но дачи имели один общий признак, они были порождением цивилизации, о чем говорит кандидат исторических наук Малинова О. Ю.: «Дачи возводились и приобретались на территориях, близких к городской черте и транспортным артериям, образуя особое пространство, тесно связанное с городом. В этом заключается принципиальное отличие дачной культуры от культуры усадебной. Дача была связана с городом напрямую: в отношении коммуникаций, снабжения, наконец – собственно состава населения, прибывавшего из городов с наступлением теплого сезона. Таким образом, под дачным пространством понимается территория, примыкающая к городу, где коммуникации ориентированы на обеспечение летнего (а иногда и круглогодичного) отдыха горожан, и где экономика в значительной степени ориентирована на удовлетворение потребностей отдыхающих» [19, с. 3].

Дача явилась серьезным вызовом помещичьей усадьбе. Доктор филологических наук Жаплова Т. М. пишет: «Усадьба 1890–1900-х гг. с ее обитателями встречала следующий день в серьезных сомнениях о своей жизнеспособности в новых условиях, тогда как дача оставалась едва ли не единственным пространством, оказавшись в котором, человек старался жить днем сегодняшним. Дача, как мобильное пространство, готова была адекватно воспринимать «убыстрение» времени, подготовленное научно-техническим прогрессом» [12, с. 57].

Но пребывание на даче все же имело отличие от регламентированной и напряженной, задыхающейся в пыли городской жизни. «Дачи сформировали часть зарождающейся культуры досуга, которая имела меньше отношения к публичному зрелищу, выставлению напоказ, шумному веселью, чем к личному удовольствию и общению в узком кругу семьи, друзей и коллег» [31, р. 22]. Дача для горожан – это в первую очередь место уединенного отдыха, сибаритства. Но, повторим, это было сибаритство не Обломова, погруженного в русский помещичий буддизм отрешенности и лени, а именно активных горожан, которые воспроизводили некоторые практики деревенской жизни в основном для отдыха, как это делали семьи русских интеллигентов – Чеховых, Пастернаков, Репиных, сформировавших особый тип дачи, которую можно назвать творческой. Антон Чехов с семьей на даче в Мелихово пытался воссоздать усадебный быт, но это было, скорее, увлечение с достаточно глубоким погружением в усадебный быт, чем истинный возврат в прошлое. Творческие дачи начала прошлого столетия сформировали особую культуру общения и бытия русских интеллигентов, характерную для городской богемы и чуждую традиционной культуре, отличающуюся свободой нравов, демократизмом, вольным распорядком дня.

По мысли кандидата филологических наук Летягина Л. Н., «дачная жизнь (как «периодически возрождаемая» форма досугового поведения) предполагала не просто иную – более упрощенную – форму отношений. Ее главная отличительная черта – независимость от места, несформированность чувства наследственной, родовой привязанности к ландшафту» [17, с. 11]. Заметим, что само течение дачного времени совершенно не похоже на сельское время. Если для селянина летний сезон – это период наивысшей активности, а зима, напротив, – некоторая передышка, то для урбанизированного дачника все наоборот: зимний сезон характеризуется наивысшей профессиональной активностью, стремлением зарабатывать деньги, а лето –

относительно пассивное время года, время праздности и отдыха.

Дачники начала XX века культивировали свободный образ жизни: они запросто, без особого приглашения (как это было принято в городе) ходили в гости, катались на лодках и велосипедах, «охотились» за грибами, устраивали чаепития, варили варенье. Особым развлечением дачников были любительские постановки. Увлечение дачным театром было настолько популярно в России, что проникло и в провинциальную жизнь. В этом смысле «чеховским» дачником можно назвать одного из самых ярких представителей летних поселенцев села Усть-Качки Пермской губернии Шулепова Василия Михеевича, заведующего Кирилло-Мефодьевским училищем. В 1907 году он вместе с женой Клавдией Венедиктовной первый раз приехал на лето в село Усть-Качку, сняв жилье в обыкновенной крестьянской избе. Обладая общительным и деятельным характером, Василий Михеевич быстро подружился с местными жителями и вместе с ними устроил в селе библиотеку и театр. Спектакли ставились по пьесам Островского, Чехова, Гоголя. На премьеры стекалась публика со всей округи и даже прибывала на пароходах из Перми. Отметим, что пассажирское пароходное движение, организованное от губернского центра вниз по Каме судовладельцами Истоминым, Каменским, Мешковым в 90-х годах XIX века, явилось важным условием развития дач в прибрежных селах [10, с. 86–90]. Кстати, сами судовладельцы также были дачниками; в микрорайоне Нижняя Курья города Перми сохранились останки их загородных летних домов, восстановлением которых озаботились учреждения по охране исторического наследия Пермского края.

Итак, главными функциями разночинской и буржуазной дачи позднеимперской России является летний загородный отдых горожан без сельскохозяйственных обременений, неформальное общение с соседями и увеселения. Такую же функцию выполняют загородные резиденции императорской

семьи, являясь местом летнего пребывания царственных особ и их двора. Дачи, как правило, располагаются вблизи транспортных артерий вокруг крупных городов, по форме собственности они могут представлять собой частные или арендованные дома с участком земли для парка или сада. Они как бы принимают эстафетную палочку от традиционных усадеб, но при этом наблюдается нарушение цельности усадебного мира, эклектичность культурных форм.

Дача советская.

Товарищество садоводов

Модернизация XX века на территории постреволюционной России была сложным и неоднозначным явлением, одним из признаков которой является советская урбанизация. Здесь можно выделить исследование докторов географических наук Лаппо Г. М. и Поляна П. М. Ученые подчеркивают: «Важнейшим итогом урбанизации явилось формирование больших городов (свыше 100 тыс. жителей каждый) – многофункциональных центров, обладающих разносторонним потенциалом развития и способных выступить в качестве центров роста. <...> Несмотря на специфиче-

ские особенности российских городов, резко отличающие их от европейских, урбанизацию в России на высоком уровне обобщения можно считать сходной по основным стадиям с мировой урбанизацией – приоритетное развитие больших городов, формирование агломераций и наагломерационных форм расселения» [14, с. 38, 40].

Анализ статей доктора исторических наук Лейбовича О. Л., посвященных процессам модернизации в России [15, 16], позволяет говорить о противоречивости советской модернизации. Ускоренная индустриализация страны, в том числе в области сельского хозяйства, рост городов сопровождался попятным движением в области земельных реформ и социальных свобод. Социокультурная жизнь страны носила характер тотального искоренения частности, всего частного и буржуазного. Дача как воплощение уединенного и «барского» отдыха в этих условиях должна была кануть в лету. Но ее живучесть оказалась феноменальной.

Во-первых, как тип сохранилась правительственная дача, причем с прежним предназначением: отдых, увеселения, решение государственных вопросов в приватной обстановке. Имел дачу в Горках (Ленинские

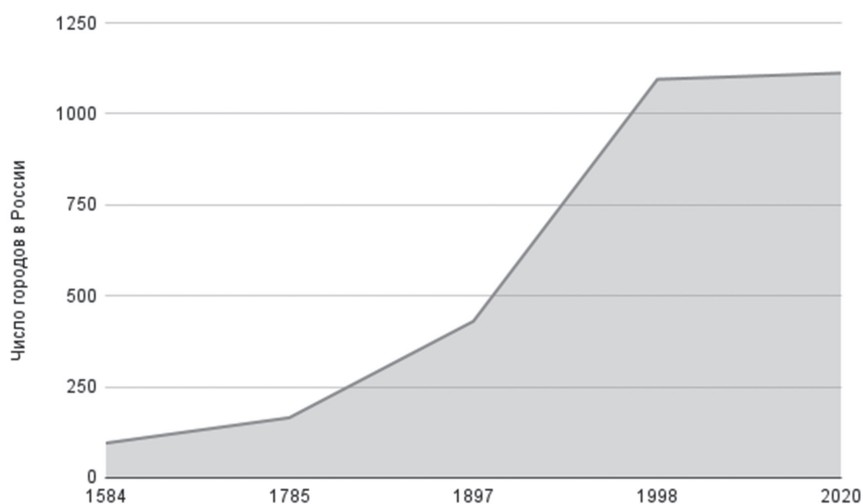

Рис. 1. Динамика урбанизации России.

горки) первый глава советского государства Владимир Ленин. Для генерального секретаря ЦК ВКПБ и КПСС Иосифа Сталина специально построено более 20 дач, в том числе на побережье Черного моря. Традиция дачного отдыха первых лиц советского государства продолжилась во времена правления Никиты Хрущева, Леонида Брежнева, Михаила Горбачева. Для высших чиновников дача носила почти сакральный смысл. Именно в тиши правительственных дач, подальше от людских глаз, вершились судьбы советского государства. Во-вторых, особый статус приобрела творческая дача, которой пользовалась лояльно настроенная советская интеллигенция, унаследовавшая от классиков тягу к творчеству и дружеским встречам на лоне природы. В-третьих, появился совершенно новый тип дачного бытия – садово-огородное товарищество (мичуринский сад), куда входили преимущественно заводчане и служащие. Товарищества садоводов представляли собой советскую аграрную коммуналку с внутренним самоуправлением, доглядом друг за другом на разлинованных стандартных участках, не имеющих заборов. Мичуринская дача – это двойник хрущевской квартиры, борьба с излишествами. Как в эргономичной квартирке, напоминающей космический корабль, до всего можно достать рукой, не вставая со стула, так и на советской даче все функционально и просто: домик, сарай, кусты, грядки на клочке земли. Гаражи и бани строить запрещалось. Размер участка тоже был строго регламентирован. Советские экономисты точно рассчитали, что одна советская семья за два выходных дня может обработать не более 6 соток и выращенного урожая на этом клочке земли вполне хватит для пропитания.

Общее у всех советских дач – механизм получения, который контролировался государством. По словам Стивена Лоувела, «... доступ к наиболее престижным дачным участкам был возможен только с одобрения или по сговору государственных авторитетов, и правовые возможности для домовладельцев были гораздо более ограниченными, чем

в поздний имперский период. Хотя основы права собственности были изменены после революции, предреволюционные негативные стереотипы насчет дачи продолжали существовать в значительной степени, и независимые дачники должны были нести на себе тяжесть периодических официальных нападков против частной собственности» [31, р. 24]. Во времена правления Никиты Хрущева, когда была объявлена борьба с личными подсобными хозяйствами, «местные власти ретиво взялись за дело: принялись урезать приусадебные участки. <...> В городе власти установили контроль над мичуринскими товариществами – объединениями садоводов и огородников» [16, с. 153].

Однако, вопреки притеснениям, дача не только не исчезла, но даже окрепла и приумножилась, потому что выполняла множество важных социальных задач. Рабочим, многие из которых были выходцами из деревни, дача напоминала прежний быт и была продовольственным подспорьем. Для среднего класса (инженеров, врачей, учителей) дача была местом активного семейного отдыха и символом социального статуса. Квартира, машина, дача – этот набор благ стал своеобразным стандартом успешности советского человека. «Последние годы советской эпохи, хотя это были периоды нужды и беспокойства для городского населения, стали также и дачным звездным часом, ведь загородная привычка стала поистине массовым явлением. Исследование начала 90-х показало, что 60 процентов жителей крупных городов имели доступ к садовым участкам (обычно называемых дачами), где они выращивали свои собственные овощи» [31, р. 25].

Таким образом, советская дача выполняла несколько важных функций. Будучи суррогатной формой частной собственности, она служила островком для приватного семейного отдыха. Дачные садово-огородные практики выполняли двойную роль: с одной стороны, пополняли продовольственную корзину горожан, как бы консервируя деревенские традиции обработки земли и выращивания овощей,

Рис. 2. Типология российских дач.

с другой стороны, являлись активным хобби, позволяющим отвлечься от чисто городских проблем. Дача, копируя крестьянские практики, все же оставалась частью городской культуры, которая приобретала черты массовости. Дача мультиплицировалась, размножилась за счет садово-огородных форм, но при этом измельчала, став предвестником культуры массового потребления постиндустриального общества.

Дача новорусская.

Мечта о дворце и Эдеме

В период с 2016 по 2022 годы мы провели исследование современного дачного образа жизни в нескольких городах и населенных пунктах Пермского края (Перми, Лысьве, Усть-Качке) методом включенного наблюдения, неформализованных интервью, а также с помощью контент-анализа публикаций на тему дачного движения в России [8, 9, 25, 27, 28, 29, 30, 31]. Исследование позволяет сделать предварительный вывод о том, что постперестроечные реформы конца XX – начала XXI века, когда вновь земля вошла в свободный оборот, изменили облик российских дач и стиль дачной жизни. Бывшие мичуринские сады перекраивались, маленькие участки укрупнялись. Дача отразила новую социально-культурную ситуацию в России, связанную с либерализацией экономики и общественной жизни, усилив классовые различия ее вла-

дельцев. Наряду со стандартными садовыми домиками пролетариев начали появляться добротные загородные фазенды предпринимателей, особняки и виллы высокопоставленных чиновников. А правительственные дачи превратились во дворцы правящей элиты.

Дачи явились существенным фактором разрастания городских агломераций. Новые дачные поселки, выросшие на бывших сельскохозяйственных угодьях, сформировали новый загородный ландшафт. По данным общероссийской переписи населения 2020 г. и доклада Союза Садоводов России из 147 миллионов человек, проживающих на территории России, 60 миллионов являются владельцами садово-дачных участков [27]. Функция современной дачи остается преимущественно рекреационной. По итогам опроса Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), проведенного весной 2022 года, треть российских горожан, имеющих дачу, ездит туда преимущественно для развлечения и отдыха (33%), почти столько же используют дачу с целью эстетического досуга – сажают цветы, разбивают клумбы и газоны (30%). Для коммерческих целей загородная недвижимость в России практически не используется: только 3% выращивают продукты для продажи, еще меньшая доля сдает в аренду (1%) [25].

Образ жизни современных дачников формируется под воздействием нескольких

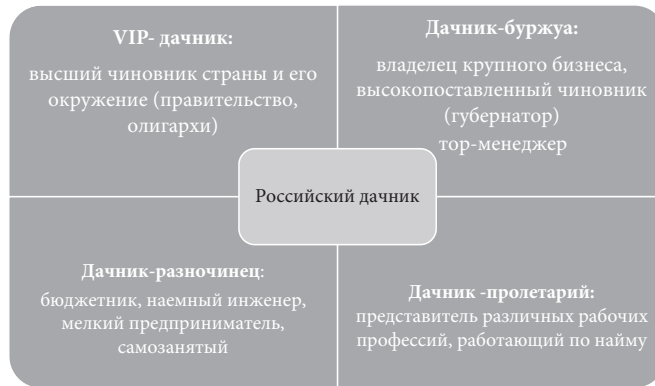

Рис. 3. Типология российского дачника.

факторов. Проблемы экологии, скоростей, стрессов современного города усиливают стремление современного человека убежать от суеты за город. Кроме того, современная дача, будучи наследницей как советской, так и имперской дачи, верна своей исторической миссии сохранения классической семьи: образцов воспитания детей, трудовых практик и семейных традиций. Кандидат социологических наук Полухина Е. В. делает важный вывод: «Будучи локальной территорией городской семьи, она создает возможность реализации семейного проекта (реализация гендерных ролей и возрастных потребностей). Дача позволяет избежать городского негатива, формирует для детей естественный распорядок дня: сон, питание, чтение, постоянное

нахождение на свежем воздухе, спорт. Здесь отчасти воспроизводится традиционный гендерный порядок: мужчины осваивают физическое пространство и выполняют физический домашний труд, женщины занимаются приготовлением еды, воспитанием детей» [23, с. 209].

Идеалы общества потребления диктуют современному человеку определенную линию поведения, которая коснулась и загородного летнего жилья. Современный человек хочет получить все здесь и сейчас, в том числе собственный рай на земле. Ему нужна не эфемерная библейская идиллия, а свой индивидуальный раек на собственной даче. Здесь есть все атрибуты рая: своя земля, дом, яблоневый сад, беседка. Здесь можно стать голым, как Адам

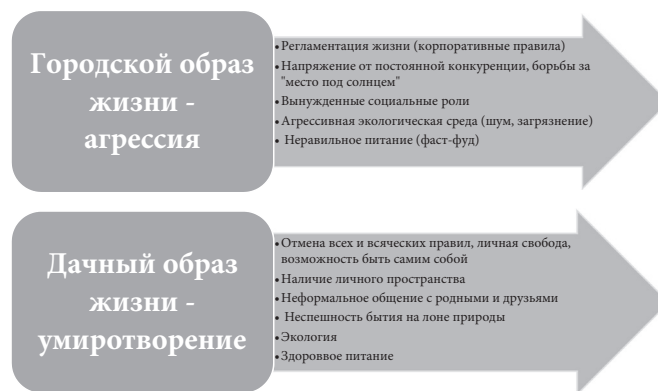

Рис. 4. Сравнение городского и дачного образа жизни.

и Ева, быть расслабленным, естественным, наслаждаясь природой, чистым воздухом и простой пищей. На даче как бы отменяются все запреты современной цивилизации, здесь человек сам устанавливает свои правила, он отгораживает свой раек забором и делает там все, что душе угодно. Это, конечно, иллюзия полной свободы, дача диктует свои законы, которые напрямую связаны с цивилизацией (законы права на землю, правила взаимоотношений с соседями и др.), но иллюзия весьма привлекательная.

Выводы

Дачное движение в России – это сложное социокультурное явление, отражающее процессы модернизации страны на протяжении трех столетий. Прототипы современных дач появились одновременно с началом петровских реформ, нацеленных на трансформацию традиционного уклада. Данный процесс наблюдался в позднеимперской и советской России, когда наша страна переходила на индустриальные рельсы, когда происходил рост числа городов и увеличение городского населения, заинтересованного в дачном движении. Горожане представляли собой неоднородную общность, среди них были рабочие, разночинцы (средний класс), торговцы (предприниматели) промышленники (олигархи). В связи с этим сформировалось и пестрое дачное население. В соответствии с социальным положением сформировалась типология дачного участка: от малого садового домика до правительственного дворца.

Мы можем смело сказать, что дача – это продукт урбанизации, отражающий темпы разрастания городских агломераций. Дачи как временное летнее жилье, предназначенное для отдыха, как правило, располагаются в транспортной доступности от города. Дачные поселки формируют внешний пояс городов, задают векторы временных миграций горожан, влияя существенным образом на функционирование городского организма – типов застройки, транспортной сети, инфраструктуры жизнеобеспечения, образования и отдыха. Пригородные дачные поселки накрепко срослись с городской инфраструктурой, являясь ее внешним поясом.

Дача – это продолжение городской культуры и одновременно своеобразный вызов ей. Сформировавшись на пограничье деревни и города, на стыке традиционной культуры и цивилизации, дача приобрела своеобразные гибридные черты обеих форм бытия. С одной стороны, дача, безусловно, является образцом современной загородной рекреации с характерными практиками сибаритства. С другой стороны, дача способствует сохранению классических семейных ценностей, трудовых практик и гендерных ролей, она противостоит городскому индивидуализму и эгоизму. Не менее важно и то, что дача выполняет важную роль экологического и психологического укрытия для современного человека, подверженного многочисленным стрессам ускоряющегося технологического и цифрового мира.

Список литературы

1. Блок А. А. [Электронный ресурс] // Золотая поэзия. Литературный портал: [сайт]. URL: <http://www.goldpoetry.ru/blok/i>
2. Большая российская энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <https://bigenc.ru/text/5039994>
3. Бунин И. А. На даче [Электронный ресурс] // Бунин И. А.: [сайт]. URL: <http://bunin-lit.ru/bunin/rasskaz/na-dache.htm>
4. Вебер М. Город. Избранные произведения / перевод с немецкого и общ. ред. Ю. Н. Давыдова. Москва: Прогресс. 1990. С. 309–446.
5. Вирт Л. Избранные работы по социологии. Сборник переводов / перевод с английского В. Г. Нико-

- лава; РАН ИНИОН. Москва: ИНИОН, 2005. 244 с. (Серия «Теория и история социологии»).
6. *Воронина С. И.* Сады серебряного века. Конспект лекции 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gardenhistory.ru/page.php?pageid=318>
 7. *Герберт Ганс.* Урбанизм и субурбанизм как образ жизни. Новые определения понятий / перевод с английского В. В. Вагина. Нью Йорк. Издательство Колумбийского университета и Фонда Рассела Сейджа, 1991.
 8. Дача и как мы ее используем. Интерактивный всероссийский опрос ВЦИОМ. [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/dacha-i-kak-my-ee-ispolzuem>
 9. *Джанджугазова Е. А.* Дачная культура или национальные особенности отдыха // Современные проблемы сервиса и туризма. 2010. № 2. С. 80–84.
 10. *Зеленин И. П.* История села Усть-Качки / сост. О. Г. Гайдаш. Пермь: Изд. Богатырев П. Г. 2018. 134 с.
 11. *Зиммель Г.* Большие города и духовная жизнь [Электронный ресурс]. // Философско-литературный журнал «Логос» – 3–4(34), 2002: [сайт]. URL: <https://www.ruthenia.ru/logos/number/34/02.pdf>
 12. *Жаплова Т. М., Яковлева Т. Б.* Особенности создания и функционирования образа дачи в поэзии XIX – начала XX века. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 6 (48): в 2-х ч. Часть. I. С. 57–60.
 13. *Лаврентьева Е. В.* На даче. Дачная и усадебная жизнь в фотографиях и карикатурах конца XIX – начала XX века [Электронный ресурс] // Лабиринт: [сайт]. URL: <https://www.labyrinth.ru/books/356552/>
 14. *Липпо Г. М., Полян П. М.* Результаты урбанизации в России к концу XX века // Мир России. 1999. № 8 (4). С. 35–46.
 15. *Лейбович О. Л.* Модернизация в России. К методологии изучения современной отечественной истории. Пермь: Издательство Пермского университета, 1996. 156 с.
 16. *Лейбович О. Л.* Реформа и модернизация в 1953–1964 гг. // История Отечества в XX веке. Документы, материалы, исследования / под редакцией И. К. Кириянова, М. Н. Лукьянова. Пермь: Издательство Пермского университета, 1993. 181 с.
 17. *Летягин Л. Н.* Усадебный металадшафт России. Русская усадьба // Сборник Общества изучения русской усадьбы. Выпуск 10 (26). / Научный ред. – сост. М. В. Нащокина. Москва: Жираф, 2004. С. 9–18.
 18. *Лефевр А.* Социальное пространство [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2010. № 2 (70): URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyuy_zapas/70_nz_2_2010/
 19. *Малинова О. Ю.* Социокультурные факторы формирования дачного пространства вокруг Санкт-Петербурга (1874–1914): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Санкт-Петербург. 2006. 24 с.
 20. *Нащокина М. В.* Гости съезжались на дачу // Памятники Отечества. № 12 (31). Москва: Советская Россия. 1994. С. 77–83.
 21. *Нефедова Т. Г.* Российские дачи в разном масштабе пространства и времени [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. 2015 № 657–658; [сайт]. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2015/0657/demoscope657.pdf>
 22. *Парк Р.* Город как социальная лаборатория // Социологическое обозрение / перевод с английского С. П. Баньковской. 2002. № 3. Том 2. С. 3–12.
 23. *Полухина Е. В.* Особенности социального порядка в постсоветском дачном пространстве: труд, поколения и гендер // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2014. № 3. С. 207–209.
 24. Российское городское пространство: попытка осмысления / отв. ред. В. В. Вагин. Москва: Московский общественный научный фонд. 2000. 165 с.
 25. Русская дача: запрос на новый уровень. Интерактивный всероссийский опрос ВЦИОМ. [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/russkaya-dacha-zapros-na-novyyj->

uroven-komforta

26. *Сенявский А. С.* Урбанизация в России в XX веке. Роль в историческом процессе. Москва: Наука, 2003. 285 с.
27. Союз садоводов России. [Электронный ресурс]. URL: <https://souzsadovodov.ru/userfiles/souzsadovodov2018.pdf>
28. *Чехов А. П.* Полное собрание сочинений и писем в 30 томах. Москва: Наука, 1974–83.
29. *Щенеткова И. О.* Пермские дачи: история и характерные особенности // Географический вестник. 2018. № 2 (45). С. 71–87.
30. Dacha. Available at: <https://en.wikipedia.org/wiki/Dacha>.
31. Lovell S. *Summerfolk A History of the Dacha, 1710–2000*. Cornell University Press, 2016. 399 p.
32. Colas R., Lopenkova M. *Humble Dacha Provides Refuge From Coronavirus*. Available at: <https://www.themoscowtimes.com/2020/04/23/for-russians-humble-dacha-provides-refuge-from-coronavirus-a70079>

References

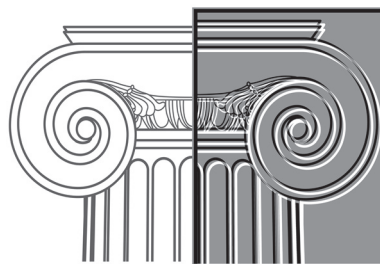
33. Blok A. A. Available at: <http://www.goldpoetry.ru/blok/> (In Russ.).
34. Great Russian Encyclopedia. Available at: <https://bigenc.ru/text/5039994> (In Russ.).
35. Bunin I. A. At the dacha. Available at: <http://bunin-lit.ru/bunin/rasskaz/na-dache.htm> (In Russ.).
36. Weber M. City. Selected works. Moscow, Publishing House «Progress», 1990. Pp 309–446. (In Russ.).
37. Wirth L. Selected works on sociology. Collection of translations / Translated V. G. Nikolaev. Moscow, Publishing House «INION», 2005. 244 p. (In Russ.).
38. Voronina S. I. Gardens of the Silver Age. Lecture Summary 1. Available at: <http://www.gardenhistory.ru/page.php?pageid=318> (In Russ.).
39. Herbert Gans. Urbanism and suburbanism as ways of life: a reevaluation of definitions / Translated V. V. Vagin. Columbia University Press and Russell Sage Foundation, 1991. (In Russ.).
40. Dacha and how we use it. Interactive All-Russian VTSIOM survey. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/dacha-i-kak-my-ee-ispolzuem> (In Russ.).
41. Dzhandzhugazova E. A. Dacha culture or national features of recreation. Modern problems of service and tourism. Modern problems of service and tourism. 2010, no 2, pp. 80–84. (In Russ.).
42. Zelenin I. P. History of the village of Ust-Kachki. Perm, Publishing House «Bogatyrev P. G.», 2018. 134 p. (In Russ.).
43. Simmel G. Big cities and spiritual life. Available at: <https://www.ruthenia.ru/logos/number/34/02.pdf> (In Russ.).
44. Zhaplova T. M., Yakovleva T. B. Features of the creation and functioning of the image of the dacha in poetry of the XIX – early XX century. Philological sciences. Questions of theory and practice. 2015, no 6 (48), part I, pp 57–60. (In Russ.).
45. Lavrentieva E. V. At the dacha. Country and manor life in photographs and cartoons of the late XIX – early XX century. Available at: <https://www.labirint.ru/books/356552/> (In Russ.).
46. Lappo G. M., Polyan P. M. The results of urbanization in Russia by the end of the twentieth century. The world of Russia. Sociology. Ethnology. 1999, no. 8 (4), pp 35–46. (In Russ.).
47. Leibovich O. L. Modernization in Russia. On the methodology of studying modern Russian history. Perm: Publishing House «University Press», 1996. 156 p. (In Russ.).
48. Leibovich O. L. Reform and modernization in 1953–1964. History of the Fatherland in the XX century. Documents, materials, research. In Kiryanov I. K., Lukyanov M. N., ed. Perm: Publishing House «University Press», 1993. 181 p. (In Russ.).

49. Letyagin L. N. Manor metalandschaft of Russia. Russian manor. In Nashokina M. V. ed. / Collection of the Society for the study of the Russian estate. Issue 10 (26). Moscow, Publishing House «Giraffe», 2004. Pp. 9–18. (In Russ.).
50. Lefevre A. Social space. The inviolable reserve. Issue 2 (70), 2010. Available at: <https://magazines.gorky.media/nz/2010/2/soczialnoe-prostranstvo.html> (In Russ.).
51. Malinova O. Yu. Sociocultural factors of the formation of suburban space around St. Petersburg (1874–1914). Sinopsis cand. ist. diss. St. Petersburg, 2006. 24 p. (In Russ.).
52. Nashchokina M. V. The guests came to the dacha. Monuments of the Fatherland. 1994, no. 1–2, pp.77–83. (In Russ.).
53. Nefedova T. G. Russian dachas on a different scale of space and time. Demoscope Weekly. 2015, no. 657–658. Available at: <http://demoscope.ru/weekly/2015/0657/demoscope657.pdf> (In Russ.).
54. Park R. The city as a social laboratory. Sociological Review / translated S. P. Bankovskaya. 2002, vol 2, no. 3, pp 3–12. (In Russ.).
55. Polukhina E. V. Features of the social order in the post-Soviet suburban space: labor, generations and gender. Labyrinth. Journal of Social and Humanitarian Studies. 2014, no. 3, pp. 22–31. (In Russ.).
56. Russian urban space: an attempt to comprehend. In Vagin V. V. ed. Moscow, 2000. 165 p. (In Russ.).
57. Russian dacha: request for a new level. Interactive All-Russian VTSIOM survey. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/russkaya-dacha-zapros-na-novyj-uroven-komforta> (In Russ.)
58. Senyavsky A. S. Urbanization in Russia in the twentieth century. Role in the historical process. Moscow: Publishing House «Nauka», 2003. 285 p. (In Russ.).
59. Union of Gardeners of Russia. Available at: <https://souzsadovodov.ru/userfiles/souzsadovodov2018.pdf> (In Russ.).
60. Shchepetkova I. O. Perm dachas: history and characteristic features. Geographical Bulletin. 2018, no. 2 (45), pp. 71–87. (In Russ.).
61. Chekhov A. P. Complete works and letters in 30 volumes. Moscow: Publishing House «Nauka», 1974–83. (In Russ.).
62. Dacha. Available at: <https://en.wikipedia.org/wiki/Dacha>.
63. Lovell S. Summerfolk A History of the Dacha, 1710–2000. Cornell University Press, 2016. 399 p.
64. Colas R., Lapenkova M. Humble Dacha Provides Refuge From Coronavirus. Available at: <https://www.themoscowtimes.com/2020/04/23/for-russians-humble-dacha-provides-refuge-from-coronavirus-a70079>

*

Поступила в редакцию 22.06.2022

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
КУЛЬТУРА

ЖАНР КРИНЖ-КОМЕДИИ КАК СВИДЕТЕЛЬСТВО РОЖДЕНИЯ НОВОГО МОДУСА СТЫДА

УДК 791.43-22 : 159.942

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-3107-53-61>

Ю. В. Лобанова

Московский политехнический университет, Москва, Российская Федерация

e-mail: lobanova_diss@mail.ru

Е. И. Хереш

Научно-исследовательский институт «Высшая школа экономики»

e-mail: lisa.kheresh@gmail.com

Аннотация: В статье анализируется эмоция интенсивно проживаемого стыда (кринжа), всё активнее проникающего в современную культуру эмоций и визуальные медиа в последние десятилетия. Рассматриваются концепции социологов и исследователей медиа, связывающих антропологические функции смеха с трансформацией культурной жизни общества. Появление социальных сетей, просмотр телевизионных программ как форма постоянного (часто уединённого) досуга, парасоциальные отношения как залог стабильной монетизации контента на YouTube – все эти факторы заставляют посмотреть на современную комедию как на показательный пример расширения эмоциональной палитры. Исчезающая дистанция между зрителем и персонажем сериала приводит к глубоким эмоциональным связям и более яркому проживанию эмоций, в частности, эмоций стыда и смущения. Это формирует запрос не только на возможность идентификации с героем (relatability), но и на его искренность и аутентичность. В статье анализируются монтажные, технические и повествовательные техники, позволяющие авторам комедийных кинокартин добиваться такого эффекта. Формулируется социальная функция проживаемого кринжа (снятие стресса) и амбивалентность этого чувства: его инклюзивность и эксклюзивность. Кринж становится напоминанием о строгой общественной норме, которую нельзя нарушать. Мем-культура же старается противостоять ригидным рамкам приемлемого поведения, приглашая пользователя социальной сети или зрителя сериала в область более многообразного поведения и поиска истинного удовлетворения от жизни.

Ключевые слова: эмоции, кринж-комедия, кринж, сериал «Офис», сериалы, смех, relatability, культура эмоций, стыд.

ЛОБАНОВА ЮЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА – кандидат философских наук, доцент кафедры «Гуманитарные дисциплины» Московского политехнического университета

ХЕРЕШ ЕЛИЗАВЕТА ИГОРЕВНА – ассистент Проектной лаборатории развития интеллектуальных состязаний по гуманитарным наукам, Научно-исследовательский институт «Высшая школа экономики»

LOBANOVA YULIA VLADIMIROVNA – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Humanitarian Disciplines Department, Moscow Polytechnic University

KHERESH ELIZAVETA IGOREVNA – Assistant of the Project Laboratory for the Development of Intellectual Competitions in the Humanities, HSE University

© Лобанова Ю.В., Хереш Е.И., 2022

Для цитирования: Лобанова Ю.В., Хереш Е.И. Жанр кринж-комедии как свидетельство рождения нового модуса стыда // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. №3 (107). С. 53-61. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-3107-53-61>

THE GENRE OF CRINGE COMEDY AS EVIDENCE OF THE BIRTH OF A NEW MODUS OF SHAME

Yuliya V. Lobanova

Moscow Polytechnic University, Moscow, Russian Federation
e-mail: lobanova_diss@mail.ru

Elizaveta I. Kheresh

HSE University
e-mail: lisa.kheresh@gmail.com

Abstract: The article analyzes the emotion of intensely lived shame (kringe), which characterizes the modern culture of emotions and visual media in the last few decades. The concepts of sociologists and media researchers are applied, linking the anthropological functions of laughter with the transformation of the cultural life of society. The emergence of social networks, watching television programs as a form of constant (often solitary) leisure, parasocial relationships as a guarantee of stable monetization of content on YouTube – all these factors make us look at modern comedy as an illustrative example of expanding the emotional palette. The disappearing distance between the viewer and the character of the series leads to deep emotional connections and a brighter experience of emotions, in particular, emotions of shame and embarrassment. This forms a request not only for the possibility of identification with the hero (relatability), but also for his sincerity and authenticity. The article analyzes the editing, technical and narrative techniques that allow the authors of comedy films to achieve such an effect. The social function of the lived kringe (stress relief) and the ambivalence of this feeling are formulated: its inclusiveness and exclusivity. Kringe becomes a reminder of a strict social norm that cannot be violated. Meme culture, on the other hand, tries to resist the rigid framework of acceptable behavior, inviting the user of a social network or the viewer of the series into the field of more diverse behavior and the search for true satisfaction from life.

Keywords: emotions, kringe-comedy, kringe, TV series “Office”, TV series, laughter, relatability, culture of emotions, shame.

For citation: Lobanova Yu.V., Kheresh E.I. The genre of cringe comedy as evidence of the birth of a new modus of shame. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2022, no. 3 (107), pp. 53-61. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-3107-53-61>

Культурный генезис стыда связан с архаическими табу и страхом наказания за их нарушение. Категория стыда в этике описывается как процедура нарушения нормы и ощущение дискомфорта в связи со свидетельством других об этом. Логика стыда не совпадает с логикой совести. Первое – «я (не) поступил дурно, обо мне думают осуждающе, именно от этого мне тяжело». Второе – «я поступил дурно, об этом никто никогда не узнает, но мне всё равно тяжело».

Религиозное мировоззрение превращает стыд в онтологическую сущность, рождающуюся «на границе» человек – Бытие, я – Другой. В христианском мировидении Адам устыдился своей наготы перед Богом в момент грехопадения (познания добра и зла). Исламский богослов Абу-ль-Касим Аль-Джунайд говорит: «Стыд – это способность видеть благодеяния Аллаха и собственные упущения, между которыми и зарождается то, что именуется

стыдом». «Между», «на границе», «взгляд Другого» – это обязательные аспекты онтологии стыда.

Современная экранная культура, экспансия медиа способствуют глобальной эстетизации стыда [7]. Этические категории, вживленные в художественное пространство, не только приобретают новую образную оболочку, но и трансформируют собственную сущность. Усиленная значимость иронии (постиронии) и игрового начала создают феномен «испанского стыда», «кринжа» (от англ. cringe). ««Человек Стыдящийся» как виртуальный персонаж гуманитарных наук рождается на стыке XX–XXI веков в цепочке таких понятий, как нарциссическая грандиозность, пустота, симулякр, идентичность, границы, обесценивание, идеализация, ложная самость» [5, с. 193]. Кринж – синтетическое явление, этическое и эстетическое одновременно, «стыд понарошку», «игровой стыд», «виртуальный стыд», «неловкость», «поёживание», «ёрзанье». «Кринжевать» – испытывать неловкость и отвращение из-за поведения другого, поэтому кринж – категория со сниженной концентрацией нравственного чувства, которая восполняется заметной примесью эстетического созерцания, иронии и других видов комического.

Комедия на телевидении или киноэкране конца XX – начала XXI века редко обходится без элемента неловкости, дискомфорта и интенсивного стыда – кринжа. В качестве примера таких киноработ можно привести сериал «Офис» (The Office)¹, вышедший с 2001 по 2003 год в британской версии и с 2005 по 2013 в американской; эмоциональный эффект, который он оказывал на зрителей, становился предметом множества исследований и заинтересованного социокультурного анализа [12; 17]. Однако, помимо культурных артефактов, в последние десятилетия парал-

лельно с этим появились теории и термины, объясняющие неоднозначный (controversial) тип юмора в визуальных медиа: комедия дискомфорта [18], комедия неловкости [19], комедия ёрзания (squirm comedy) [10].

В исследованиях документального кино повышенная значимость неловкости привела к рассматриванию документальных фильмов последнего двадцатилетия как примеров «неловкого поворота» (Awkward Turn). Джейсон Миддлтон, автор книги «Неловкий поворот в документальном кино. Кринж-комедия и зрительское восприятие», утверждает, что само слово «неловкость» стало настолько часто используемым, что приобрело статус культурного феномена. Несмотря на это, считает Миддлтон, мы не всегда можем определить, что такое неловкость и адекватно очертить её границы: «неловкость создаётся неожиданными сдвигами и разрывами в репрезентативных системах, моментами, когда различные представления и установки режиссеров, социальных акторов и зрителей оказываются на виду» [17]. Он также утверждает, что неловкость как таковая связана с текстуальными стратегиями, политическими и этическими парадигмами, а намеренное ожидание неловкости может быть удовлетворено только в связи с контекстуальными моделями зрительского восприятия, которые, по мнению автора, зародились в начале 1970-х и остаются актуальными в документальном кино до сих пор.

Кринж, таким образом, – соединение стыда за другого и смеха (уединенного или разделенного с другими). Антрополог Мэри Дуглас считает, что в коллективе смех помогал снять напряжение путём выражения непропорциональной радости/удовольствия [9, с. 361–376]. Природа смеха амбивалентна: с одной стороны, она устанавливает социальные нормы и границы, внутри которых может переживаться смех, с другой стороны, он должен строиться на коллективном разделении одного и того же психологического эффекта и солидарности. Совместное переживание неловкости является и инклюзивным, и эксклюзивным.

¹ Создатель – Грег Дэниелс; основано на «Офис» Рики Джейверса и Стивена Мёрчанта; режиссеры – Рэналд Эйнхорн, Джей Джей Абрамс, Джосс Уидон, Джон Фавро, Гарольд Рамис, Джейнсон Райтман, Марк Уэбб, Кен Куопис

Иным образом работает кринж-комедия, где намеренная провокация неловкости становится частью задумки создателей фильма или сериала. Производимое чувство дискомфорта и стыда часто переживается зрителем индивидуально, так как просмотр сериалов всё чаще становится формой не столько совместного, сколько уединённого досуга. Это очевидно в исследованиях кино, авторы которых отмечают влияние пандемии COVID-19 на поведение зрителей. Так, Виланд Шванбек отмечает, что этот фактор «сильно повлиял на медиапотребление. Подписки на стриминговые сервисы пошли в гору, все, казалось, запустили собственные подкасты, и, что любопытно, глобальная блокировка также вызвала возрождение длинного романа. Те, кому не хватило терпения на Толстого, нашли утешение в пересматривании ситкомов последних двух десятилетий. «Друзья» (NBC, 1994–2004) и американская версия «The Office» (NBC, 2005–2013) были одними из самых часто транслируемых шоу в 2020 году. Ещё до начала пандемии один из комментаторов предположил, что люди «немного оцепенели от антиутопии», которую вызывают такие сериалы, как «Рассказ служанки», и ждали успокоения и эмоционального комфорта» [22, с. 123]. На первый взгляд, это противоречит не только эффекту, который должна была производить кринж-комедия – создавать напряжение, доставлять «мучительный дискомфорт» и заставлять зрителей «наблюдать за происходящим из-за дивана, глядя через [наши] затылки», – но и репутации самого «Офиса», который он получил в начале 2000-х. «Офис» не только был наиболее далёк от характеристики комфортного сериала; именно он провозгласил начало золотой эры комедий неловкости, кринжа и стыда. Только после популярности этого сериала в оборот вошли такие термины, как неловкий юмор (awkward humor) и уже упомянутый жанр кринж-комедии.

Как пишет Миддлтон, до «Офиса» эмоциональный дискомфорт специально создавался с целью пристыдить или демонизировать от-

рицательного героя. «Офис» работает иначе: при почти полном отсутствии однозначно отрицательных (как и положительных) персонажей он демонстрирует неловкость, сопровождающую большую часть повседневного общения. Более того, техника съёмки монтажа (длительные периоды затишья, заметные «киноляпы», запечатленные моменты включения, настраивания, выключения съёмочной техники, намеренно «непрофессиональная» постановка кадра, снятие петлички со звуком) выявляет неловкость самого процесса съёмки документального кино. Один из важнейших факторов «кринжовости» сериала – противоречие между самопрезентацией персонажей в интервью и их поведением, запечатленным на плёнке – помог современному медиапотребителю обрести язык для разговора об эмоциональной палитре повседневности: неловкость сама по себе стала тропом [17].

Кринж-комедия становится не только проводником в новый язык для описания эмоционального опыта, она связывается со сложной смесью стыда, боли и удовольствия, которую переживает зритель. В статье «Смешно до боли. Кринж-комедия, положительный мазохизм и не-положительная агрессия» исследователь медиа Марк Хё-Кнудсен пишет, что производимая на зрителя реакция становится обязательной и очевидной как в случае хоррора, так и в случае кринж-комедии. В этом схема работы жанров схожа (и парадоксальна). Итак, он утверждает, что цель сериалов типа «Офиса» или «Подростков» (2008–2010) – как можно сильнее «уменьшить психологическую дистанцию, чтобы вызвать у аудитории высокий уровень викарного смущения, <...> более того, аудитория находит доброкачественное мазохистское удовольствие в таких вызывающих раздражение сериалах, потому что они предлагают викарный [обычно не реализующийся] опыт социальных худших сценариев» [14, с. 14].

Возможность интернализации эмоции стыда, которую зритель испытывает, глядя на героев сериала, подчёркивает важность уровня *дистанции*. Леон Хант пишет, что

кринж-комедия стремится к «растворению любой дистанции, которую мы можем подерживать между смущением, испытываемым персонажем, и смущением, которое мы каким-то образом испытываем сами. Если темная или жестокая комедия «обезболивает сердце», то кринж заставляет нас чувствовать слишком много того, что мы обычно не хотим чувствовать вообще» [13, с. 43].

Почему тогда сериалы, которые вызывают сильное чувство дискомфорта и стыда при просмотре, пользуются такой популярностью? Кажется, ещё одной причиной эмоциональной вовлечённости в кринж-комедии является возможность установления глубокой интимной привязанности к героям. Их подчёркнутая неидеальность (невезучесть, беспомощность, одиночество) резонирует со страхами и комплексами самих зрителей, вызывая чувство соотносимости или *релейта* (англ. relate – привязываться, идентифицироваться с кем-либо).

Вообще *relatability* – важнейшее для имиджа публичной фигуры качество в последние несколько лет. Именно оно, считают медиисследователи, заставляет людей годами следить за жизнью интернет-блогеров, наблюдать за ними в социальных сетях и испытывать искреннюю радость и причастность к событиям жизни незнакомого человека. Эти отношения со знаменитой интернет-персоной называются парасоциальными. Этот термин был введён ещё в 1956 году антропологом Дональдом Ортоном и социологом Ричардом Воллом для описания привязанности, которую испытывают телезрители к героям фильмов или ток-шоу. Сейчас, в период коммерциализации чувств [6], парасоциальные отношения становятся источником дохода и социального капитала, и производители контента пытаются сохранить возможность людей *релейтиться*, то есть *привязываться*, к героям сериалов или интернет-роликов всё дольше. В связи с этим внезапное повышение уровня достатка или изменение образа жизни героя может вызвать отток популярности: перестав узнавать себя, зрители перестанут следить за че-

ловеком, чья жизнь уже не так напоминает им собственную. Этому феномену посвящено видео «You're Not Relatable Anymore» Тиффани Ферг. Автор фильма рассуждает о том, как можно остаться *релейтебл* интернет-фигурой, даже став богатым и знаменитым. Она также сомневается в том, сможет ли продолжаться эра *релейтебл*-контента ещё несколько лет; по её мнению, совсем скоро это свойство может трансформироваться во что-то ещё или уступить качественно новому свойству – аутентичности, правдивости и искренности контента [11].

И аутентичный, и *релейтебл* контент важен прежде всего из-за эмоциональной привязанности, которую испытывает зритель. Это свидетельствует о его внимательности к собственным эмоциям и выводам, сделанным в отношении эмоциональной честности героев: как в документальных комедиях, так и в интернет-роликах и сериалах зрителям важна честность героев, их открытость, их умение признаться в своих недостатках. Чаще всего подобную исповедальность создаёт особый стиль съёмки или повествовательные схемы – формы дневника или колонки, как в сериале «Секс в большом городе» (1998–2004), флешбек в травматичное прошлое, как в британском сериале «Дрянь» (2016–2019). Документальные сериалы (или сериалы, создающие эффект документальности) запечатлевают героев в моменты эмоциональной уязвимости с помощью эффекта скрытой съёмки. Именно так достигается эмоциональный накал в конце второго сезона сериала «Офис», где Джим признаётся помолвленной коллеге Пэм в романтических чувствах; из-за того, что с героя сняли петлички, в сцене поцелуя не слышно ничего, кроме шелеста платья героини.

Ещё один частый приём кринж-комедий – разрушение четвёртой стены. И в «Офисе», и в «Дряни» главные актёры регулярно смотрят в камеру, молча призывая зрителя к оценке неловкости положения или как бы приглашая разделить с ними чувство кринжа и дискомфорта. По Ханту, это сокращает дистанцию между героем и зрителем. К тому же,

это делает жанр более драматургичным: оценка зрителя (синхронный дискомфорт, кринж или иное состояние) должна как бы подтвердить или опровергнуть корректность, аутентичность испытываемых героями эмоций. Это позволяет по-новому проанализировать утверждение о неколлективности кринж-комедии: в каком-то смысле она объединяет не смотрящих (часто телепрограмму смотрит один человек), но героев сериала и зрителей. Это они совместно разделяют чувство стыда и смущения, они имплицитно обозначают тематическую рамку юмора и социальных норм, внутри которых возможен смех. Тогда каждая «выбивающаяся» шутка – неполиткорректная (сексистская, расистская и т. д.), аморальная, жестокая – проводит проверку на прочность, усиливая зрительский дискомфорт и трансформируя репутацию персонажа, его, вызывая меньше сочувствия и сопереживания. В этом кринж-комедия часто схожа с «тёмной комедией», которая, по Ханту, «обезболивает сердце» и не требует сострадания.

При просмотре комедии поёживания зритель вынужден переживать смесь часто противоположных эмоций – боли и удовольствия,

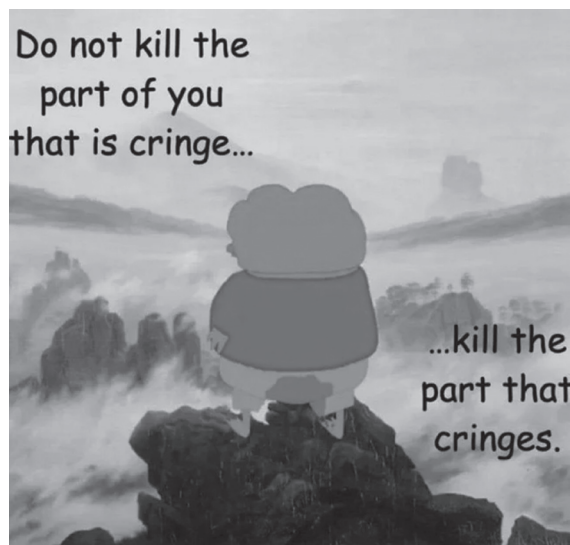

Рис. 1. «Не убивай ту часть себя, которая кринжова, но убей ту, которая кринжует»

привязанности и отвращения, сострадания и гнева. В связи с практическим отсутствием дистанции, которое достигается с помощью техник монтажа, повествовательной модели, ощущения реалистичности событий (это особенно частый признак в документальных кинокартинах), зритель переживает более яркую и разнообразную эмоциональную палитру. Интимные отношения, устанавливаемые с героями телевизионных передач, включают смотрящего в эмоциональную общность с ними. Если проанализировать работу этой необычной коллективности, можно прийти к выводу, что кринж, как и писала Дуглас, «снимает напряжение».

Крупнейший исследователь неловкости в её культурологическом срезе Адам Котско считает, что мы живём в настоящую «эру неловкости». Самым главным страхом становится возможность «цивилизационной катастрофы», связанной с погружением во «всемирный кринж» [15, с. 3]. Отсылая к культурной революции 1960-х и показательному фильму «Выпускник» 1967 года, Котско сравнивает начало XXI века с эпохой смены ценностей и убеждений. Если в финале «Выпускника» герои, казалось бы, получив счастье, замирают в молчании перед неизвестным, кринж сегодня – способ эмоциональной разрядки, средство снять напряжение перед ожиданием непростого или неприятного опыта, неизвестного состояния. Предсказание Котско актуализировалось в связи с новыми реалиями пандемии, политических противостояний, экономического кризиса, военных угроз (масочный режим, социальная дистанция, рабочие встречи в Zoom, политические санкции, закрытые границы) и новым осмыслением коллективной заботы, взаимопомощи и ответственности. Вероятно, такими же «кринжовыми» людям будут казаться советы по экологичному образу жизни, «нетоксичному» общению или созданию «сейф спейсов» (безопасных пространств).

Социальное неодобрение, выражающееся в ярлыке кринжа, обнажает эксклюзивный характер юмора. Кринж-комедия отобра-

жает сложный клубок эмоций: отвращение, насмешка, страх, который сложно вербализовать, оставаясь в социальных рамках [1]. Даже потребность в естественности и аутентичности сложно удовлетворима в условиях строго общественного контроля: неидеальный человек обязательно окажется в чём-то кринжовым, жалким и неприятным.

Контрпримером подобному сценарию поведения может послужить мем, который приобрёл популярность в последние несколько месяцев. Лягушка, стоящая перед горным обрывом из романтического пейзажа, находится спиной к зрителю. Она смотрит на горные пики, покрытые туманом. Подпись гласит: «Не убивай ту часть себя, которая кринжова, но убей ту, которая кринжует» (см. Рис. 1). Майкл из сериала «Офис» становится счастливым, не изменяя себе – той части, которая вызывает кринж и смущение.

Феномен стыда, рано обретая онтологический статус [4], превращается в своеобразную культурную универсалию, наполняясь в каждую эпоху новым содержанием, сохраняя аспекты пограничности и присутствия Другого. Экранный характер современной культуры обуславливает вживляемость стыда в эстетическое мировоззрение (отчасти делает кринж, испанский стыд, поёживание составляющей эстетической экзистенции).

Художественные приёмы кринж-комедии создают комплексный эффект релейтебл, что коррелирует с индивидуалистическим характером современности [2; 3], склонностью зрителя (испытывающего чувство заброшенности и потерянности в мегаполисе, в массовой культуре, беспомощности в условиях разрастающихся угроз различного характера) сосредоточиться на своём страхе, собственной боли, личной тревожности.

Список литературы

1. Баженов М. В. Переживание стыда в «зеркале» социальных теорий. Санкт-Петербург: Издательство «Алетейя». 2021.
2. Баженов М. В. «Человек стыдящийся» как философская проблема [Текст]: автореф. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Ижевск, 1998. 16 с.
3. Калинина В. В. Стыд как моральный ориентир в современном социуме // Экономика и социум. 2014. № 4-3(13). С. 282–286.
4. Касумов Т. К. Стыд как философский концепт // СОТИС– социальные технологии, исследования. 2016. № 1(75). С. 7–24.
5. Мелкая М. В. Стыд как онтологическое чувство. Вопрос о стыде на стыке философии и психотерапии // Сборник научных статей и рабочих материалов к докладам участников II Международной конференции «Философия и психотерапия». Под редакцией С.М. Бабина, В.В. Андрюшина, И.Г. Глуховой. Научное издание. Санкт-Петербург: издательство «Анатолия» 2014. С. 193–198.
6. Сувалко А. С. Эмоциональный капитализм: коммерциализация чувств. Препринт С89 WP20/2013/05/ Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». Москва: Изд. дом. Высшей школы экономики, 2013. 48 с.
7. Щеглова Л. В. Значение этики в эпоху эстетизма // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2003. № 2(03). С. 3–9.
8. Якоби М. Стыд и истоки самоуважения. Москва: Институт аналитической психологии, 2001.
9. Douglas M. The Social Control of Cognition: Some Factors in Joke Perception. *Man*, vol. 3, no. 3, 1968, pp. 361–76.
10. Duncan P. Joke Work: Comic Labor and the Aesthetics of the Awkward. *Comedy Studies*. 8. 2017. pp. 36–56.
11. Ferg T. You're Not Relatable Anymore. YouTube. 2019. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=3UBBulOCI7I> (дата обращения: 23.08.2022)

12. Godwin R. The Age of Comfort TV: Why People Are Secretly Watching Friends and The Office on a Loop? *The Guardian*. August 21. URL: <https://www.theguardian.com/tv-and-radio/2019/aug/21/the-age-of-comfort-tv-why-people-are-secretly-watching-friends-and-the-office-on-a-loop> (дата обращения: 23.08.2022)
13. Hunt L. *Cult British TV Comedy: From Reeves and Mortimer to Psychoville*. Oxford: Oxford University Press, 2015.
14. Hye-Knudsen M. Painfully Funny: Cringe Comedy, Benign Masochism, and Not-So-Benign Violations. *Leviathan: Interdisciplinary Journal in English*. 2018. (2). Pp. 13–31.
15. Kotsko A. *Awkwardness: An Essay*. Washington: Zero Books, 2010.
16. Manning R. A Boy Who Swims Faster than a Shark: Jean Baudrillard Visits The Office (UK). In *'The Office' and Philosophy: Scenes from the Unexamined Life*. Edited by J. Jeremy Wisniewski. Malden: Blackwell, 2008. pp. 141–50.
17. Middleton J. *Documentary's Awkward Turn. Cringe Comedy and Media Spectatorship (Routledge Research in Cultural and Media Studies)*. New York. Taylor and Francis. 2013.
18. Moore H. *The Aesthetics of Place and the Comedy of Discomfort: Six Humorists*. Ann Arbor: UMI Microform, 2008.
19. Page E. *Horribly Awkward: The New Funny Bone*. London and New York: Marion Boyars, 2008.
20. Press J. The Comedy of Cringe. *The Village Voice*. 2003. January 21. URL: <https://www.villagevoice.com/2003/01/21/the-comedy-of-criinge/> (дата обращения: 23.08.2022)
21. Rainn W. *Why the Awkward Humor on The Office Is Funny*, 2011. [Видео] URL: <https://www.youtube.com/watch?v=aIiErKX6JDY> (дата обращения: 23.08.2022).
22. Schwanebeck W. Introduction to Painful Laughter: Media and Politics in the Age of Cringe. *Humanities*. 2021. №10(4). p. 123.

References

1. Bazhenov M. V. *Experiencing shame in the "mirror" of social theories*. St. Petersburg: Aleteya Publishing House. 2021. (In Russ.).
2. Bazhenov M. V. "A man ashamed" as a philosophical problem: abstract. ... candidate of Philos. sciences: 09.00.11. Izhevsk, 1998. 16 p. (In Russ.).
3. Kalinina V. V. Shame as a moral guideline in modern society // *Economics and society*. 2014. No. 4-3(13). pp. 282-286. (In Russ.).
4. Kasumov T. K. Shame as a philosophical concept // *SOTIS - social technologies, research*. 2016. No. 1(75). pp. 7-24. (In Russ.).
5. Melkaya M. V. Shame as an ontological feeling. The question of shame at the junction of philosophy and psychotherapy // *Collection of scientific articles and working materials for the reports of participants of the II International Conference "Philosophy and Psychotherapy"*. Edited by S.M. Babin, V.V. Andryushin, I.G. Glukhova. Scientific publication. St. Petersburg: publishing house "Anatolia" 2014. pp. 193-198. (In Russ.).
6. Suvalko A. S. *Emotional capitalism: commercialization of feelings*. Preprint C89 WP20/2013/05/ Nats. research. Higher School of Economics Uni. Moscow, Publishing House. Higher School of Economics, 2013. 48 p. (In Russ.).
7. Shcheglova, L. V. The meaning of ethics in the era of aestheticism. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2003. № 2(3). Pp. 3-9. (In Russ.).
8. Jacobi M. *Shame and the origins of self-esteem*. Moscow: Institute of Analytical Psychology, 2001. (In Russ.).
9. Douglas M. The Social Control of Cognition: Some Factors in Joke Perception. *Man*, vol. 3, no. 3, 1968, pp. 361–76.

10. Duncan P. Joke Work: Comic Labor and the Aesthetics of the Awkward. *Comedy Studies*. 8. 2017. pp. 36–56.
11. Ferg T. *You're Not Relatable Anymore*. YouTube. 2019. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=3UBBulOCi7I> (дата обращения: 23.08.2022)
12. Godwin R. The Age of Comfort TV: Why People Are Secretly Watching Friends and The Office on a Loop? *The Guardian*. August 21. URL: <https://www.theguardian.com/tv-and-radio/2019/aug/21/the-age-of-comfort-tv-why-people-are-secretly-watching-friends-and-the-office-on-a-loop> (accessed: 08/23/2022)
13. Hunt L. *Cult British TV Comedy: From Reeves and Mortimer to Psychoville*. Oxford: Oxford University Press, 2015.
14. Hye-Knudsen M. Painfully Funny: Cringe Comedy, Benign Masochism, and Not-So-Benign Violations. *Leviathan: Interdisciplinary Journal in English*. 2018. (2). Pp. 13–31.
15. Kotsko A. *Awkwardness: An Essay*. Washington: Zero Books, 2010.
16. Manning R. A Boy Who Swims Faster than a Shark: Jean Baudrillard Visits The Office (UK). In *'The Office' and Philosophy: Scenes from the Unexamined Life*. Edited by J. Jeremy Wisniewski. Malden: Blackwell, 2008. pp. 141–50.
17. Middleton J. *Documentary's Awkward Turn. Cringe Comedy and Media Spectatorship (Routledge Research in Cultural and Media Studies)*. New York. Taylor and Francis. 2013.
18. Moore H. *The Aesthetics of Place and the Comedy of Discomfort: Six Humorists*. Ann Arbor: UMI Microform, 2008.
19. Page E. *Horribly Awkward: The New Funny Bone*. London and New York: Marion Boyars, 2008.
20. Press J. The Comedy of Cringe. *The Village Voice*. 2003. January 21. URL: <https://www.villagevoice.com/2003/01/21/the-comedy-of-tinge/> (accessed: 08/23/2022)
21. Rainn W. *Why the Awkward Humor on The Office Is Funny*, 2011. [Видео] URL: <https://www.youtube.com/watch?v=aIiErKX6JDY> (accessed: 08/23/2022).
22. Schwanebeck W. Introduction to Painful Laughter: Media and Politics in the Age of Cringe. *Humanities*. 2021. №10(4). p. 123.

*

Поступила в редакцию 15.06.2022

ПРОЕКТИРОВАНИЕ СОБЫТИЙНЫХ ФОРМ ВКЛЮЧЕНИЯ ЗРИТЕЛЯ В ПРОСТРАНСТВО ПРОИЗВЕДЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО ВИЗУАЛЬНОГО ИСКУССТВА (В РАБОТАХ Л. Б. РЫЛОВОЙ)

УДК 7.06 : 159.9

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-3107-62-70>

М. А. Безуленко

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», Ижевск, Россия

e-mail: masbiza@mail.ru

Аннотация: В статье анализируются изменения, произошедшие в пространстве современной художественной культуры и визуального искусства, которые актуализируют новые зрительские умения и новые позиции и виды деятельности в этой сфере. Проектирование событийных форм включения зрителя в пространство произведения современного искусства рассматривается как актуальное направление деятельности и предмет исследования в педагогической деятельности и работах профессора Удмуртского Государственного Университета Рыловой Людмилы Борисовны.

Ключевые слова: проектирование образовательных событий, современное визуальное искусство, социокультурное проектирование, современная музейная педагогика.

Для цитирования: Безуленко М.А. Проектирование событийных форм включения зрителя в пространство произведения современного визуального искусства (в работах Л. Б. Рыловой) // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. №3 (107). С. 62-70. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-3107-62-70>

DESIGNING AN EDUCATIONAL EVENT WITH A PURPOSE OF INVOLVING SPECTATORS INTO AN ART OBJECT SPACE (IN THE WORKS BY PROFESSOR L. B. RYLOVA)

Maria A. Bezulenko

Udmurt State University, Izhevsk, Russia

e-mail: masbiza@mail.ru

Abstract: The article analyses transformation of the participants of the artistic cultural space: observers, works of art and artists. Contemporary spectators need to have a new narrative and skills for deep understanding and feeling of a piece of contemporary art. Role of contemporary museums has also changed. Since the time when cultural objects became available for everybody (on the Internet, in Mass Media), a museum has transformed into a place for cultural events. The current article is based on Pr. L.B. Rylova's pedagogical

БЕЗУЛЕНКО МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА – Старший преподаватель кафедры изобразительного искусства и художественной культуры, ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», Ижевск, Россия
BEZULENKO MARIA ALEXANDROVNA – Senior Lecturer of the Department of Fine Arts and Artistic Culture, Udmurt State University, Izhevsk, Russia

© Безуленко М.А., 2022

activity and books. In her last book “How to Give a Painting Back to the Observers” she describes designing an educational event involving spectators into the Pavel Korin’s painting “Requiem” space.

Keywords: designing an educational event, contemporary art, contemporary observer, contemporary museums and galleries.

For citation: Bezulenko M.A. Designing event forms of including the viewer in the space of a work of contemporary visual art (in the works of L.B. Rylova). *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2022, no. 3 (107), pp. 62-70. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-3107-62-70>

Нашу работу «Проектирование событийных форм включения зрителя в пространство визуального искусства в работах Л. Б. Рыловой» можно уверенно отнести к исследованиям в области истории социокультурного проектирования. Мы предполагаем, что в своей профессиональной педагогической деятельности и печатных работах профессор УдГУ Рылова Людмила Борисовна (1944–2020) в числе первых смогла спроектировать, теоретически обосновать, апробировать особый вид образовательных событий – событие, включающее зрителя в пространство произведения современного визуального искусства через деятельность коммуникацию.

Проблема зрительской компетентности в современной науке (теория искусства, педагогика, психология) чрезвычайно актуальна. При концептуальном различии теорий и дискурсов общим знаменателем современных исследований в области новой морфологии искусства, является проблема субъекта (культуры, развития, повседневности), его нового проекта и «обеспечивающих социальных институтов» [3; 5; 12].

Категории философской антропологии, в том числе, ведущие, берут начало из французского постструктурализма и постмодернистских течений (Ж. Деррида, М. Фуко, Ж. Делез, П. Бурдьё, Ж.-Лиотар, Р. Барт); они стали базовыми опорами в морфологическом анализе современной действительности искусства, объективации его новых форм творческой активности и институционального устройства.

В аналитических текстах относительно внутреннего строения новых артсистем

и организованностей, инфраструктуры художественного пространства, актуализируются проблемы вписывания новых арт-форм в существующие институты – музеи, галереи, центры современного искусства и в общество, в повседневность социальной жизни, т. е. в пространство зрителя. В этих исследованиях особое внимание уделяется проблеме построения диалога, новых форм коммуникации с наиболее активными сообществами, поиску новых социальных, политических и культурно-антропологических перспектив (В. Мизиано, Б. Гройс, Ю. Лейдерман, Д. Булатов, Д. Бюрен, М. Лозаретто, В. Мазин, Е. Барабанов, Флек Роберт и др.) [3; 5]. Забота о статусе, формах и уровнях потребления (употребления) культурных смыслов в практиках понимания современного / актуального искусства переносится в провинцию – как место, с одной стороны, художественной «наивности» и неискушенности, с другой, – потенциала новой креативности (М. Чехонадских и др.). В этой связи актуализируются проблемы новых кураторских стратегий и практик репрезентации, проявляющихся в «критике постмодернизма» как явлении «другого модернизма» (Д. Пыркина, И. Чубаров, Х. Сокол и др.) [3; 5].

Множество исследований посвящено институтам производства, продвижения и потребления художественных продуктов, (в том числе проблемам отечественного рынка искусства), и, в особенности, проблемам современного художественного образования и подготовки новых художественных кадров, анализу оснований его кризиса, полного несоответствия и разрыва с новой действитель-

ностью искусства – как российского, так и мирового контекстов (Е. Барабанов, Е. Асс, Флек Роберт, В. Куприянов, В. Мазин и др.) [5; 12].

Однако в этих и многих других исследованиях зрительская позиция, «зрительство» – как новая социальная институция и форма субъектности современного художественного пространства – не получила проблемного рассмотрения и развернутых исследований относительно новой действительности искусства, его новой – неклассической – морфологии. Зритель не выделен как субъект художественного переживания и его рефлексии. Саморефлексия понимания отведена критику. Зритель «невозможен»: пропасть между ним и фактом искусства (как событием) постоянно увеличивается. Объективация кризиса искусства сигнализирует о культурной пустоте места зрителя – как того, ради кого существует искусство, на кого оно направлено и кого оно отражает.

Проблема Зрителя – это не только проблема восприятия искусства (в эмпирическом смысле), но проблема самого бытия искусства и вызовов для его развития. XX век породил принципиально новую, неклассическую ситуацию в искусстве, создающую неиерархическую многополюсность и полифокусность художественного пространства, свободное сосуществование разнородного множества форм и практик художественной активности, в том числе – зафиксированных в теориях **постмодернизма**. В этом разногласии «измов», неопределенности границ и критериев искусства и неискусства порождается кризис зрителя.

Кризис зрителя – как результат кризиса искусства – обусловлен тем, что «классический зритель», исторически сформировавшийся на текстах и языке традиционных форм искусства, вынужден находиться в «культурном промежутке» или одновременно – в нескольких альтернативных ситуациях, отражающих разные парадигмы / проекты / модели искусства XXI в. С одной стороны, – в рамках классической модели, исторически и теоретически завершенной, со всеми устоявшимися культурными формами, направлениями,

языками, своей теоретически обоснованной морфологией, транслируемой многими поколениями; с другой стороны, – в становящейся теоретической модели, еще недооформленной согласованными рамками, именами, понятиями и оценками [3; 5].

Данная ситуация вызывает необходимость ее теоретического осмысления и оформления как принципиально нового тренда для теории искусств. Этот вызов носит «полирабочий» характер: новая онтология зрителя детерминируется онтологическими рамками новой – неклассической – морфологии искусства, которая, в свою очередь, должна быть «обрамлена» рамками понимания / осмысления современной культуры в целом (ее нового проекта). В новой морфологии искусства, еще не имеющей целостного подхода, должны быть изучены и найдены места, роли, уровни, функции и характеристики нового зрителя.

Переводя данную проблему в плоскость педагогической науки, можно говорить об актуальности формирования новой зрительской компетентности, причем способ ее формирования может быть «защит» в инфраструктуру события в музейном пространстве, а возможно – и в структуру произведения современного искусства. Соответственно осознание такой потребности социокультурного пространства и моделирование этой инфраструктуры необходимо окажут влияние на содержание подготовки художников, кураторов и иных специалистов социально-культурной сферы.

Понимание того, что традиционное устройство музейного пространства и организационные формы работы со зрителем требуют переосмысления и трансформации, возникло достаточно давно. На примере любого сайта крупных музеев мира мы можем увидеть, что музеи стараются внести разнообразие в формы существования зрителя в пространстве музея/галереи; в структуре сайта мы всегда увидим «выставки» и «события». Под событийными формами могут пониматься проблемные лекции, художественные штудии в пространстве музея, театрализованные действия и т. п.

В литературе существуют разные определения образовательного события. Например, «образовательное событие – специальная форма организации и реализации образовательной деятельности, выстроенная как интенсивная встреча реальной и идеальной форм порождения и оформления знания» [11, с. 50].

Среди характеристик образовательного события, сформулированных в работах отечественных исследователей и практиков, были выявлены: *уникальность события*, т. е. осуществление его в конкретных обстоятельствах, условиях, при определённом составе участников, выход за рамки повседневной активности; *воспроизведение и трансляция культурных, социальных и профессиональных образцов поведения*; базирование на коммуникациях и *совместном взаимодействии всех участников*; *высокое эмоциональное напряжение* и вовлечение участников; *наличие условий для творческого осмысления, импровизации*; *получение значимого уникального результата*; *принятие участниками ответственности за собственные действия и результаты* [11].

Событие всегда содержит так называемые «точки удивления», места несоответствия предыдущего опыта субъекта, места необходимости творческого интеллектуального акта для гармонизации представления о чем-либо. В. С. Библер под «точками удивления» подразумевал те моменты познания, которые поражают несопадением с привычным и очевидным; по его мнению, в этой точке происходит взаимопревращение сознания в мышление, а мышления в сознание [11].

Многие музеи используют сейчас уже апробированные событийные формы, такие как биеннале, музейные фестивали. Одним из ярких примеров удачной событийной формы включения зрителя в пространство музея является, на наш взгляд, «Ночь музеев». Это международная культурно-образовательная акция, в ходе которой музеи и другие учреждения культуры работают до позднего вечера или даже в ночные часы, предлагают зрителю необычные возможности времяпрепровождения в пространстве музея.

Впервые данная акция была организована в 1997 году в двенадцати музеях Берлина и называлась «Длинная ночь музеев». В 1999 году подобные мероприятия организовало Министерство культуры и коммуникации Франции. Позже Совет Европы утвердил выдвинутую Францией идею о ежегодном проведении международной акции, в которой в настоящее время участвуют свыше 3,5 тысяч музеев более чем 40 стран. Впервые в России «Музейную ночь» провел Красноярский музейный центр, число посетивших достигло пяти тысяч человек.

Если попробовать реконструировать «точку удивления», которая принесла «Ночи музеев» такую огромную популярность, то можно предположить, что это отмена традиционно жестких регламентов взаимодействия зрителя и произведения в экспозиции. На «Ночь» музей становится комфортной средой для человека, где можно пребывать долго, принять любую удобную позу, смотреть кино, слушать музыку и получить шанс «встретиться» с произведением искусства. Необычный образовательный проект был реализован в Рейксмузеем (Амстердам), событие получило название «Big Draw» и проходило 24 и 25 октября в 2015 году. Посетителям было предложено не фотографировать произведения, а рисовать в меру сил: «Чем больше ты рисуешь, тем больше видишь». «Ночь музеев», «Big Draw» не только смещают для зрителя привычные рамки пребывания в музее, но и используют инновационные для музейного пространства образовательные технологии, такие как, например, деятельностный подход в образовании, включая зрителя в пространство изображения через специально обустроенное действие.

Еще одной сложившейся событийной формой в сфере художественной культуры можно считать биеннале (большой международный фестиваль искусств), сегодня существует более двухсот биеннале по всему миру. Биеннале как открытая коммуникативная площадка, организуя опыт всех субъектов сферы искусства, на которой встречаются ху-

дожник – куратор – критик – произведение – зритель, становится точкой роста и трансформации.

Приведенные в качестве примера событийные формы являются продуктом проектной деятельности, которая стала одной из ключевых для специалистов сферы художественной культуры – кураторов, галеристов, художников, продюсеров. Проектная компетентность превратилась в универсальное умение, без которого невозможно осуществиться в пространстве художественной культуры ни художнику, ни куратору, ни галеристу, ни зрителю.

В российском художественном, художественно-педагогическом образовании анализ этой ситуации начинается с 90-х годов XX века и был связан с инновационным бумом в сфере образования и с развитием новых направлений визуального искусства и кураторской деятельности, синтезирующих в себе творческие и проектные умения. Одной из знаковых фигур художественно-педагогического образования стала Людмила Борисовна Рылова, которая в своих исследованиях и педагогической деятельности анализировала деятельность природу освоения зрителем современного искусства, проблему подготовки актуального художника, куратора, продюсера, музейного педагога.

В течение жизни (1944–2020) Л. Б. Рыловой было издано 5 книг по педагогике изобразительного искусства. Уже в самой ранней работе 1992 года «Изобразительное искусство в школе. Дидактика и методика» она рассматривает проблемы содержания обучения изобразительному искусству в школе, а также – методику подготовки будущего педагога искусства. Анализируя теорию полихудожественного воспитания Б. П. Юсова (1991), автор показывает актуальность формирования у учащихся представлений об элементах языка разных видов искусства как некой надпредметной компетентности, позволяющей создавать и воспринимать произведение современного искусства. Инновационный бум в российском образовании совпал по времени

с кризисом содержания, появлением новых видов искусства и рефлексией в сфере визуального искусства. Популярность акционных видов искусства (например, «Человек-собака» Олега Кулика 1994), перформансов, видеоарта, обострили проблему содержания художественного и художественно-педагогического образования, проблему компетентностей художника, педагога искусства, зрителя.

С 1995 по 2004 год на базе инновационной образовательной площадки «Высший Педагогический Колледж Искусств», созданной Л. Б. Рыловой, сложилось уникальное содержание образования, где ключевым элементом становится именно проектная деятельность будущих педагогов-художников. Затем эта практика была «упакована» в содержание курса «Художественно-педагогическое моделирование» – уникального курса, разворачивающего метод проектов на материале современной художественной культуры. Проектирование педагогических событий и художественных акций становится обязательным, режимным элементом учебной деятельности в Высшем Колледже искусств. Необходимость такой практики ощущается Рыловой Л. Б. тогда ещё на интуитивном уровне и не всегда хорошо отрефлексирована, но эффективность новой образовательной модели очевидна: хорошая подготовленность выпускников для работы в образовательных учреждениях разного типа, успешность выпускников, ориентированных на деятельность в сфере актуального искусства. Одним из ярких примеров такой реализации стала деятельность группы «Археоптерикс», состоящей из выпускников Высшего Педагогического колледжа искусств. Например, в программе «Ижевск – Территория искусства» (2000 год, Ижевск) выпускники ВПКИ и арт-группа «Археоптерикс» выступили в нескольких проектах: Анжела Арсинкей в «Арт-обстрел», Роман Постников в «Обыкновенный фетишизм», Максим Веревкин с экспозицией в ВЦ «Галерея», группа «Археоптерикс» с видеоинсталляцией. Высокий уровень проектов был отмечен в СМИ; в частности, «Художествен-

ный журнал» разместил статью Аркадия Пыльного, в которой автор пишет: «Сверхконцентрация всех видов ресурсов в Москве закрепила уже давно устоявшееся мнение, что актуальное искусство в провинции невозможно. Ну, если и возможно, то крайне проблематично. Ну, если и не проблематично, так уж наверняка какая-нибудь вялая калька со столичных «высоких образцов». К сожалению, это мнение разделяют и сами актуальные художники, действующие вдали от московско-питерской сцены. В пик подобному пессимистическому мнению в конце апреля в столице Удмуртии прошел фестиваль современного искусства «Территория искусства», (...) хотелось бы сосредоточиться на действительно «другом» – творчестве актуальных художников Удмуртии, совсем недавно появившихся на территории актуального искусства России. Собственная провинциальность, архаичность, отсталость, тотальное непонимание за модой ижевскими художниками понятия буквально и из недостатков превращены в достоинства. Оппозиция провинциальности и столичности у них доведена до абсурда. Эти понятия соотносятся друг с другом, как язычество и монотеизм, архаика и современность. Самоирония

заложена уже в названии группы художников и музыкантов – организаторов и главных действующих лиц фестиваля, они именуют себя группа «Археоптерикс» (скелет ископаемого летающего ящера – логотип фестиваля)» [7].

Одной из самых успешных акций арт-группы «Археоптерикс» можно считать акцию 2001 года «Упаковка», поддержанную Институтом «Открытое общество». Акция представляла собой роспись трех девятиэтажных домов «знаками-оберегами», которые обычно используются на упаковке. Успех акции был обусловлен грамотным проектным подходом, анализом резонансных для общества тем (11 сентября 2001, террористическая угроза), четким планированием этапов, грамотным продвижением акции в интернет и с помощью печатной продукции (рис. 1). Показательно, что росписи сохранены до сих пор и бережно подновляются в процессе текущих ремонтов многоэтажек.

Примеры эффективности использования проектного метода в подготовке специалистов сферы художественной культуры можно увидеть не только в сфере визуального искусства, но и в педагогической деятельности выпускников ВПКИ, они уверенно реализуют метод проектов на множестве образовательных площадок УР. В частности, на базе АМОУ «Гуманитарный лицей» г. Ижевска учреждения дополнительного образования «Арт-резиденция» выводят сопровождаемых на самостоятельные проекты в эстетике стрит-арт, монументального искусства, серьезные культурологические исследования современного искусства (рис. 2).

Интуитивные эмпирические представления об актуальности использования событийной формы для включения зрителя в пространство понимания современного искусства были оформлены Рыловой Л. Б. в ее ранних работах – статьях и монографии «Теория и методика обучения изобразительному искусству» (2006 год).

Начиная с работ по психологии и педагогике развития, психологии искусства, опираясь на труды Выготского Л. С., Эльконина Д. Б.,

Рисунок 1. Промо-открытка акции «Упаковка»,
«Send your card to Ben Laden»

Рисунок 2. Роспись стены Гуманитарного лицея г. Ижевска, выполненная учащимися 2019 год.

Эльконина Б. Д., анализируя меняющуюся ситуацию в современной художественной культуре, постмодернистские тенденции в современном визуальном искусстве, глобальные изменения в медиапространстве, Рылова Л.Б. предположила, что современному художнику, а также – куратору, педагогу искусства, зрителю необходима новая компетентность [6; 9; 10]. Эта универсальная компетентность, по мнению Л. Б. Рыловой, состоит из представлений об инвариантных элементах языка искусства (таких как композиция, цвет, свет, пространство и т. д.) и проектных умений, позволяющих реконструировать контекст, анализировать ситуацию, реконструировать замысел, прогнозировать эффекты. В более поздних исследованиях автор предположит, что именно эта компетентность позволит современному зрителю быть включенным в пространство произведения визуального искусства, даст возможность «увидеть» картину.

В работах «Теория и методика обучения изобразительному искусству. Инновационная тьюторская модель» (Издательство «Эрго» 2010, дополненное «Планета музыки» 2020) и «Как вернуть картину зрителю» («Планета музыки» 2020) автор делает уже более глубокий анализ возможностей использования события для включения зрителя в пространство произведения визуального искусства [6; 9; 10]. В последней своей книге «Как вернуть карти-

ну зрителю» автор анализирует событийную форму включения зрителя в пространство произведения искусства уже без жесткой привязки к практике художественно педагогического образования, как универсальную модель, позволяющую через деятельностную коммуникацию включать участников в контекст, в котором осуществилось произведение, формировать актуальные представления о языке искусства, проектные умения.

В краткой аннотации к книге «Как вернуть картину Зрителю. Или история неосуществленной картины Павла Корина «Реквием» Л. Б. Рылова пишет: «Первая часть книги – это размышление о судьбе и миссии художника в эпоху «невозможности» искусства, о временах духовной немоты и безбожия (...)» В этой же части книги представлена модель становления зрительской позиции («мастерская Зрителя») через инициацию поисков способов понимания (анализа и интерпретации) Картины, ее языка с различных позиций – художественно-эстетической, исторической, психологической, философской. Во второй части книги дается развернутое описание масштабной интерактивной художественной акции «Реквием в Раме» [6, с. 7].

Технологический рывок последних десятилетий и общий вектор развития цивилизации делает исследование инструментов включения зрителя в пространство современного визуального искусства еще более актуальным. Агрессивная медиасреда, в которой существует современный человек, трансформация сферы художественной культуры, новая морфология и идеология искусства, безусловно, влияет на восприятие нами произведений визуального искусства. Привыкая к сверхконтрастным движущимся изображениям, интерактивности медиаресурсов и общедоступности наследия мировой художественной культуры, современный зритель уже не готов к непосредственному восприятию произведений станковых видов искусства. Рефлексия современного художника, обреченного на постмодернистскую вторичность, пытающегося в визуальной

форме (часто не вполне привычной: акция, перформанс, видеоарт) передать уникальный месседж, авторский замысел, делает его продукт сложным для зрительского восприятия, актуализирует позиции куратора, критика. Все это указывает на то, что проектирование событийных форм включения зрителя

в пространство произведения современного визуального искусства – актуальнейшее направление исследований, имеющее практическое значение как для сферы социокультурного проектирования и музейной педагогики, так и для художественного, художественно-педагогического образования.

Список литературы

1. *Васильева Т. Е.* Генезис музейной педагогики в социокультурном образовательном контексте // Вестник Челябинского педагогического университета. 2010. № 4. С. 26–34.
2. *Выготский Л. С.* Психология искусства. Москва: Педагогика, 1987. 341 с.
3. *Генисаретский О. И.* Философия проектности: из истории проектной культуры второй половины XX века. Москва: URSS: ЛЕНАНД, 2016. 399 с.
4. *Марков А. П., Бирженюк Г. М.* Основы социокультурного проектирования: учебное пособие. Санкт-Петербург: ИГУП (Библиотека гуманитарного университета. Вып. 6). 1998. 364 с.
5. *Рылова Л. Б.* К вопросу о новой онтологии зрителя как особой институции и формы субъектности современного художественного и социокультурного пространства // Сборник материалов всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти Т. А. Лебедевой (1912–2001). Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2013. С. 142–148.
6. *Рылова Л. Б.* Как вернуть картину зрителю, или история неосуществленной картины Павла Корина. Москва: Планета музыки, 2020. 272 с.
7. *Рылова Л. Б.* Культурные следы «АртОсадков инновационного проекта» как форма порождения образовательного пространства // Вестник Удмурдского государственного университета. Серия «Искусство и дизайн». 2005, № 12. С. 108–114.
8. *Рылова Л. Б.* Методологические основания инновационной модели современного профессионального образования как открытого образовательного пространства // Вестник УдГУ. Серия «Искусство и дизайн». Ижевск, 2005, № 12. С. 114–123.
9. *Рылова Л. Б.* Теория и методика обучения изобразительному искусству. Инновационная тьюторская модель: учебное пособие. Москва: Планета музыки, 2020. 444 с.
10. *Рылова Л. Б.* Теория и методика обучения изобразительному искусству: учебно-методический комплекс. Ижевск: ERGO, 2006. 408 с.
11. Событийность в образовательной и педагогической деятельности / под ред. Н. Б. Крыловой, М. Ю. Жилиной. Научно-методическая серия «Новые ценности образования». 2010. № 1 (43). 157 с.
12. Художественный журнал [Электронный ресурс]. Москва, 2003, № 50. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/58>
13. *Якимович А. К.* Полеты над бездной. Искусство, культура, картина мира. Москва: Искусство XXI века, 2009. 464 с.

References

1. *Vasil'eva T. E.* Genesis of museum pedagogy in the socio-cultural educational context // Vestnik Chelyabinskogo pedagogicheskogo universiteta. 2010. № 4. pp. 26–34. (In Russ.)
2. *Vygotsky L. S.* Psychology of art. Moscow: Pedagogy, 1987. 341 p. (In Russ.)
3. *Genisaretsky OI* Philosophy of design: from the history of design culture in the second half of the 20th

- century. Moscow: URSS: LENAND, 2016. 399 p. (In Russ.)
4. Markov A. P., Birzhenyuk G. M. Fundamentals of socio-cultural design: a tutorial. St. Petersburg: IGUP (Library of the Humanitarian University. Issue 6). 1998. 364 p. (In Russ.)
 5. Rylova L. B. To the question of the new ontology of the viewer as a special institution and forms of subjectivity of the modern artistic and socio-cultural space // Collection of materials of the all-Russian scientific and practical conference dedicated to the memory of T. A. Lebedeva (1912–2001). Izhevsk: Udmurt State University, 2013. pp. 142–148. 6. (In Russ.)
 6. Rylova L. B. How to return a painting to the viewer, or the history of an unrealized painting by Pavel Korin. Moscow: Music Planet, 2020. 272 p.. (In Russ.)
 7. Rylova L. B. Cultural traces of the «ArtOsadkov innovation project» as a form of generation of educational space // Bulletin of the Udmurt State University. Series «Art and Design». 2005, No. 12, pp. 108–114. (In Russ.)
 8. Rylova L. B. Methodological foundations of the innovative model of modern vocational education as an open educational space // Vestnik UdGU. Series «Art and Design». Izhevsk, 2005, No. 12, pp. 114–123. (In Russ.)
 9. Rylova L. B. Teoriya i metodika obrazovanie pictorial'nogo khudozhestvo. Innovative Tutoring Model: A Textbook. Moscow:: Planeta muzyki, 2020. 444 p. (In Russ.)
 10. Rylova LB Theory and methods of teaching fine arts: educational and methodological complex. Izhevsk: ERGO, 2006. 408 p.
 11. Eventfulness in educational and pedagogical activity / ed. by N. B. Krylova, M. Y. Zhilina. Scientific and methodical series «New values of education». 2010. № 1 (43). 157 p. (In Russ.)
 12. Art magazine [Electronic resource]. M., 2003, No. 50. Moscow, 2003, No 50. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/58> (In Russ.)
 13. Yakimovich A. K. Flying over the abyss. Art, culture, picture of the world. Moscow: Art of the XXI century, 2009. 464 p. (In Russ.)

*

Поступила в редакцию 18.05.2022

ПЕРФОРМАТИВНОСТЬ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ XX ВЕКА

УДК 7.0119

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-3107-71-76>

С. В. Жаворонкова

Московский государственный институт культуры, Химки, Московская область, Россия

e-mail: zh.sofya2016@yandex.ru

Аннотация: В статье анализируется перформативность в контексте XX века. Мы опираемся на понимание перформативных практик как факторов, влияющих на творческое восприятие в современной социокультурной реальности. Помимо этого, перформативное искусство влияет на коммуникацию, на способ взаимодействия со зрителем. Исходя из этого, мы полноправно выходим на диалогическую функцию перформанса. Несмотря на то, что актер в перформативной коммуникации как бы обезличен, он несет определенную идею, впоследствии определяя себя не только как актера-действующего, но и как полноценную фигуру-субъекта в перформативном пространстве. Перформанс доступен и вполне легко реализуем в творческой сфере, именно поэтому каждый день мы наблюдаем, как кто-то совершает перформативные акты. Но все ли они наделены именно художественной составляющей? Перформанс тесно связан с обществом и с событиями, происходящими в мире. Как правило, художник в перформативной коммуникации выступает главным звеном, но он не пронесит свою личность через контекст произведения. Он предлагает зрителю почувствовать себя художником и, благодаря этому, выходит на социальный аспект в своем творчестве. По обозначенным причинам, перформативные практики – поле исследования, которое заслуживает особого внимания.

Ключевые слова: перформанс, перформативный поворот, визуальный образ, визуальная культура, социальные коммуникации, культурные коммуникации.

Для цитирования: Жаворонкова С.В. Перформативность в социокультурном контексте XX века // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. №3 (107). С. 71-76. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-3107-71-76>

PERFORMATIVITY IN THE SOCIOCULTURAL CONTEXT OF THE 20TH CENTURY

Sofia V. Zhavoronkova

Moscow State Institute of Culture, Khimki City, Moscow Region, Russian Federation

e-mail: zh.sofya2016@yandex.ru

ЖАВОРОНКОВА СОФИЯ ВАДИМОВНА – выпускник магистратуры кафедры культурологии факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры, Химки, Московская область, Россия

ZHAVORONKOVA SOFIA VADIMOVNA – Undergraduate at the Department of Culturology, the Faculty of State Cultural Policy, the Moscow State Institute of Culture, Khimki City, Moscow Region, Russian Federation

© Жаворонкова С.В., 2022

Abstract: The article analyzes performativity in the context of the 20th century. In this article, we define performative practices as a factor influencing creative perception in modern sociocultural reality. In addition, performance art affects communication, the way of interacting with the viewer, and from this we rightfully enter the dialogic function of performance. Despite the fact that the actor in performative communication is, as it were, impersonal, he carries a certain idea, subsequently defining himself not only as an actor-actor, but also as a full-fledged figure-subject in a performative space. Performance is accessible and quite easy to implement in the creative field, which is why every day we watch someone perform performative acts. But are they all endowed with an artistic component? Performance is closely connected with society and with events taking place in the world. As a rule, the artist acts as the main link in performative communication, but he does not carry his personality through the context of the work. He invites the viewer to feel like an artist and, thanks to this, enters the social aspect in his work. For the reasons indicated, performative practices are a field of study that deserves special attention.

Keywords: performance, performative turn, visual image, visual culture, social communications, cultural communications.

For citation: Zhavoronkova S.V. Performativity in the socio-cultural context of the twentieth century. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2022, no. 3 (107), pp. 71-76. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-3107-71-76>

Современная культура в огромной степени состоит из визуальных образов и знаков, которые сопровождают каждого из нас с первых дней жизни, репрезентируя нормативные и ценностные модели, создавая социальную мифологию. В этом насыщенном поле смыслов перформативные практики обращают к себе все большее внимание. Для анализа этого процесса необходимо рассмотреть перформативность как феномен в двух срезах: как явление социальное и как явление художественное.

Социогуманитарному знанию присущи тенденции к интеграции различных дисциплин и одновременно обращение к глубокой дифференциации категориально-понятийного аппарата [4, с. 76]. Явление перфоманса наиболее полно отражается в теориях, разработанных в XX в., и являющих собой рефлексию на социальные, политические, техногенные и др. события повседневной действительности. Наравне с лингвистическим (1960–1970 гг.) и визуальным (1980–1990 гг.) поворотами, определившими методологию и новые методы исследования, многие области современного гуманитарного знания испытывают влияние перформативного поворота.

Термин «перформативный» был предложен английским философом, логиком Дж. Остином в рамках курса лекций, посвя-

щенных философии языка в 1955 г., «Как совершать действия при помощи слов» [8, с. 15]. Автор предлагает данный неологизм, образованный от глагола *toperform* (англ. – представлять, осуществлять, исполнять) и существительного *action* (англ. – действие) как краткую форму «...перформативного предложения или высказывания...» [8, с. 25], где процесс производства высказывания также является осуществлением действия. Вышесказанное позволяет предполагать, что в таком случае происходит не просто говорение.

Философ провел различие между перформативным высказыванием и констатирующим. Ключевой функцией последних является констатация, то есть описание уже существующего состояния или утвержденного факта, которые являются истинными или ложными. В то время как перформативные высказывания служат для осуществления действия. Придерживаясь данной концепции, можно говорить, что перформативные высказывания влекут за собой действия, которые они называют, вне зависимости от результата. Так, перформатив может влиять на контекст повседневной действительности, создавать социальную, коммуникативную, межличностную ситуацию, которая приводит как к локальным, так и к глобальным событиям и последствиям

в зависимости от контекста. Примером такого перформативного взаимодействия могут служить объявление войны, завещание, принесение клятвы, присяги и др., где перформатив и соответствующее ему действие, соотносится, то есть осуществляется, посредством речевого акта. Так, принесение клятвы невозможно без произнесения текста; в таком смысле перформатив является автореферентным, то есть указывает на выполняемое им же действие, помимо этого также формируя действительность, о которой говорят.

Понятия перформативности и перформативных актов в рамках научного дискурса активно использовались в теориях, связанных с философией языка, лингвистикой и семиотикой. Н. Хомский в 1957 г., ввел схожее с термином «перформатив» понятие «лингвистический перформанс». Лингвист, по аналогии разграничения понятий «язык» и «речь», представленных Ф. де Соссюром как отношение структуры и коммуникации, противопоставляет «компетенцию» и «употребление», где последнее соотносится с английским *performance*. В работе «Язык и мышление» Хомский проводит фундаментальное различие между компетенцией (знанием своего языка говорящим – слушающим) и употреблением (реальным использованием языка в конкретных ситуациях). Только в идеальном случае употребление является непосредственным отражением компетенции. В представлении Н. Хомского, «язык» является не структурой, но системой процессов, которые обладают абстракцией, а лингвистический перформанс есть практическая реализация такой абстрактной системы в конкретной ситуации. По мнению философа, такая языковая реализация в определенном случае наделена обширным творческим потенциалом в условиях ограниченности изобразительных и вербальных средств; наиболее ярким примером служат дети, которые проявляют феноменальные возможности в творчестве и лингвистике.

Рассмотренные выше теории относятся к лингвистике и философии языка, где предложенный термин «перформатив» в дальнейшем

применим как модель уже не относящихся к лингвистике операций. Понятие «речевого акта» расширяется и трансформируется как «язык в действии», «языковая игра», «употребление» и в конечном итоге – как наиболее употребляемый в современном дискурсе термин – перформативный акт. В данном контексте можно говорить, что перформативный акт является универсальной единицей символической коммуникации, включающей в себя не только особенности речевого акта, но и телесные, пространственные, материальные, духовные и др., аспекты, которые задействуют различные знаково-символические системы в рамках процесса сигнификации.

Параллельно понятие «перформативность» в 1988 году вводит американский философ Дж. Батлер. Занимаясь, прежде всего, исследованиями гендерной идентичности, автор в статье «Перформативные акты и гендерная конструкция: эссе по феноменологии теории феминизма» утверждала, что гендерная идентичность, в частности, как и идентичность вообще, не является предопределённой с точки зрения онтологии или биологии, но формируется под влиянием социокультурной действительности (культуры), которая, по Дж. Батлер, является «перформативной» [13, с. 270–282]. Ключевым аспектом в расхождении понятия «перформативность» у Дж. Батлер и Дж. Остина является то, что Дж. Батлер относила его, прежде всего, к телесным действиям, а не к речевым актам, как Дж. Остин. Смещение доминанты с речевых актов на телесные действия привело Дж. Батлер к исследованию феноменологических условий, в которых происходит воплощение. Дж. Батлер опиралась на труды французского философа М. Мерло-Понти, который рассматривал тело человека как структурный элемент восприятия, имеющий способность к воплощению, то есть обладающий способностью к реализации определенных процессов культуры и истории. Дж. Батлер, в свою очередь, интерпретировала процесс создания идентичности как процесс воплощения. Таким образом, интерпретация процесса перформа-

тивного создания идентичности, заключенная в процессе воплощения, также является обусловленной различными социальными условиями. Согласно исследовательнице, индивидуум и общество не способны полностью контролировать процесс воплощения, так как индивидуум не обладает абсолютной свободой при выборе способа воплощения и, как следствие, и в выборе идентичности; но и общество не имеет возможности осуществлять тотальный контроль. Однако общество может регламентировать, навязывать условия, применять санкции для тех воплощений, которые не соответствуют доминирующей в повседневности норме, хотя предотвратить локальные новообразования полностью невозможно. Формирование идентичности Дж. Батлер сравнивает с постановкой театрального произведения, где в зависимости от видения режиссера и актера одна и та же пьеса (роль) может приобретать множественное воплощение. То есть воплощение происходит с учетом авторских ремарок и интерпретаций, следовательно, и воплощение гендерной идентичности происходит по аналогии с театральными постановками с учетом индивидуальных особенностей и определенных рамок интерпретации. Таким образом, в тело может быть заложен определенный культурный код, наполненный смыслом и предусматривающий различные интерпретации.

Теорию перформативности, представленную Дж. Батлер с акцентом на телесные процессы воплощения, можно считать ценным дополнением к лингвистической теории Дж. Остина. В результате тенденций, описанных в теориях ученых, можно проследить влияние культурных и научных парадигм на искусство – образование новых художественных форм «перформанс-арт», «акционизм», где прослеживаются схожие со спектаклем черты [12, с. 45]. По своей сути «перформативный поворот» – это стирание границ между различными видами искусства (между пространственными, временными и пространственно-временными), вследствие чего все действие превращается в своего рода спектакль.

Перформативный поворот способствовал изменениям в структуре и подходах внутри знания, представляя собой противовес доминирующим системам академического знания, в рамках которых в 1980-е гг. начала развиваться группа дисциплин нового гуманитарного знания (далее – НГЗ). Ключевым фактором, отличающим НГЗ от академического, является отрицание метафоры «мира как текста» и призыв к метафоре «мира как множественных перформативных актов или действий, в которых мы принимаем участие» [5, с. 50]. НГЗ подразумевает под собой исследование культуры в рамках междисциплинарных подходов, постколониальных изысканий, изучения и анализа этноса и этничности, гендерных исследований, а также разработку новых теорий постгуманистической парадигмы с обращением к «не-человеческому» («turntonon-human»). Таким образом, благодаря перформативному повороту, происходит смещение постмодернистских трендов, апеллирующих к языку, дискурсу, знаку, тексту и репрезентации по отношению к действующему субъекту, где субъектом могут выступать артефакты, технофакты, экофакты [13, с. 226].

Следует понимать, что перформативный поворот не отменяет значимость исследований, посвященных анализу образа в работах структуралистов и постструктуралистов, которые основаны на текстуальном или иконографическом изучении, а дополняет их, смещая вектор внимания с общих культурно-исторических форм рефлексии, делая акцент на коммуникативность, диалогичность, вовлеченность и включенность исследователя не только в конкретный объект исследования, но и в общий контекст социокультурной действительности. Перформативный подход позволяет рассматривать культурные феномены не только как описание содержания знаков, символов, образов, но как конкретный материальный акт. Для подобных актов определяющими компонентами являются сила воздействия и успешность (описанные и концептуализированные в теории речевых актов Дж. Остина, соотносящиеся с иллюкутивным

и перлокутивным эффектом), они отвечают за передачу информации и значения в различных социокультурных условиях при помощи медиа и культурных техник.

Перформативность как культурный процесс во многом подкрепляется художественной культурой. Особенно явно данная тенденция прослеживается у творцов XX века, в поисках новых средств выразительности и воплощений.

Что значит для искусства быть «перформативным»? Экспансивный характер перформативности как концепции в недавних исследованиях искусства XXI века часто расходится со значением этого термина в лингвистике.

В современной художественной культуре сложилось большое многообразие перформативных практик, которые проявили себя в самых разных сферах, обретая разные формы и актуализируя различные проблемы. Сложилось множество концепций перформанса, в разработке которых участвовали как зарубежные, так и отечественные художники. Феномен перформативности стал предметом анализа для многих современных исследователей. Проблемой является высокая степень терминологической неопределенности.

Под понятием «performanceart» часто имеется в виду и хэппенинг, и акционизм, и социальный театр, и имерсивные практики. Перформанс является полноправной единицей социокультурной коммуникации, искусством, транслирующим связи в обществе, и в некотором смысле выстраивающей их.

Перформанс как феномен социокультурной коммуникации отражает социальные аспекты, процессы, происходящие в обществе. Художник-перформер в процессе создания перформанса берет на себя важную миссию: он должен чувствовать, как изменяется мир, и способы транслирования происходящего в мире. Перформанс – это наиболее современный вид искусства (ввиду «одноразовости» и «сиюминутности» происходящего). Именно поэтому мы воспринимаем его как то, что случается «здесь и сейчас», даже когда смотрим видеозапись перформанса. Возможно, иногда создание перформативных актов полноправно выходит за рамки «своего» времени, актуализируясь сразу для нескольких поколений, осуществляя на практике концепт М. М. Бахтина «большое время». «Большое время» соотносится с выходом на глобальные пространственно-временные уровни.

Список литературы

1. *Бахтин М.* Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. Москва: Художественная литература, 1975. 810 с.
2. *Бахтин М.* Искусство и ответственность. К философии поступка. Автор и герой в эстетической деятельности. Проблема содержания, материала, формы в словесном художественном творчестве. Киев: NEXТ, 1994. 420 с.
3. *Бахтин М.* Эстетика словесного творчества. Москва: Искусство, 1979. 415 с.
4. *Крейдлин Г.* Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. Москва: Новое литературное обозрение, 2004. 518 с.
5. *Кузнецов М.* От перформативности к виртуальной реальности и Vice Versa// NewMediaLogia. Москва: Центр современного искусства Сороса, 1996. 70 с.
6. *Лотман Ю.* Статьи по семиотике искусства. Санкт-Петербург: Академический проект, 2002. 429 с.
7. *Лотман Ю.* Структура художественного текста. Москва: Искусство, 1970. 359 с.
8. *Остин Дж.* Как совершать действия при помощи слов // пер. с англ. Макеевой Л. Б., Руднева В. П. / Москва Идея-Пресс: Дом интеллектуальной книги, 1999. 135 с.
9. *Остин Дж.* Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. Москва: Прогресс, 1986. 25 с.

10. Подорога В. Эпоха Corpus'a?// Нанси Ж.-Л. Corpus. Москва: Ad Marginem, 1999. 225 с.
11. Проблемы синтеза в художественной культуре. Москва: Наука, 1985. 286 с.
12. Репрезентации телесности. Сборник научных статей/ Составитель и ответственный редактор Г. И. Зверева. Москва: РГГУ, 2003. 350 с.
13. Butler J. Performative Acts and Gender constitution: an essay in Phenomenology and Feminist theory // Performing Feminisms: Feminist Critical Theory and Theatre / ed. by Sue-Ellen Case. Baltimore. London, 1990. P. 282.

References

1. Bakhtin M. Questions of Literature and Aesthetics. Researches of different years. Moscow: Fiction. 1975. 810 p.(In Russ)
2. Bakhtin M. Art and responsibility. To the philosophy of action. Author and hero in aesthetic activity. The problem of content, material, form in verbal art. Kyiv: NEXT, 1994. 420 p. (In Russ)
3. Bakhtin M. Aesthetics of verbal creativity. Moscow: Art, 1979. 415 p. (In Russ)
4. Kreidlin G. Non-verbal semiotics: Body language and natural language. Moscow: New Literary Review, 2004. 518 p. (In Russ)
5. Kuznetsov M. From Performativity to Virtual Reality and Vice Versa // NewMediaLogia. Moscow: Soros Center for Contemporary Art, 1996. 70 p. (In Russ)
6. Lotman IO. Articles on the semiotics of art. St. Petersburg: Academic project, 2002. 429 p. (In Russ)
7. Lotman Yu. The structure of a literary text. Moscow: Art, 1970. 359 p. (In Russ)
8. Austin J. How to perform actions with the help of words // trans. from English. Makeeva L. B., Rudneva V. P. / Moscow Idea-Press: House of Intellectual Books, 1999. 135 p. (In Russ)
9. Austin J. Word as action // New in foreign linguistics. Issue. 17: Theory of speech acts. Moscow: Progress, 1986. 25 p. (In Russ)
10. Podoroga V. The era of Corpus'// Nancy J.-L. corpus. Moscow: Ad Marginem, 1999. 225 p. (In Russ)
11. Problems of synthesis in artistic culture. Moscow: Nauka, 1985. 286 p. (In Russ)
12. Representations of corporality. Collection of scientific articles / Compiled and editor-in-chief G. I. Zverev. Moscow: RGGU, 2003. 350 p. (In Russ)
13. Butler J. Performative Acts and Gender constitution: an essay in Phenomenology and Feminist theory // Performing Feminisms: Feminist Critical Theory and Theatre / ed. by Sue-Ellen Case. Baltimore. London, 1990. P. 282.

*

Поступила в редакцию 20.06.2022

ЗНАЧЕНИЕ АРТ-КЛАСТЕРОВ В ФОРМИРОВАНИИ МОЛОДЫХ ХУДОЖНИКОВ (НА ПРИМЕРЕ КЛАСТЕРА «ТАВРИДА»)

УДК 7

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-3107-77-84>

Е. С. Нетреба

Челябинский государственный институт культуры,
Уральский государственный архитектурно-художественный университет, Россия
e-mail: elizabeth.netreba@gmail.com

Аннотация: В статье раскрывается понятие арт-кластеров через рассмотрение терминологии и подходов к изучению данного явления творческой индустрии, анализируется влияние креативных объединений на развитие современной культуры и искусства, определяется функциональность, которым наделяются творческие кластеры, выявляются черты, позволяющие отнести деятельность творческого объединения к арт-кластеру. Автор ставит цель – дать определение явления «арт-кластер» в рамках современного российского искусства и показать его влияние на формирование молодых деятелей культуры. Рассматриваются процессы, происходящие в сфере изобразительного искусства, и в качестве примера – как наиболее динамично развивающийся творческий кластер – т. выделен арт-кластер «Таврида». Научная новизна заключается в рассмотрении арт-кластеров с позиции их влияния на формирование творческих и культурных взаимосвязей внутри профессиональных цехов. В результате сделан вывод о значимости кластерного подхода при развитии современной культуры и искусства, а также высказана точка зрения, что арт-кластеры представляются одним из перспективных инструментов в формировании инновационной культурной политики России.

Ключевые слова: Арт-кластер, Таврида-арт, современная культура, искусство, изобразительное искусство, молодые художники.

Для цитирования: Нетреба Е. С. Значение арт-кластеров в формировании молодых художников (на примере кластера «Таврида») // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. №3 (107). С. 77-84. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-3107-77-84>

THE IMPORTANCE OF ART CLUSTERS IN THE FORMATION OF YOUNG ARTISTS (ON THE EXAMPLE OF THE TAVRIDA CLUSTER)

Elizaveta S. Netreba

Chelyabinsk State Institute of Culture, Ural State University of Architecture and Art, Russia
e-mail: elizabeth.netreba@gmail.com

НЕТРЕБА ЕЛИЗАВЕТА СЕРГЕЕВНА – аспирант, доцент, Челябинский государственный институт культуры, Уральский государственный архитектурно-художественный университет

NETREBA ELIZAVETA SERGEEVNA – post-graduate student, associate professor, «Ural State University of Architecture and Art»

© Нетреба Е.С., 2022

Abstract: The purpose of the study is to define the phenomenon of “art cluster” within the framework of contemporary Russian art and its influence on the formation of young cultural figures. The article reveals the concept of art clusters through considering the terminology and approaches to the study of this phenomenon of the creative industry, analyzes the influence of creative associations on the development of modern culture and art, determines the functionality of which creative clusters are endowed, identifies features that allow attributing the activity of a creative association to an art cluster. In the author’s sphere of interest are the processes taking place in the field of fine arts, and as the most dynamically developing cluster, “Art-cluster “Tavrida”” was chosen to illustrate an example. The scientific novelty of the research lies in the consideration of art clusters from the standpoint of their influence on the formation of creative and cultural relationships within professional workshops. As a result, a conclusion was made about the importance of the cluster approach in the development of modern culture and art, as well as the point of view was expressed that art clusters are one of the most promising tools in the formation of innovative cultural policy in Russia.

Keywords: Art cluster, Tavrida art, contemporary culture, art, fine arts, young artists.

For citation: Neteba E.S. The importance of art clusters in the formation of young artists (on the example of the cluster “Tavrida”). *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2022, no. 3 (107), pp. 77-84. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-3107-77-84>

Сфера культуры переживает адаптацию к новым реалиям, зачастую нуждается в новых формах и имидже. Одним из путей приспособления к существующим условиям становится образование творческих кластеров. В современной науке проблематика арт-кластеров рассматривается преимущественно с точки зрения или архитектурной трансформации промышленных объектов городской среды, или же с позиции экономического влияния на развитие культуры. При этом лишь косвенно ученые касаются того, как арт-пространства влияют на формирование творческих и культурных взаимосвязей внутри профессиональных цехов, на развитие современного изобразительного искусства. В условиях формирования новой культурной политики страны кадры и их коммуникации занимают одно из ключевых мест. Флорида Р. в своем труде «Креативный класс: Люди, которые меняют будущее» утверждает, что именно творческий человек будет сильнее всего влиять на формирование новой экономики, так как он способен приводить к совершенно новым и необычным решениям в ставящихся задачах [14]. Творческий кластер в условиях новой культуры становится местом креативных, свободно мыслящих, желающих развиваться людей, для которых зачастую рамки традиционных институций слишком узки.

Развитие арт-кластеров способствует выстраиванию диалога со зрителем, который в поле более свободного пространства легче взаимодействует с современным искусством и творцами. Но, пожалуй, самым важным в развивающейся сфере арт-кластеров является выстраивание свободных горизонтальных взаимоотношений между творцами, создание творческой, идейно богатой среды, способной взаимно обогащать всех ее участников.

Арт-кластеры ориентированы на синтез различных сфер творческой деятельности, на сосуществование, «междисциплинарность». Кластерный подход во многих сферах зарекомендовал себя положительно. Обращаясь к термину «кластер», мы видим его трактовку так: «группа географически соседствующих взаимосвязанных компаний и связанных с ними организаций, действующих в определенной сфере и дополняющих друг друга» [11, с. 258]. Такое определение впервые дает М. Портер в работе «Конкуренция».

Большой вклад в разработку концепций «творческого кластера» внес куратор программы ЮНЕСКО «Creativcities» С. Эванс, он же сформулировал его определение: «сообщество творчески-ориентированных предпринимателей, которые взаимодействуют на замкнутой территории».

Опыт развития арт-кластеров – как в мировой практике, так и в России – довольно обширен. Первые творческие кластеры появляются в 1950-х годах в Нью-Йорке, располагались они на бывших промышленных площадках и серьезно повлияли на развитие искусства. С 1990-х годов на западе начинается осознание значимости креативных пространств для экономики. Как отмечает Т. Н. Сумина, «в основе современной жизнедеятельности может и должно находиться творчество/креативность как уникальный ключ к конкурентоспособности и росту производительности» [12]. Именно этим обуславливается все более разрастающийся интерес к арт-индустрии и, в частности, к арт-кластерам.

В России арт-кластеры развиваются примерно со второй половины 2000-х годов. Наибольшее количество располагается в Москве и Санкт-Петербурге: Центр Дизайна «ARTPLAY», «Этажи», культурный центр «АРТ-Стрелка», «Винзавод», проект «ФабРика», дизайн-завод «Флакон», «Гаражи», «Новая Голландия», «Ткачи» и др. Данные инициативы преимущественно возникли на идейной и коммерческой основе. Но существуют арт-кластеры, реализующие государственные программы по развитию и поддержке искусства. Самым крупным на территории нашей страны является арт-кластер «Таврида». И именно благодаря появившимся творческим кластерам с господдержкой определение, выдвинутое С. Эвансом, требует актуализации. Теперь более точным выглядит определение, сформулированное Е. Р. Хакимовой: «Арт-кластеры – это объединение на определенной территории носителей творческой или интеллектуальной новации, способной приобретать условно вещественную форму. При этом форма является условно вещественной, так как новация возможна на уровне идей и материализация ее не всегда обязательна» [15]. Именно такой, расширенный, подход позволяет отнести «Тавриду» к творческим кластерам, так как рассматривает эту форму творческих объединений, в первую очередь, с точки зрения

образуемых арт-коллабораций, а не только с позиции развития пространства и экономической привлекательности.

На основании выбранной позиции определения термина «арт-кластер» видится возможным сформулировать следующие функции креативных кластеров.

Во-первых, *генерирующая* функция или процесс генерации творческих открытий и создания новых произведений в рамках современного искусства.

Во-вторых, *коммуникативная (социализирующая)* функция или процесс выстраивания горизонтальных и вертикальных связей для широкого круга носителей творческих и интеллектуальных новаций.

В-третьих, *трансформационная* функция, предполагающая преобразование креативных знаний в новые объекты и проекты. Развитие этой функции связано с расширением сферы деятельности специалистов креативной индустрии, готовых работать в различных секторах, в области коммерциализации и тиражирования отраслевых новшеств, а также – в преобразовании и развитии территории, на которой располагается арт-кластер.

В-четвертых, собственно *коммерциализирующая* функция, осуществляемая в ходе деятельности арт-центров через взаимодействие с предпринимателями и представителями общества, являющимися потребителями арт-индустрии, а также – в результате грантовой поддержки. В большинстве своем арт-кластеры имеют обособленную позицию и развиваются за счет коммерциализации своего труда, сдачи-съема пространства арт-кластера в аренду, бизнес партнерства внутри.

В-пятых, *творческая* функция, позволяющая молодым творцам создавать или формулировать творческие новации.

В-шестых, *образовательная* функция, и в-седьмых, – *воспитательная*.

Также, помимо функций, можно выделить черты арт-кластеров; к ним можно отнести пространственную расположенность, повышенный экономический и инновационный потенциал. Все эти черты и функции в значи-

тельной степени присуще всем арт-кластерам, но сочетаются в разных пропорциях.

Появление арт-кластера «Таврида» в Крыму обусловлено функциями генерирующей, творческой, образовательной, социализирующей, воспитательной, трансформационной. Арт-кластер «Таврида» вырос из одноименного творческо-образовательного форума, и в определенной степени эти функции остаются пока первостепенными. Интерес к нему обуславливается по ряду причин: во-первых, на сегодняшний момент он является крупнейшим креативным молодежным объединением на территории России; во-вторых, «Таврида» осваивает и выстраивает новую инфраструктуру вокруг себя, а не адаптирует производственные площади, является катализатором развития территории Крыма; в-третьих, этот арт-кластер довольно молодой и динамичный, активно развивающийся; в-четвертых, он настроен, в первую очередь, на формирование некоммерческих связей, так как имеет государственную поддержку; в-пятых, и, пожалуй, это основное: арт-кластер «Таврида» видится инструментом, способным объединить и развить современные молодежные культурные инициативы. Этот арт-кластер выстраивает крепкие горизонтальные связи внутри молодых творческих элит, предлагает социальные лифты для носителей творческих новаций вне зависимости от места формирования и проживания. То есть, молодые люди получают возможность быть замеченными и успешно реализованными на равных условиях. «Таврида» становится инструментом в руках государства для создания и возвращения молодой творческой элиты. Теперь творческие организации в лице арт-кластера «Таврида» переходят от пассивной, обособленной позиции к роли полноправного партнера государственных институтов, и заинтересованно в этом само государство.

Арт-кластер «Таврида» формируется по настоящий момент, это очень гибкий проект. История его образования начинается в 2014 году, когда был проведен первый культурно-образовательный форум «Таврида»

в Крыму. В 2019 году он заявляет о себе уже как арт-кластер с претенциозными проектами, одним из которых является формирование творческого института, вобравшего в себя все виды современной творческой деятельности.

Одной из немаловажных задач, стоящих перед «Тавридой», становится развитие территории Крыма. Ч. Лендри, рассматривая роль деятелей организаций творческих индустрий, как раз останавливает свое внимание на том, что они должны вносить значимый вклад в развитие территории. Он предполагает, что это должно быть достигнуто в результате формирования не только интеллектуального и творческого насыщения, но и за счет экономической эффективности. Начиная с 2019 года, с момента получения статуса арт-кластера, «Таврида» вышла за рамки образовательного форума, начала развивать территорию, формируя арт-парк «Таврида», одноименный фестиваль «Таврида – АРТ». В 2021 году запущены круглогодичные резиденции «Арт-резиденция «Таврида». Все это формирует экономически выгодную и привлекательную для туристов среду вокруг него.

Арт-кластер «Таврида» входит в федеральный проект «Социальная активность» национального проекта «Образование» при поддержке Федерального агентства по делам молодежи. Он является платформой возможностей, помогающей молодым людям реализовать свой профессиональный потенциал в креативных индустриях и отраслях культуры и искусства [10]. Изначально проект «Таврида» являлся образовательным форумом, но уже и на тот момент виделся как сильнейший инструмент выстраивания горизонтальных связей. Неформальные творческие отношения, сформированные в ходе пребывания участников на сменах, объединяют творцов со всей страны. Они позволяют генерировать идеи, создавать команды для их воплощения. Главным достижением творческих кластеров можно считать рождение различных коллабораций, появление которых очень часто было бы невозможным вне пространства арт-кластера. Обусловлено это,

прежде всего, соседством разных творческих личностей в довольно замкнутой системе – вне зависимости от того, насколько долгосрочно то или иное объединение. Например, если мы обратим внимание на смены всероссийского образовательного форума «Таврида», проходящего в рамках одноименного арт-кластера, то увидим, что, наиболее эффективными показали себя смены, объединившие в себе разнонаправленных творческих личностей. Объединенные смены, как в 2016, 2017 году, были признаны самими участниками наиболее комфортными и по межличностному общению внутри малых групп, и по продолжению коммуницирования вне образовательного форума. Также участниками отмечался широкий взгляд и нестандартные ракурсы на обсуждаемые творческие проблемы. Созданные таким образом отношения способствуют развитию искусства на территории всей России, а не сосредоточению ее в отдельно взятых регионах. Также огромным плюсом формирующихся горизонтальных связей является социализация творцов. Благодаря арт-кластерам в творчестве решается проблема «витающего в облаках» художника через придание ему практичности [5. с. 86].

«Таврида» способствует выстраиванию не только горизонтальных взаимоотношений, но и формированию социальных лифтов. Немаловажную роль играет наличие грантовой программы осуществляемой при поддержке государства. При работе с грантами молодые люди решают остросоциальные проблемы при помощи креативного подхода. Именно такой подход вписывается в концепцию четвертого экономического уклада – креативной экономики. Согласно теории Е. В. Зеленцовой, креативные индустрии имеют несколько периодов их формирования и становления, и четвертым периодом является как раз «широкое распространение и внедрение идей креативности, как основного «двигателя» общественного развития, сопровождающееся бурным развитием креативных индустрий в целом ряде стран» [5.с. 86] – то, что наблюдается в настоящий момент.

Еще одним инструментом социального лифта, действующего на «Тавриде», являются передача знаний и вычленение наиболее одаренных творцов. На образовательных сменах форума дается достаточно большой объем информации и предлагаются инструменты для ее дальнейшего самостоятельного получения, а также раскрываются горизонты развития для молодых творцов. Разнообразие приглашенных лекторов способствует рассмотрению и освещению актуальных вопросов с различных точек зрения. Наиболее перспективные, развивающиеся творцы имеют возможность быть замеченными профессиональным сообществом и быть поднятыми на ряд ступеней для реализации потенциала. Так, по завершении образовательных смен ряду участников предлагается продолжить работу на академических творческих дачах, если мы рассматриваем смены, связанные с изобразительным искусством. В региональных профессиональных организациях (региональные отделения союза художников России) рекомендуется дальнейшее курирование выделенных творцов, в частности, в сфере участия в выставках, получения творческих мастерских, творческое наставничество. Оказывается содействие и выстраивание связей с галереями, кураторами, привлечение к коммерческим проектам.

Еще немаловажным фактором является не только передача знаний, но и подготовка смены в профессиональной деятельности. Так, некоторые участники первых смен образовательного форума «Таврида» приглашаются уже в качестве экспертов на «Арт-кластер «Таврида»».

Все перечисленные мероприятия способствуют формированию единой сети молодых творцов, знакомых друг с другом, имеющих равные знания и возможности и влияющих на развитие искусства на территории всей страны, а не в отдельно взятых крупных агломерациях.

В результате исследования автор приходит к выводу, что концепции и эффекты, полученные в ходе деятельности креативных

кластеров, внедряются в смежные сферы. Происходит стремительное омоложение креативной сферы. Арт-кластеры в значительной степени нацелены на молодых и мобильных творцов, готовых к экспериментам.

Главный вывод, который можно сделать, заключается в том, что кластерный подход – один из перспективных способов развития современной культуры и искусства и один из перспективных инструментов в формировании инновационной культурной политики России.

Обращаясь к разработанности научной проблемы, мы видим, что основное внимание уделяется экономическому и индустриальному влиянию арт-кластеров, на развитие терри-

тории их базирования, а сфера межличностных коммуникаций творцов, находящихся внутри арт-кластера, влияние деятельности кластера на формирование личности и раскрытия ее творческого потенциала практически не рассматривается. Из этого следует, что именно эти вопросы в дальнейшем могут (и должны) лечь в основу изучения арт-кластеров, чтобы дополнить портрет явления «арт-кластер», составить его всеобъемлющую характеристику. Данная проблема видится актуальной в связи со стремительным вхождением в новый «креативный» экономический уклад и может послужить хорошей отправной точкой для обсуждения и дальнейших исследований.

Список литературы

1. *Алексеев-Апраксин М. А.* Проблема культурного статуса современного искусства // *Фундаментальные проблемы культурологии*. Т. 5 2009. С. 501–502.
2. *Андреева Ю. А.* Арт-кластер как феномен культуры современного мегаполиса // *Художественная культура и трансформация индустриального менталитета в условиях моногорода*. Сборник научных трудов Всероссийской научной конференции. К 85-летию МГТУ им. Г. И. Носова. 2019. С. 87–92.
3. *Антонова А. А.* Арт-кластеры как пространство для развития культурного потенциала города // *В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии*. 2015. № 4 (47). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/art-klastery-kak-prostranstvo-dlya-razvitiya-kulturnogo-potentsiala-goroda>
4. *Гордин В. Э., Кузьмина К. А., Никольская М. В.* Анализ образовательного потенциала креативных пространств. // *Международный журнал исследований культуры*. 2017. № 1 (26). С. 89–101.
5. *Зеленцова Е. В.* Становление и развитие креативных индустрий в современной культуре: анализ зарубежного опыта [Электронный ресурс] // *Автореферат диссертации кандидата культурологии*. 2008. 27 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/stanovlenie-i-razvitie-kreativnykh-industrii-v-sovremennoy-kulture-analiz-zarubezhnogo-opyta>
6. *Казакова К. И.* Арт-кластер как инструмент продвижения современного искусства // *Традиции и новации в гуманитарном и социально-экономическом исследовании: проблемы, методы, практики*. Материалы Всероссийской научной конференции студентов-стипендиатов Оксфордского Российского Фонда. Министерство образования и науки Российской Федерации, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; Оксфордский Российский Фонд. 2017. С. 77–79.
7. *Метлина В. В.* Творческие кластеры в России // *Искусствоведение и дизайн в современном мире: традиции и перспективы*. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых. 2016. С. 262–268.
8. *Мецкер Н. В., Кибардин А. А.* Фестиваль «таврида-арт» как площадка для реализации творческого потенциала молодежи // *Тенденции развития науки и образования*. 2020. № 61–7. С. 9–14.
9. *Новикова А.* Полное погружение: арт-резиденции для художников и архитекторов [Электронный ресурс]: URL: <http://neft.Media/strelka/polnoe-pogrujenie-art-rezidentsii-dlya-hudojnikov-i-arhitektorov>

10. Положение о фестивале творческих сообществ «Таврида-АРТ»: Судак, 2019. 22 с.
11. *Портер М.* Конкуренция. Киев: Издательский дом «Вильямс». 2005. 610 с.
12. *Суминова Т. Н.* Творческие/креативные индустрии как вариант модернизации сферы культуры и искусства // Вестник МГУКИ. 2012. № 3 (47). [Электронный ресурс]: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tvorcheskie-kreativnye-industrii-kak-variant-modernizatsii-sfery-kultury-i-iskusstva>
13. *Тимкова Л. М.* «Таврида-АРТ»: дом для творцов // Вестник Дальневосточной государственной научной библиотеки. 2019. № 3 (84). С. 87–94.
14. *Флорида Р.* Креативный класс: люди, которые меняют будущее // The Rise of The Creative Class and How It's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life. Классика-XXI, 2005. 430 с
15. *Хакимова Е. Р.* Креативный кластер в концепции инновационной системы // Теория и практика общественного развития. 2013. № 2. [Электронный ресурс]: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kreativnyy-klaster-v-kontseptsii-innovatsionnoy-sistemy>.

References

1. Alekseev-Apraksin M. A. The problem of the cultural status of contemporary art // Fundamental problems of cultural studies. T. 5 2009. S. 501–502. (In Russ.)
2. Andreeva Yu. A. Art Cluster as a Cultural Phenomenon of a Modern Megapolis // Artistic Culture and Transformation of the Industrial Mentality in the Conditions of a Single City. Collection of scientific works of the All-Russian scientific conference. To the 85th anniversary of MSTU. G. I. Nosova. 2019. pp. 87–92. (In Russ.)
3. Antonova A. A. Art clusters as a space for the development of the cultural potential of the city // In the world of science and art: questions of philology, art criticism and cultural studies. 2015. No. 4 (47). [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/art-klastery-kak-prostranstvo-dlya-razvitiya-kulturnogo-potentsiala-goroda> (In Russ.)
4. Gordin V. E., Kuzmina K. A., Nikolskaya M. V. Analysis of the educational potential of creative spaces. // International Journal of Cultural Studies. 2017. No. 1 (26). pp. 89–101. (In Russ.)
5. Zelentsova E. V. Formation and development of creative industries in modern culture: analysis of foreign experience [Electronic resource] // Abstract of the dissertation of the candidate of cultural studies. 2008. 27 p. URL: <https://www.disserscat.com/content/stanovlenie-i-razvitie-kreativnykh-industrii-v-sovremennoi-kulture-analiz-zarubezhnogo-opyta> (In Russ.)
6. Kazakova K. I. Art cluster as a tool for promoting contemporary art // Traditions and innovations in humanitarian and socio-economic research: problems, methods, practices. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference of Students-Fellows of the Oxford Russian Foundation. Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin; Oxford Russian Foundation. 2017. S. 77–79. (In Russ.)
7. Metlina V. V. Creative clusters in Russia // Art History and Design in the Modern World: Traditions and Perspectives. Collection of materials of the All-Russian scientific-practical conference of young scientists. 2016. S. 262–268. (In Russ.)
8. Metzker N. V., Kibardin A. A. Festival “Tavrida-art” as a platform for the realization of the creative potential of youth // Trends in the development of science and education. 2020. No. 61–7. pp. 9–14. (In Russ.)
9. Novikova A. Full immersion: art residences for artists and architects [Electronic resource]: URL: <http://neft.Media/strelka/fullnoe-pogrujenie-art-rezidentsii-dlya-hudojnikov-i-arhitektorov> (In Russ.)
10. Regulations on the festival of creative communities “Tavrida-ART”: Судак, 2019. 22 p. (In Russ.)
11. Porter M. Competition. Kyiv: Williams Publishing House. 2005. 610 p. (In Russ.)
12. Suminova T. N. Creative/creative industries as an option for the modernization of the sphere of culture and art. Vestnik MGUKI. 2012. No. 3 (47). [Electronic resource]: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/>

- tvorcheskie-kreativnye-industrii-kak-variant-modernizatsii-sfery-kultury-i-iskusstva (In Russ.)
13. Timkova L. M. “Tavrida-ART”: a home for creators // Bulletin of the Far Eastern State Scientific Library. 2019. No. 3 (84). pp. 87–94. (In Russ.)
 14. Florida R. Creative class: people who change the future // The Rise of The Creative Class and How It’s Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life. Classics-XXI, 2005. 430 p. (In Russ.)
 15. Khakimova E. R. Creative cluster in the concept of innovation system // Theory and practice of social development. 2013. No. 2. [Electronic resource]: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kreativnyy-klaster-v-kontseptsii-innovatsionnoy-sistemy> (In Russ.)

*

Поступила в редакцию 15.06.2022

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРИНЦИПЫ ПРОЕКТИРОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОЛОЖЕНИЙ ВИКТОРА ПАПАНЕКА

УДК 7.05 :7.012 : 658.512.2

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-3107-85-92>

И. И. Крысенко

Московский государственный институт культуры, Химки, Московская область, Российская Федерация

e-mail: Londonstreet96@gmail.com

Аннотация: В статье рассматриваются подходы дизайн-проектирования и предпроектного анализа, сформулированные в теоретических трудах Виктора Папанека: «шестичастный функциональный комплекс», «триада ограничений», «пять принципов проектирования»; дается характеристика их социокультурной ценности. Освещается вопрос реальной общественной значимости дизайн-объекта, а также – поиска баланса между его функциональной и эстетической составляющей. Анализируется роль и место принципов проектирования Папанека в контексте процессов глобальной трансформации дизайн-деятельности XXI века. Выявляется соответствие установок Папанека современному уровню информационно-технологической и социокультурной развитости общества, а также – применимость идей исследователя в виртуальном пространстве. Актуализируется значение коммуникативных навыков, разносторонней подготовки и критического мышления среди современных проектировщиков предметно-пространственной среды. Разбираются вопросы ответственного подхода к проектированию как на уровне «музейного дизайна», так и в пространстве быденных, привычных вещей.

Ключевые слова: культура, ответственный дизайн, экологическое проектирование, дизайн виртуальной среды.

Для цитирования: Крысенко И.И. Социокультурные принципы проектирования в контексте теоретических положений Виктора Папанека // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. №3 (107). С. 85-92. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-3107-85-92>

SOCIOCULTURAL DESIGN PRINCIPLES IN THE CONTEXT OF VICTOR PAPANEK'S THEORETICAL POSITIONS

Ilya I. Krysenko

Moscow State Institute of Culture, Khimki, Moscow region, Russian Federation

e-mail: Londonstreet96@gmail.com

КРЫСЕНКО ИЛЬЯ ИГОРЕВИЧ – аспирант кафедры культурологии Московского государственного института культуры, Химки, Московская область, Российская Федерация

KRYSENKO ILYA IGOREVICH – Postgraduate student at Moscow State Institute of Culture, Khimki, Moscow region, Russian Federation

© Крысенко И.И., 2022

Abstract: The article deals with the approaches of design-design and pre-project analysis formulated in the theoretical works of Victor Papanek: “six-part functional complex”, “triad of limitations”, “five principles of design”, and characterizes their socio-cultural value. The question of real social significance of the design object and the search for a balance between its functional and aesthetic components is highlighted. Analyzes the role and place of design principles of Papanek in the context of global transformation processes of design activity in the XXI century. The paper reveals how Papanek’s principles correspond to the contemporary level of informational and technological, social and cultural development of society, as well as the applicability of the researcher’s ideas in virtual space. The significance of communication skills, versatile training and critical thinking among contemporary designers of spatial environments are highlighted. The issues of responsible design both at the level of “museum design” and in the space of everyday, familiar things are discussed.

Keywords: culture, responsible design, ecological design, virtual environment design.

For citation: Krysenko I.I. Sociocultural design principles in the context of Victor Papanek’s theoretical positions. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2022, no. 3 (107), pp. 85-92. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-3107-85-92>

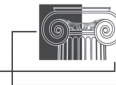
Глобализационные процессы и развитие информационных технологий в XXI веке выводят на новый уровень возможности художественно-проектной деятельности. Параллельно с этим дизайнеры сталкиваются со спектром проблем, которые не вписываются в привычную отработанную методологию. Можно с уверенностью утверждать, что сегодня важнейшими направлениями в теоретическом осмыслении деятельности дизайнеров являются социокультурные, этические, экологические и гуманистические идеи проектирования. Но несмотря на достаточную проработанность данной проблематики, принципы дизайна, развиваемые Виктором Папанеком во второй половине XX века, не теряют своей актуальности и соответствуют сегодняшним реалиям. В данной статье мы рассматриваем принципы проектирования, предлагаемые Виктором Папанеком, с точки зрения дизайнерской деятельности в XXI веке.

Виктор Папанек (1923–1998) – один из влиятельных философов дизайна XX века, преподаватель, антрополог, который впервые заговорил об ответственном дизайне и экологическом проектировании и на практике отработывал теоретические идеи. Этот исследователь интересовался не только дизайном, но и семантикой языка, что отразилось на его собственной письменной речи: самая значительная его книга «Дизайн для реального

мира» написана без лишних грамматических сложностей, повествование ведется просто и доступно. Указанная книга, впервые изданная в 1971 году, переведена на множество языков и, спустя более полувека, пользуется спросом и переиздается.

Неутихающий интерес к деятельности исследователя подтверждает и фонд В. Папанека в Вене, которым была организована крупная передвижная выставка «Victor Papanek: The Politics of Design» в сотрудничестве с музеем Vitra с 2019 по 2021 год. Помимо большого количества работ и архивных записей Виктора Папанека выставка дополнялась двадцатью работами современных авторов со всего мира, переосмысливающих идеи Папанека в контексте XXI века, среди которых Кэтрин Сара Янг, Джим Чучу, Томас Сарацено, бразильский коллектив Flui Coletivo, Forensic Architecture, Faber Futures и другие. Перечисленных авторов интересуют проблемы, схожие с теми, что поднимались Папанеком, начиная с 1960-х годов: глобальные климатические изменения, нуждающиеся в поддержке социальные группы, биосинтетика, потребительское поведение, экономическая миграция [8].

Для привлечения большего внимания к освещаемым темам Папанек нарочито гиперболизирует некоторые тезисы: «Конечно, существуют и более вредные профессии, нежели промышленный дизайн...» [5, с. 19],

«Сегодня с помощью промышленного дизайна убийство запущено в серийное производство» [5, с. 19], «Один из возможных вариантов будущего – чрезмерно технологизированное, стерильное и бессердечное общество; другой – мир, задыхающийся от загрязняющих веществ, нависших над нами, словно зонтик серовато-коричневого цвета» [5, с. 60]. Однако при должном анализе раскрывается фундаментальная значимость этих высказываний автора.

Известная фраза Виктора Папанека о том, что «все люди – дизайнеры» [5, с. 35] объясняется определением «дизайн – это сознательные и интуитивные усилия по созданию значимого порядка» [5, с. 35]. В данной дефиниции не берется в расчет специальная художественно-техническая подготовка профессионалов, но говорится о самой сути дизайна как явления. Дизайн как вещь-в-себе не имеет смысла, но полезный проектный замысел и путь к его воплощению – вот что, в понимании Папанека, представляет собой аутентичная дизайнерская практика. Помимо рациональной части деятельности, дизайну присуща и чувственная составляющая, трудно поддающаяся логичному объяснению, состоящая из накопленного нами опыта, эмоций и впечатлений, которые аккумулируются на «подсознательном, бессознательном или предсознательном уровне» [5, с. 36]. Как отмечает В. Малютин, «дизайн у Папанека отличается от академического дизайна, отличается он и от дизайна на практике, он приобретает значение процесса созидания во многих областях» [4, с. 1]. Человек инстинктивно черпает импрессию из природы. Например, из математической пропорциональности роста растений и устройства человеческого тела было выведено золотое сечение, которое применялось еще в Древнем Египте и Вавилоне (вероятнее всего, интуитивно) и по сей день остается эталоном пропорций в художественно-проектном творчестве.

В дополнение хочется отметить, что, как отмечает художник-проектировщик Владислав Козловский, в современном дизайне

существует объемный этап предпроектного исследования [3]. В предпроектный этап включаются специалисты из различных областей науки и техники. Участие в команде так или иначе приобщает этих людей к дизайну, так что фразу «все люди дизайнеры» можно понимать и с точки зрения профессионального контекста.

Важным умением промышленного дизайнера, которое отмечает Виктор Папанек, являются коммуникативные навыки в связке с разносторонней подготовкой. Исходя из собственной практики проектирования жилых интерьеров, мы отметим, что в современной дизайн-индустрии этот аспект остается одним из важнейших для дизайнера: необходимо уметь сплотить между собой большое количество людей и понимать их специфический профессиональный язык – будь то инженер по вентиляции, строитель, или специалист по напольным покрытиям.

Для проверки проектных идей еще на стадии их формирования Виктор Папанек предлагает шестичастный функциональный комплекс, в который входят следующие аспекты: **Метод, Использование, Потребность, Телезис, Ассоциации, Эстетика** [5]. Рассмотрим каждую составляющую этой концепции, обращаясь к современным реалиям.

Метод – это взаимодействие инструментов, процессов и технологий. Добросовестным можно назвать тот метод проектирования, в котором используются материалы без стремления выдать их за то, чем они не являются [5]. Не нужно имитировать металлической балкой деревянный брус или пластиковой бутылкой стеклянную: необходимо выделять сильные стороны используемого материала, а не маскировать недостатки. Безусловно, этот аспект проектирования имеет силу и сегодня, однако технологический прогресс расширяет его рамки. Искусственные синтетические материалы, изначально созданные для имитации (ламинат, кварцито-винил, искусственный камень) вписываются в аспект добросовестности проектировщика, так как зачастую превосходят натуральные материалы по ряду

параметров, а экологические стандарты на фабриках позволяют минимизировать вред, наносимый окружающей среде. Так же, в контексте добросовестного метода проектирования, стоит рассмотреть особенности проектирования в виртуальной среде. Польский художник Марцин Виха отмечает, что в компьютерах и смартфонах интерфейс преимущественно представляет собой скевоморфизм (подражание существующим физическим объектам в технологической среде) [2]. Виртуальные конверты для обозначения электронных писем, папки для хранения документов, кисти, печати, мусорные корзины, перекочевавшие на экраны, созданы дизайнерами для того, чтобы сделать технологичную среду более доступной и дружелюбной. Подражание и имитация допустимы в дизайне XXI века, однако если они обоснованы гуманистически и/или утилитарно и не противоречат добросовестности метода проектирования.

Использование. Перед тем, как приступить к проектированию, дизайнер должен ответить на вопрос: «Функционально ли это?» [5]. Данный аспект по-прежнему остается фундаментальным и неоспоримым для теории и практики дизайна. При проектировании нового объекта приоритет должна иметь практическая польза; «стайлинг» и «украшательство», дизайн-ради-дизайна допустимы только на ранних курсах обучения в качестве упражнений. Однако это не значит, что конечный дизайн-объект не должен быть визуально приятным и гармоничным по форме. Более подробно вопрос эстетики мы рассмотрим ниже.

Потребность. Следующий вопрос, который должен поставить перед собой дизайнер, «нужно ли это кому-либо?». «Удовлетворить экономические, психологические, духовные, социальные, технологические и интеллектуальные запросы человека обычно сложнее и не так выгодно, как тщательно спланированные и поддающиеся манипуляции «желания», насаждаемые обычаем и модой» [5, с. 47]. По сей день существует проблема подмены реальной необходимости маркетинговыми

приемами для увеличения продаж. За последние полвека рекламные уловки развивались параллельно с повесткой осознанного потребления. С одной стороны, современная мода на экологичное потребление и устойчивое развитие является положительным трендом, с другой – дает большой простор для маркетинговых ловушек. Не составляет труда заметить, что в 2022 году товары с маркировками «эко», «фермерский», «из переработанных материалов» имеют значительную наценку и человек, переживающий за окружающую среду, готов за это платить. Однако, как правило, эти товары не имеют реального отношения к решению глобальных экологических проблем. Но справедливо будет отметить, что тенденции рециклинга (от англ. «recycling») и ответственного потребления не просто входят в моду, а становятся частью образа жизни на уровне отдельной личности и формируют новую культуру потребления на уровне государства [6].

Другой серьезной темой, на которую обращает внимание Виктор Папанек, является то, что ускорившийся технологический процесс позволяет компаниям порождать явление искусственного технологического устаревания [5]. Данный процесс только усиливается на сегодняшний день. Высокотехнологичные товары подразумевают ограниченный срок службы, закладываемый на стадии проектирования: выпускать надежную вещь, которая прослужит многие годы, экономически не выгодно для производителя.

«Одноразовость» как положительное качество приобретаемых нами предметов формировалось в массовом западном сознании еще с 1970-х годов и подкреплялось маркетингом, рекламой и пропагандой. Вещи не принято чинить или восстанавливать, чаще их просто выбрасывают. Это касается не только одежды или мелкой бытовой техники, но крупной мебели и автомобилей [5]. Опасность этого явления заключается в уверенности человека в том, что все последующее будет лучше, технологически совершеннее и моднее. Привычка выбрасывать объекты

до выхода из строя может привести к обесцениванию даже межличностных отношений и потере морально-этических ориентиров: если всему можно найти лучшую замену, зачем сохранять и заботиться о существующем? Однако можно отметить позитивные сдвиги: если во времена Папанека только зарождались изменения в схеме «покупка – владение» и «прокат – пользование», и владение имело весомое значение [5], то на сегодняшний день все больше развивается явление «шеринга» (обмена), меняющее и принцип отношения к вещи. Все еще не выработана культура бережного обращения с прокатной вещью; данная проблематика не теряет актуальности и в новом тысячелетии, существует ряд препятствий, которые необходимо преодолеть, но у этого направления большие перспективы.

Еще одной из проблем проектирования в данном контексте Папанек называет поиск «новизны-ради-новизны», который активно применяется маркетологами по всему миру и порождает всё большие проблемы с перепроизводством. Вместо постоянного поиска чего-то нового в привычных устоявшихся вещах, дизайнер должен обращать внимание на проблемы реального мира и искать их решение. К вопросу о реальных потребностях общества обращается Марцин Виха. Иконический дизайн из дорогих магазинов и галерей он называет «гималайями дизайна», недостижимыми для массового потребителя. Однако реальный дизайн, в котором мы нуждаемся в нашей повседневной жизни, касается самых обычных, бытовых вещей: формуляры и бланки документов, дорожные знаки, навигация в общественных местах, лифты, входные группы и т. д. [2]. Отсюда мы можем сформулировать важный тезис: дизайн и по сей день остается символом дорогой и высокотехнологичной продукции, но окружающая нас в общественных местах среда тоже кем-то спроектирована, она не возникла сама по себе. Когда дизайн привязан к личности или конкретной компании, есть возможность понять, кто несет ответственность за проект. Безымянные проектировщики нашей повседневности на-

ходятся в тени, мы выражаем претензии собирательному образу власти. Исходя из этого мы приходим к выводу, что открытость информации и огласка конкретных проектных организаций и личностей, приложивших руку к дизайну «обычных», окружающих нас вещей, необходима, с одной стороны, для формирования сознательности горожан по отношению к общедоступной предметной среде, а, с другой стороны, – для осознания ответственности при проектировании этой среды у «общественных» дизайнеров.

Здесь мы хотим осветить еще один вопрос, которым необходимо озаботиться проектировщику: «А достоин ли этот объект того, чтобы его спроектировали?» [5], ведь именно дизайнер делает выбор – суждено ли той или иной задумке увидеть реализацию. Соответственно, дизайнер несет ответственность за ошибки проектирования, которые влекут за собой загрязнение окружающей среды, социокультурные и этические проблемы.

Телезис. «Содержание дизайна должно отражать время и условия, которые его породили, и соответствовать общечеловеческому социально-экономическому порядку, в котором оно будет действовать» [5, с. 49]. Этот важный принцип говорит об аутентичности дизайна и его согласованности с культурной парадигмой, актуальной здесь и сейчас. Таким образом, мода на ретро или увлечение колониальным стилем, по Папанеку, – это, с одной стороны, желание людей вернуть утраченные жизненные ценности и ориентиры, а с другой – результат глобализации и масштабного культурного обмена. В контексте данного подхода говорится о невозможности искусственного перемещения предметов, инструментов и артефактов из одной культуры в другую, так как при этом они теряют функциональность и семантическую наполненность. Однако при реальном диалоге и взаимопроникновении культур происходит взаимное обогащение и выработка новых ценностей. Телезисный подход в проектировании особенно актуален для современной России и может способствовать укреплению культурного кода, станов-

лению национальной идеи и формированию реального, а не формального, патриотизма.

Ассоциации напрямую связаны с психикой человека, как правило, хранятся в самых ранних воспоминаниях детства и пробуждают у нас приятие или сопротивление тем или иным ценностям [5]. Ассоциативный аспект является базовым для практики дизайна и преподается в большинстве образовательных художественно-проектных программ. Это один из мощнейших приемов для управления массовым сознанием. Ассоциативность в руках маркетологов – это опасный инструмент. С помощью рекламных приемов формируется ассоциация бренда с престижем или сексуальностью; или наоборот: легко уничтожается успешный бизнес, если запустить в информационное поле антирекламную кампанию, которая закрепит негативные ассоциации. Стоит отметить, что существуют ассоциации разных уровней восприятия, из которых можно условно выделить три: общемировые (характерные для большинства людей), региональные (территориальное нахождение человека), и личные (собственный накопленный опыт индивида). В современном мире любой дизайнер должен проверять свой продукт на ассоциативное соответствие этике, безопасности, экологичности и другим аспектам в зависимости от целевой аудитории и культурного поля.

Эстетика – это «инструмент, помогающий создать из форм и красок реально существующие объекты, которые воздействуют на нас, нравятся нам, кажутся прекрасными, волнующими, привлекательными, значительными» [5, с. 54]. К сожалению, данный элемент функционального комплекса проектирования Папанека недостаточно теоретически осмыслен. В книге «Дизайн для реального мира» говорится о том, что эстетика – не отвлеченный феномен, окруженный завесой тайны и доступный только привилегированному меньшинству, а внутреннее мерило каждого человека или группы людей, которыми дается оценка на бытовом уровне: «нравится» или «не нравится», и обычно ограничиваются этим

[5]. Нам бы хотелось конкретизировать данный раздел согласно современным социокультурным исследованиям. Для этого обратимся к работе Т. Ю. Быстровой «Вещь, форма, стиль: Введение в философию дизайна». Эстетика в дизайне трактуется Татьяной Юрьевной как один из инструментов, направленных на формирование отношений человек/объект, приводящих «к состоянию духовной гармонии и свободы в противовес узкопрагматическому утилитарному отношению...» [1, с. 96]. Отмечается, что эстетический взгляд на вещи отвлечен от прагматического отношения и чаще всего возникает, когда первичные утилитарные потребности удовлетворены. «Эстетическое представляет собой не преодоление практического, а отказ от его тотальности». Деятельность дизайнера содержит в своей основе ориентацию на формирование гармонии в материальной действительности [1].

В продолжение мысли о необходимости эстетической составляющей в дизайне можно привести рассуждения Виктора Папанека о функционализме: «Концепция, по которой все функциональное непременно красиво, служила неуклюжей отговоркой для стерильных, словно вынесенных из операционной, мебели и утвари двадцатых-тридцатых годов» [5, с. 38]. «Интернациональный стиль и Новая вещественность довольно сильно отдалили нас от общечеловеческих ценностей» [5, с. 38]. В качестве заключения автор говорит об искаженном понимании как эстетики, так и пользы среди дизайнеров-функционалистов [5]. Категоричность приведенных высказываний может натолкнуть на мысль, что автор вовсе отрицает и не принимает функционализм. Однако это не так. Виктор Папанек говорит о неприятии крайних проявлений этого стиля, который превращает дом в машину для жилья, а людей в винтики государственной машины. Функционализм критикуется и сегодня. Например, Марцин Виха пишет, что один из главных недостатков функционализма – это его честность: «Зачем заставлять людей смотреть на вещи, лишённые украшений, на шасси, арматуру, каркасы? Ведь мы и так

знаем, что они есть». [2, с. 81]. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что функционализм в чистом виде отталкивает людей стерильностью и техногенностью и устанавливает преграды в диалоге человек – объект. Он не позволяет сформироваться семиотическим связям, потому что не имеет культурной идентичности. Одна из задач дизайнера – найти баланс между эстетичностью и чисто утилитарной функциональностью проектируемого объекта.

Освещая принципы проектного анализа, выработанные Виктором Папанеком, необходимо обратиться к «**триаде ограничений**», разработанной совместно с доктором Робертом Линднером. Триада представляется как треугольник, внутри которого закован человек. Трём сторонам соответствует три ограничения: среда проживания, биологическое строение тела и смертность. Все усилия человечества, согласно этой концепции, направлены на устранение стен этой преграды. Триада ограничений, подобно шестичастному функциональному комплексу, служит для первичного отсека или принятия проектных идей [5].

Помимо шестичастного функционального комплекса и триады ограничений, Виктор Папанек выработал 5 принципов проектирования в дизайне: **максимальная полезность, дешевизна производства, изготовление в регионе конечного использования, максимальная простота конструкции, экономия ресурсов при изготовлении** [5]. Данные принципы коррелируются с функциональным комплексом и дополняют его. Ни один из пяти принципов не утратил своей актуальности и сегодня, од-

нако мы считаем необходимым дополнить положение о простоте конструкции. В связи с технологическим развитием электронных приборов видимая простота перемещается в виртуальную среду, а именно – в пользовательский интерфейс, который, по современным требованиям UI\UX дизайна, должен быть интуитивно понятен и дружелюбен.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что теоретические изыскания Виктора Папанека, хотя и изобилуют эксцентричными, гиперболическими заявлениями, полвека спустя остаются безошибочно дальновидными в своей идентификации культуры дизайна как недостаточно изученного механизма экологической и социокультурной деструктивности [7]. Одна из важнейших ролей Папанека заключается в его деятельности как теоретика и арбитра нового, критического понимания дизайна. Он читал лекции в мировых университетах, вдохновляя целые поколения студентов, и неустанно расширял социальное поле дискуссии о роли и возможностях дизайна. Оспаривая предполагаемую роль дизайнера как создателя легкомысленных сувениров в эпоху переизбытка, его идеи опирались на всеобъемлющую теорию о том, что дизайн является ключевым агентом социальных изменений, а не просто инструментом стилизации, эстетизации или движущей силой для увеличения потребления [7]. Принципы предпроектного анализа и формирования дизайн-идей, предлагаемые Виктором Папанеком, не потеряли своей актуальности в XXI веке, а, напротив, обрели более обширное социокультурное значение и находят практическое применение в новейших технологических разработках.

Список литературы

1. Быстрова Т. Вещь, форма, стиль: Введение в философию дизайна. Москва; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2018. 374 с., ил.
2. Виха М. Как я разлюбил дизайн [Пер. с польск. П.С.Козеренко и О.В.Чеховой.] Санкт-Петербург: Издательство Ивана Лимбаха, 2021. 304 с., ил.
3. Козловский В.Д. Психоаналитический метод Н. Ладовского в контексте наследия ВХУТЕМАСа – ВХУТЕИНа. Москва: Вестник Московского государственного университета культуры и искусств, 2016 № 2 (70). 85–89 с.

4. Мalyutin, A. N. V. Папанек и триада ограничений как инструмент оценки дизайна // Динамика систем, механизмов и машин. 2012. № 5. С. 270–276.
5. Папанек В. Дизайн для реального мира [пер. с англ. Г. Северской]. Москва: Д. Аронов, 2008. 414 с.
6. Рассоха А.В. Рециклинг: опыт зарубежных стран и России / Международный центр науки и образования, Universum: экономика и юриспруденция, 2017. № 6 (39). С. 3.
7. Claudia Mareis and Nina Paim (eds.) Design Struggles: Intersecting Histories, Pedagogies, and Perspectives / EU: Valiz, 2021. 411 p.
8. Victor Papanek: The Politics of Design / Victor Papanek Foundation [Электронный ресурс] URL:<https://papanek.org/exhibitions/the-politics-of-design/>

References

1. Bystrova T. Thing, Form, Style : Introduction to Design Philosophy / T. Bystrova. - Moscow ; Yekaterinburg / Cabinet Scientist, 2018. 374 p., ill. (In Russ.).
2. Wicha M. How I fell out of love with design / Marcin Wicha [Translated from Polish by P.S. Kozerenko and O.V. Chekhova.] / SPb. : Ivan Limbach Publishing House, 2021. 304 p., ill. (In Russ.).
3. Kozlovsky V. D. Psychoanalytic Method of N. Ladovsky in the Context of VHUTEMAS - VHUTEIN Legacy / Moscow: Bulletin of MSUKI 2016 2 (70). 85–89 p. (In Russ.).
4. Malyutin, A. N. V. Papanek and the Constraint Triad as a Tool for Design Evaluation / A. N. Malyutin / Dynamics of Systems, Mechanisms and Machines. 2012. № 5. P. 270–276 p.
5. Papanek V. Design for the real world / Victor Papanek ; [translated from English by G. Severskaya]. / Moscow: D. Aronov, 2008. 414 p. (In Russ.)
6. Rassokha, A.V. Recycling: experience of foreign countries and Russia / Ltd. “International Centre for Science and Education, Universum: Economics and Law 2017 6 (39). 3 p. (In Russ.)
7. Claudia Mareis and Nina Paim (eds.) Design Struggles: Intersecting Histories, Pedagogies, and Perspectives / EU: Valiz 2021 P. 411 p.
8. Victor Papanek: The Politics of Design / Victor Papanek Foundation [Electronic resource] URL:<https://papanek.org/exhibitions/the-politics-of-design/>

*

Поступила в редакцию 30.05.2022

Воспитание художественной выразительности на основе системы К.С. Станиславского

УДК 377, 378

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-3107-93-100>

М. В. Лаврик

Российский государственный социальный университет, г. Москва, Российская Федерация

e-mail: olavrik2@gmail.com

Аннотация: Система К. С. Станиславского обладает универсальными педагогическими и художественно-эстетическими принципами, позволяющими воспитать выразительность артиста-исполнителя практически в любой области творческой деятельности – ораторском, актерском, музыкальном, хореографическом, театральном и иных видах искусства, а ее внедрение в процесс подготовки музыкантов-исполнителей представляется не только перспективным, но и весьма актуальным в контексте идеи совершенствования профессионального образования в области музыкально-исполнительского искусства. Принципам данной системы и специфике ее применения в процессе подготовки музыкантов-исполнителей и посвящена статья.

Ключевые слова: система Станиславского, выразительность исполнения, музыкальное искусство, игра на инструментах, методика развития актерского мастерства.

Для цитирования: Лаврик М.В. Воспитание художественной выразительности на основе системы К.С. Станиславского // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. №3 (107). С. 93-100. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-3107-93-100>

EDUCATION OF ARTISTIC EXPRESSIVENESS BASED ON THE SYSTEM OF K.S. STANISLAVSKY

Mikhail V. Lavrik

Russian State Social University, Moscow, Russian Federation

e-mail: olavrik2@gmail.com

Abstract: The system of K.S. Stanislavsky has universal pedagogical and artistic and aesthetic principles that allow to educate the expressiveness of the artist-performer in almost any field of creative activity – oratory, acting, musical, choreographic, theatrical and other types of art, and its introduction into the process of training musicians-performers seems not only promising, but also very relevant in the context of the idea of improving professional education in the field of music and performing arts. The article is devoted to the principles of this system and the specifics of its application in the process of training musicians-performers.

ЛАВРИК МИХАИЛ ВЛАДИМИРОВИЧ – почетный работник сферы образования РФ, аспирант, Российский государственный социальный университет, г. Москва, 123060, Российская Федерация

LAVRIK MIKHAIL VLADIMIROVICH – Honorary Worker of Education of the Russian Federation; postgraduate student, Russian State Social University, Moscow 123060, Russian Federation

© Лаврик М.В., 2022

Keywords: Stanislavsky system, expressiveness of performance, musical art, playing instruments, technique of development of acting skills.

For citation: Lavrik M.V. Education of artistic expressiveness on the basis of the system of K.S. Stanislavsky. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2022, no. 3 (107), pp. 93-100. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-3107-93-100>

Любой вид искусства предполагает взаимодействие двух значимых сообществ: одно создаёт информационно-эмоциональную сферу, другое – её анализирует, воспринимает, формируя в своём сознании эмоциональный отклик. Воздействие данных сообществ друг на друга очень велико, но первичный импульс эмоционального состояния создаёт сценическое сообщество.

Каждый артист, ансамбль, оркестр стремится создать эмоциональный импульс, а затем развить и удержать это состояние на протяжении всего произведения и концерта в целом [2]. Способам и волевым действиям, которыми должен руководствоваться артист в своей ежедневной работе, посвящена знаменитая система К. С. Станиславского «Работа актёра над собой» [16; 17]. Система затрагивает эстетические, психологические, философские вопросы, но главное – позволяет воспитать художественную выразительность музыканта-исполнителя практически на любом этапе становления его профессионального мастерства. Принципам данной системы и специфике ее применения в процессе подготовки музыкантов-исполнителей и посвящена статья.

Методологической основой исследования послужили работы, посвященные педагогической системе К. С. Станиславского [3; 5; 6; 7; 8; 14; 15], выразительности в музыкальном исполнительстве [2; 4; 9; 13; 19], а также – подготовке актеров и исполнителей других видов искусства и культуры [10; 11; 12; 18; 20]. Использовались теоретические (исследование и обобщение научной литературы, изучение наследия К. С. Станиславского) и практические (педагогическое наблюдение, практика применения актерского тренинга Станиславского в процессе подготовки музыкантов-исполнителей) методы исследования.

Методику развития актёрского мастерства К. С. Станиславский подразделяет на два очень значимых, взаимосвязанных между собой, раздела: развитие элементов творческой деятельности и работа актёра над ролью.

1. Развитие элементов творческой деятельности

Как и драматическому артисту, так и исполнителю на любом музыкальном инструменте, необходимо личное психологическое воспитание, выражающееся в формировании внимания, волевых качеств, аналитического склада ума и всестороннего физического развития: «Люди не умеют пользоваться данным им природой физическим аппаратом. Мало того: они не умеют даже содержать его в порядке, не умеют развивать его» [17, с. 9].

Эмоциональная выразительность в музыкальном интонировании возможна только при условии управления всеми мышечными действиями, участвующими в исполнительском процессе. Как спортсмен не сможет выполнить красиво, с точки зрения зрительного восприятия, двигательных действий, так и исполнитель не будет способен выразить музыкальную образность произведения, не владея полным арсеналом управления мышечной двигательной системой, руководящей всем спектром музыкальных выразительных средств [19]. Неспособность в полной мере управлять одним из элементов исполнительского процесса влечёт за собой, как следствие, ущербную выразительность, проявляющуюся неполноценности музыкального образа и в отсутствии создания эмоционального воздействия на слушателя [3].

Развитие мышечных действий, в первую очередь, мелкой моторики, требует длительной и внимательной тренировки. Создание

нейронных связей, их «очищение», осознанное развитие и закрепление – очень длительный и трудоёмкий процесс. По мнению Станиславского, мышечные ощущения формируются посредством систематических упражнений, которые развивают чувство движения и пластику актёра, без которой невозможно выразить внутренние переживания героя.

Создавая систему ежедневных упражнений, направленную на развитие всех сторон исполнительского процесса и регулярно применяя её, исполнитель работает, как художник над этюдами в живописи, вглядываясь в микродетали предмета, переносимого на холст: «...Виртуоз и танцор месяцами долбят один и тот же пассаж или па, пока они однажды и навсегда не войдут в их мускулы, пока усваиваемое не превратится в простую механическую привычку» [17, с. 435].

Развитие элементов исполнительского процесса начинается буквально с первых шагов знакомства с музыкальным инструментом. Навык развития внимания, вслушивания буквально в каждый исполненный звук и осознанное управление дыханием, работой губного аппарата, языка, пальцевыми движениями, необходимо воспитывать у исполнителя с большой настойчивостью и систематичностью. Важнейшим условием исполнения различных упражнений, гамм, этюдов, художественных произведений являются чётко сформированные целевые установки в развитии и совершенствовании навыков [10].

Феруччо Бузони в свое время говорил: «Для технического совершенствования требуются в меньшей степени физические упражнения, а в гораздо большей – психически ясное представление о задаче...» [1, с. 5]. Необходимо обозначить ряд задач, которые исполнитель должен решать в процессе работы над развитием своего исполнительского мастерства [12]:

- А) осознание того, как исполнитель хочет воспроизвести звук и вслушивается в его воспроизведение;
- Б) анализ и достижение желаемого результата в соединении звуков;

- В) анализ фразеологического развития;
- Г) стремление к максимально выразительно-понятному выражению личностных музыкальных устремлений;
- Д) непримиримое отношение к неточности (совокупности средств) музыкальной выразительности;
- Е) пристальное внимание к выразительности динамического наполнения музыкального материала, доведённого (образно) до каждого слушателя;
- Ж) чёткое формулирование (конкретизация) технических проблем, возникающих в процессе исполнения.

Воспитание способности удерживать под контролем большое количество задач требует очень длительной и кропотливой работы. Но если данное качество выработано, у исполнителя возникает и закрепляется на постоянной основе логичная мысль: а как можно исполнять что-либо, не вслушиваясь в звучащий результат? Приобретение данного навыка позволяет музыканту во время публичного выступления минимизировать отвлечение внимания на технические проблемы, а основные свои действия и мысли направлять на достижение большей выразительности, образности звучания: «Когда ищешь, не следует сидеть у моря и ждать, что искомое придёт само собой, а надо упорно продолжать искать, искать и искать» [17, с. 62].

2. Работа актёра над ролью

Осознание постулата К. С. Станиславского «подсознательное – через сознательное» следует рассматривать как логичную последовательность развития исполнителя в любом виде искусства. Интерпретация музыкального произведения требует глубокого проникновения в авторский замысел, понимания смысла высказывания, осознания сущности художественного образа. Другими словами, в музыкальном тексте необходимо найти подтекст и узнать контекст, чему способствует опыт музыкально-творческой деятельности, пережитые эмоции, а также – основательная теоретическая база в области искусства. Кроме

того, Станиславский подчеркивает, что «для непрерывного вникания в сущность слов и подтекста нужно дисциплинированное внимание» [17, с. 99].

Без эмоциональной правдоподобности игры музыканта, и даже при наличии хорошего звучания и виртуозной техники, исполнение не «захватывает» слушателя, а превращается в «развлечение» и «цирк» на сцене: исполнитель не живёт музыкой, а лишь функционально озвучивает нотный текст. Поэтому Станиславский призывает периодически забывать о собственном чувстве и концентрироваться на музыкальных образах, всецело погружаясь в них. Полезно также представить себе образ визуально, всмотреться в него, услышать и ощутить. Все это поможет глубже и ярче воплотить его на сцене.

Искусство переживания, в данном случае, музыканта, – это способность исполнителя растворяться в мыслях и эмоциях композитора, заражать ими слушателя, проникать в душу и сердце. Вот таким страстным и экспрессивным должно быть актерское мастерство и выступление на сцене, по мнению маэстро. Знаменитая фраза К. С. Станиславского «не верю» в полной мере характеризует восприятие слушателя, у которого исполненное произведение не вызывает эмоционального переживания. «Если душа и ухо слушателя не принимают его, к чему тогда и сила, и гибкость, и выразительность» [17, с. 54].

Знакомясь с нотным текстом, исполнитель как бы читает новую, не известную ему книгу. Когда мы читаем, мы стремимся понять смысл каждого предложения и стараемся вникнуть в эмоциональную сферу прочитанного. Аналогичным образом поступает и исполнитель, знакомясь с нотным текстом. Он не видит нот, он из выписанных значков (нотного текста) создаёт смысл, выражающийся в звуковом потоке.

Конечно, сразу задуманное не получается реализовать, но оттачивая фрагментарные мысли (отрезки), составляя из них более крупные построения, в сознании исполнителя формируется ясная структура мыслей компо-

зителя, вырисовывается формообразующий принцип, направленность эмоционального воздействия и способ контакта с аудиторией. Речь идет о переживании роли [17, с. 106]. Музыкальная драматургия превращается в своего рода контур видения и слышания эмоциональных проявлений образа, на которых и удерживается внимание слушателей как на линии подтекста и контекста. Следование этой линии мыслей композитора, формообразующему принципу и направленности эмоционального воздействия помогает вызвать у публики соответствующие мысли, ассоциации и чувствования, которые запечатлеваются в эмоциональной памяти.

Основная и очень сложная задача педагога не научить, а только убедить ученика самому учиться законам музыкальной выразительности, что представляет одну из целей современной педагогики [11]. И этот процесс требует огромного терпения преподавателя, чтобы закрепить в понимании ученика весь сложный процесс переживания и выражения в исполнительстве. Педагог должен вести ученика неторопливо к способности производить звуковой план и перспективу движения, создавая живое движение фразы, мысли. «Наподобие того, как безостановочно текущая бумага или шерстяная нить в прядильной машине обрабатывается во время своего прохождения, так точно и в нашем искусстве непрерывная линия движения подвергается художественной отделке...» [17, с. 33].

Можно сказать, «как из слов формируются предложения», так из звуков создаются мотивы, фразы, периоды и т. д., наполненные ощущениями жизненности, трепетной одухотворённости, художественной правдивости. В своей книге К. С. Станиславский работу актёра над ролью подразделяет на пять этапов, которые в полной мере помогут структурировать процесс работы музыканта-исполнителя при подготовке к концертному выступлению:

1. «Сверхзадача» – построить непрерывную линию повествования, выявить основную мысль композитора, создавая эмоциональную сферу, понятную слушателю.

«Самый простой выход на сцену или уход с неё, усаживание для ведения какой-либо сцены, произнесение фразы, слова, монолога и проч. и проч. должны иметь перспективу и конечную цель (сверхзадачу)» [17, с. 385]. Так же и музыкант, выходя на сцену, обязательно должен продумать и предусмотреть каждую деталь своего выступления, начиная с выхода, поклона, подготовки к исполнению, непосредственно исполнения произведения и т. д. То есть он должен очень ясно себе представлять каждую деталь своего выступления, видеть перспективу и конечную цель своего выхода на эстраду. Только ежедневное стремление почувствовать себя в контакте со слушателями, находясь или воображая себя на сцене, создаёт предпосылки в воспитании управляемого комфортного сценического состояния.

2. «Предлагаемые обстоятельства». У исполнителя есть нотный текст, с помощью которого композитор передаёт свои мысли. Искренность, глубокое проникновение в композиторский замысел. Когда исполнитель впервые знакомится с произведением, у него нет понимания перспективы, понимания логики повествования. Он охватывает зрительно только ближайшие звуки и не в состоянии построить логическое движение. Но проблема состоит в том, что необходимо приучить ученика буквально с первого проигрывания создавать, хоть и незавершённые, не вполне логичные, но контролируемые и вполне прослушиваемые мелодические линии, которые в дальнейшем будут очищаться от неточностей, невнятных в произношении, динамической нелогичности.

Если же в процессе разучивания нового произведения заниматься только изучением нотного материала как такового, то исполнитель создаёт в мозгу нейронные мышечные связи, не имеющие ничего общего с понятием о выразительности будущей мелодии. Именно вслушивание в извлекаемый (звуковой) результат при первом знакомстве с нотным материалом создаёт возможность анализа с перспективой дальнейшего очищения, вы-

правления и налаживания нейронных связей в мозгу для мышечных действий, создающих выразительный звуковой поток.

С первого прочтения музыкального текста мы должны думать о перспективе создания образного выражения в конечной стадии концертного исполнения. Рациональное использование средств, экономия физических сил анализируется и рассчитывается непосредственно в процессе проникновения в авторский текст. Исполнительское эмоциональное и физическое «чувство расходуется не по килограммам, а по сантиграммам. Нужна экономия, верный расчёт своих физических сил и средств воплощения» [17, с. 171] для возможности создания сквозного непрерывного, логичного развития.

3. «Здесь и сейчас». При каждом своём выходе на концертную сцену, вне зависимости от значимости и места исполнения, музыкант обязан играть как в первый и последний раз, эмоционально выкладываясь и постоянно развивая образную сферу воздействия на слушателя. Истинное мастерство игры на инструменте или пения состоит в исполнении непрерывно развивающейся смысловой линии, создаваемой звуками, интонациями, движениями. Никаких отдельных звуков, интонаций и движений в музыке не существует, ведь сценическое искусство, по Станиславскому, характеризует действенность и жизненность, то есть все, происходящее на сцене, должно развиваться как живой организм – расти, меняться, зреть, стареть [17, с. 29].

4. «Правда переживаний», искренность исполнения, вживание в роль, ощущение переживаний героя как своих собственных. Психологически исполнитель погружается в содержание произведения, создавая реальную сферу эмоционального воздействия на слушателей. Исполнитель творит своё личное прочтение произведения, стремясь создать максимально заражительный звуковой посыл.

5. «Взаимодействие с партнёром» – чувство «соседа» на сцене, слышание, видение, реагирование, ощущение, дыхание вместе с ним. Играть в ансамбле – это личное глу-

бокое осознание замысла композитора и соединение своего замысла с мыслями «сопереживателя», по творческому выражению К. С. Станиславского [16]. Действие он считал основой искусства, с действия же начинается творческий процесс.

Таким образом, система К. С. Станиславского обладает универсальными педагогическими и художественно-эстетическими принципами, позволяющими воспитать выразительность артиста-исполнителя практически в любой области творческой деятельности – ораторском, актерском, музыкальном, хореографическом, театральном и иных видах искусства. Творческое применение этой системы в профессиональной подготовке музыкантов-исполнителей может способствовать эффективной выработке интонационной выразительности как вокалистов, так и инструменталистов [10].

Основным принципом работы актера над собой, как показал анализ метода Станиславского, является поэтапная подготовка, включающая формулировку сверхзадачи, погружение в предлагаемые обстоятельства здесь и сейчас, обуславливающие искренность и правду переживаний, а также – продумывание способов и форм взаимодействия с пар-

терами по сцене. Система Станиславского, сформировавшаяся на практике в течение многих десятилетий, приобрела универсальные черты, поэтому внедрение рассматриваемой системы в процесс подготовки музыкантов-исполнителей представляется не только перспективным, но и весьма актуальным в контексте идеи совершенствования профессионального образования в области музыкально-исполнительского искусства.

Система работы актера над собой близка процессу подготовки музыканта к исполнению произведения на сцене. Станиславский исходит из концепта «искусства переживания» (к которому напрямую можно отнести музыку с ее языком чувств), вбирающего в себя элементы «искусства представления» [16]. Именно переживание мобилизует сознание и волю артиста с целью активизации других, менее контролируемых психологических процессов, таких как эмоциональная сфера и подсознательные мотивы. На репетиции актер ищет основания и причины для объяснения действий и устремлений персонажа. Аналогичным образом музыкант-исполнитель ищет основания и причины интерпретации произведения в соответствии с авторской концепцией опуса.

Список литературы

1. Баренбойм Л. А. Некоторые вопросы воспитания музыканта-исполнителя и система Станиславского // Вопросы фортепианной педагогики и исполнительства. Ленинград: Музыка, 1969. С. 3–67.
2. Блинова М. П. Музыкальное творчество и закономерности высшей нервной деятельности. Ленинград: Музыка, 1974. 144 с.
3. Ермилова Л. П. Роль системы К. С. Станиславского в подготовке студентов педагогических вузов к театральной деятельности в оперном классе // Традиции и инновации в современном музыкальном образовании. Межвузовский сборник научно-методических трудов. Москва: Московский педагогический государственный университет, 2020. С. 83–86.
4. Лазутина Т. В. Язык музыки. Серия: Философское образование. Выпуск 39. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2008. 191 с.
5. Ланда М. Е. Нравственно-этический аспект системы К. С. Станиславского в музыкальной педагогике // Современные наукоемкие технологии. 2015. № 12–4. С. 683–687.
6. Мильштейн Я. И. Некоторые принципы системы К. С. Станиславского в музыкальной педагогике // Вопросы теории и истории исполнительства: Сборник статей. Москва: Советский композитор, 1983. 262 с.

7. Мирончук Е. В. Принципы педагогической системы К. С. Станиславского в формировании профессиональной компетентности будущих учителей // Наука и школа. 2013. № 6. С. 29–31.
8. Найденко М. К. Система К. С. Станиславского: социокультурные основы и культурологические основания: дис... д-ра культурологических наук: 24.00.01. Краснодар, 2005. 305 с.
9. Осипова М. Б. Интерпретация музыкального произведения как средство развития музыкальной культуры учащихся детских школ искусств // Альманах современной науки и образования. 2010. № 7 (38). С. 140–141.
10. Переверзева М. В. Игровые методы обучения в высшем музыкально-педагогическом образовании // Материалы Всероссийской конференции X Ивановских чтений. Москва: Перспектива, 2020. С. 107–116.
11. Переверзева М. В. Современное музыкально-педагогическое образование: проблемы и перспективы // Царев Д. В., Переверзева М. В., Илларионова Н. Н., Ющенко Н. С., Давыдова А. А., Трифанова В. П., Щербинина В. М., Цилинко А. П. Музыкально-исполнительское искусство: история, теория, практика: коллективная монография. Москва: Издательство РГСУ, 2019. С. 4–19.
12. Переверзева М. В., Мелешкина Е. А. Предпосылки становления и развития профессионального музыкального образования в России // Ученые записки РГСУ. 2021. Том 20. № 2 (159). С. 105–112.
13. Петрушин В. И. Музыкальная психология: учебное пособие для студентов и преподавателей. Москва: Академический проект, 2006. 400 с.
14. Психологические основы системы Станиславского / редакция Е. Я. Басина. Москва: Гуманитарий, 2009. 135 с.
15. Сорокин В. Н. Общность концептуальных основ в творческих позициях К. С. Станиславского и Л. С. Выготского // Искусство и образование. 2011. № 5 (73). С. 88–94.
16. Станиславский К. С. Актерский тренинг. Учебник актерского мастерства. Санкт-Петербург: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2010. 448 с.
17. Станиславский К. С. Работа актёра над собой в творческом процессе воплощения. Москва: АСТ, 2020. 448 с.
18. Тихонова П. М. Системный подход в образовании: педагогика и искусство // Электронный научно-практический журнал Культура и образование. 2015. № 1 (17). С. 30–34.
19. Цуркис Г. Л. Способность к творческой интерпретации музыки и ее развитие в инструментальном классе педагогического вуза // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 4–1 (42). С. 195–198.
20. Шкодниченко Л. А., Простакова Л. Ю. Инновационные подходы и пути совершенствования профессиональной подготовки музыкантов-исполнителей и педагогов // Актуальные вопросы развития педагогического мастерства. Обмен опытом: сборник работ по материалам IV Региональной научно-практической конференции. Белгород: Белгородский государственный институт искусств и культуры, 2019. С. 176–178.

References

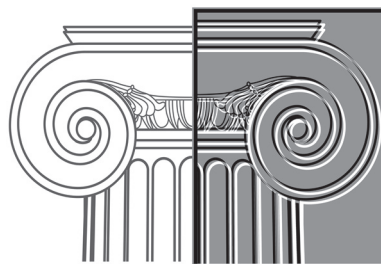
21. Barenboim L. A. Some issues of education of the musician-performer and the Stanislavsky system. In: *Issues of piano pedagogy and performance*. Leningrad, Music, 1969. Pp. 3–67. (In Russ.).
22. Blinova M. P. *Musical creativity and patterns of higher nervous activity*. Leningrad, Music, 1974. 144 p. (In Russ.).
23. Ermilova L. P. The role of the K. S. Stanislavsky system in preparing students of pedagogical universities for theatrical activities in the opera class. In: *Traditions and innovations in modern music education*. Intercollegiate collection of scientific and methodological works. Moscow, Moscow State Pedagogical University, 2020. Pp. 83–86. (In Russ.).
24. Lazutina T. V. *Language of music*. Series: Philosophical Education. Issue 39. Ekaterinburg, Bank for Cultural

- Information, 2008. 191 p. (In Russ.).
25. Landa M. E. Moral and ethical aspect of the system of K. S. Stanislavsky in musical pedagogy. In: *Modern science-intensive technologies*. 2015, no. 12–4, pp. 683–687. (In Russ.).
 26. Milstein Ya. I. Some principles of the K. S. Stanislavsky system in musical pedagogy. In: *Questions of theory and history of performance*: Collection of articles. Moscow: Soviet composer, 1983. 262 p. (In Russ.).
 27. Mironchuk E. V. Principles of the pedagogical system of K. S. Stanislavsky in the formation of professional competence of future teachers. In: *Science and school*. 2013, no. 6, pp. 29–31. (In Russ.).
 28. Naydenko M. K. *System of K. S. Stanislavsky: sociocultural foundations and cultural foundations*: dissertation of Doctor of Cultural Sciences: 24.00.01. Krasnodar, 2005. 305 p. (In Russ.).
 29. Osipova M. B. Interpretation of a musical work as a means of developing the musical culture of students of children's art schools. In: *Almanac of modern science and education*. 2010, no. 7 (38), pp. 140–141. (In Russ.).
 30. Pereverzeva M. V. Game methods of training in higher musical and pedagogical education. In: *Materials of the All-Russian Conference of the X Ivanovo Readings*. Moscow: Perspective, 2020. Pp. 107–116. (In Russ.).
 31. Pereverzeva M. V. Modern music and pedagogical education: problems and prospects. In: Tsarev D. V., Pereverzeva M. V., Illarionova N. N., Yushchenko N. S., Davydova A. A., Trifanova V. P., Shcherbinina V. M., Tsilinko A. P. *Music and performing art: history, theory, practice*: collective monograph. Moscow, RSSU Publishing House, 2019. Pp. 4–19. (In Russ.).
 32. Pereverzeva M. V., Meleshkina E. A. Prerequisites for the formation and development of professional musical education in Russia. *Scientific notes of the RSSU*. 2021, vol. 20, no. 2 (159), pp. 105–112. (In Russ.).
 33. Petrushin V. I. *Musical psychology: a textbook for students and teachers*. Moscow, Academic Project, 2006. 400 p. (In Russ.).
 34. *The psychological foundations of the Stanislavsky system*. Edited by E. Ya. Basin. Moscow, Humanitarian, 2009. 135 p. (In Russ.).
 35. Sorokin V. N. The commonality of conceptual foundations in the creative positions of K. S. Stanislavsky and L. S. Vygotsky. In: *Art and education*. 2011, no. 5 (73), pp. 88–94. (In Russ.).
 36. Stanislavsky K. S. *Acting training*. Acting textbook. St. Petersburg, Prime-EURONAC, 2010. 448 p. (In Russ.).
 37. Stanislavsky K. S. *The work of the actor on himself in the creative process of embodiment*. Moscow, AST, 2020. 448 p. (In Russ.).
 38. Tikhonova P. M. Systemic approach in education: pedagogy and art. In: *Electronic scientific and practical journal Culture and education*. 2015, no. 1 (17), pp. 30–34. (In Russ.).
 39. Turkis G. L. Ability to creative interpretation of music and its development in the instrumental class of a pedagogical university. In: *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice*. 2014, no. 4–1 (42), pp. 195–198. (In Russ.).
 40. Shkodnichenko L. A., Prostakova L. Yu. Innovative approaches and ways to improve the professional training of musicians and teachers. In: *Actual issues of the development of pedagogical skills. Exchange of experience*: a collection of works based on the materials of the IV Regional Scientific and Practical Conference. Belgorod, Belgorod State Institute of Arts and Culture, 2019. Pp. 176–178. (In Russ.).

*

Поступила в редакцию 05.05.2022

СОВРЕМЕННЫЕ
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ
ПРАКТИКИ

А РТ-МЕНЕДЖЕР В СПЕКТРЕ РИСКОВ ИНФОРМАЦИОННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

УДК 005 : 7 : 004.5

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-3107-102-108>

Т. Н. Суминова

Московский государственный институт культуры, Химки, Московская область, Россия

e-mail: tsuminova@yandex.ru

Аннотация: Впервые арт-менеджер и специфика его деятельности представлены в спектре рисков информационной цивилизации. Обозначены значимые качества и навыки арт-менеджера как гармонично развитой креативной личности для достижения устойчивого стратегического развития политики и солидарной экономики России. Рассмотрены проблемы взаимодействия человека и машины как естественного и искусственного интеллекта в процессе управления проектами в сфере искусств и культуры в условиях Нового гуманизма эпохи «Нового Ренессанса».

Ключевые слова: арт-менеджер, риски информационной цивилизации, антропологический кризис, символическая продукция, навыки гармонично развитой креативной личности, солидарная экономика, нравственная экономика, Новый гуманизм, Новый Ренессанс.

Для цитирования: Суминова Т.Н. Арт-менеджер в спектре рисков информационной цивилизации // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. №3 (107). С. 102-108. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-3107-102-108>

ART MANAGER IN THE SPECTRUM OF RISKS OF INFORMATION CIVILIZATION

Tatyana N. Suminova

Moscow State Institute of Culture, Khimki City, Moscow Region, Russian Federation

e-mail: tsuminova@yandex.ru

Abstract: For the first time, an art manager and the specifics of his activity are presented in the spectrum of risks of an information civilization. Significant qualities and skills of an art manager as a harmoniously developed creative personality to achieve the strategic sustainable development of politics and the solidarity economy of Russia are indicated. The problems of human-machine interaction as natural and artificial intelligence in the process of managing projects in the sphere of arts and culture under the conditions of the New Humanism of the era of the “New Renaissance” are considered.

СУМИНОВА ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА – доктор философских наук, профессор кафедры социально-культурной деятельности, директор Издательского центра Московского государственного института культуры

SUMINOVA TATYANA NIKOLAEVNA – Full Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Social and Cultural Activities, Director of the Publishing Center of the Moscow State Institute of Culture

© Суминова Т.Н., 2022

Keywords: art manager, risks of information civilization, anthropological crisis, symbolic production, skills of a harmoniously developed creative personality, solidarity economy, moral economy, New Humanism, New Renaissance.

For citation: Suminova T.N. Art-manager in the spectrum of risks of information civilization. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2022, no. 3 (107), pp. 102-108. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-3107-102-108>

В информационной цивилизации как «галактике Маркони» (М. Маклюэн) со спектром современных и грядущих рисков актуальна преобразующая/трансформирующая деятельность, креатив, инноватика, самостоятельной/суверенной личности арт-менеджера, применяющей в своей активности спектр теоретико-методологических оснований (парадигмы, концепции, принципы, подходы, методы), что способствует рациональному осуществлению проектной деятельности (в данном случае – в сфере искусств и культуры) для достижения стратегического устойчивого развития политики и солидарной экономики России.

Одна из ключевых проблем современности – это антропологический кризис, связанный с «уничтожением человеческого в человеке» (Ю. А. Шрейдер), в данном случае – в арт-менеджере как «коммерсанте от искусства». В качестве решения данной проблемы может стать антропологическая революция, к которой еще в 1970-е годы призывал Аурелио Печчеи, создатель Римского клуба как гуманистической организации по исследованию будущего. Суть таковой революции состоит в генерации Нового гуманизма, влияющего на самотрансформацию человека изнутри и поднятию такового на качественно новый уровень бытия/развития/жизнедеятельности, соответствующий современной уникальной VUCA-реальности. Творческий и убедительный Новый гуманизм приведет к появлению новых «духовных, философских, этических, социальных, эстетических и художественных» ценностей и мотиваций [7, с. 215], реанимации в человеке высших потребностей (любовь, дружба, взаимопонимание, солидарность,

жертвенность, сосуществование), благ, приоритета духовности.

Неслучайно арт-менеджер, как и любой человек в современных условиях, обращает внимание на самоидентичность, задавая себе вопрос: «Кто я?» Осуществляя поиск ответов на данный вопрос, человек обращается в недра «Я» как некоей отправной точке роста, что способствует его самоидентификации, постижению своей сущности, генерированию целостной картины мира/«образа мира» как коммуникативной системы координат, осознанию собственного места в таковой, встраивания себя в эту целостность для реализации потенциала.

Пребывание арт-менеджера в информационной/диджитальной/ машинной/роботизированной цивилизации актуализирует постановку одного из философских вопросов о взаимодействии/взаимопонимании человека/естественного интеллекта и машины/искусственного интеллекта [5]. Программисты, робототехники, нейробиологи, компьютерные дизайнеры справедливо утверждают, что в настоящее время искусственный интеллект вторгся и категорически изменил пространство/реальность/повседневность/«образ мира»/профессиональную деятельность.

Арт-менеджер как современный цивилизованный человек осознает, что прошлое уже не вернется. Поэтому необходимо быть пластичным и находить собственное новое адекватное место под информационным «солнцем». В этой связи логично трактовать искусственный интеллект, информационные технологии исключительно в качестве средства для реализации различных идей. Однако в некоторых случаях возникает вопрос: мож-

но ли воспринимать цифровые машины как партнеров по бизнесу в качестве значимых элементов для осуществления предпринимательской деятельности в том или ином виде искусства? Конкретный ответ на этот философский вопрос человечество может получить и получит, вероятно, в течение ближайшего или через незначительный период времени. И всё-таки в условиях нового мирового диджитального порядка при соблюдении этического равновесия возможно мирное и эффективное сосуществование человека/естественного интеллекта и машины/искусственного интеллекта [4]. В целом обязательно и даже неизбежно наступят времена, когда люди и машины сфокусируются в единой глобальной открытой информационной матрице [3] с колоссальной динамикой потока, увлекающего Мир, в том числе сферы искусств и культуры, в воронку кодов/символов/смыслов.

В условиях агрессивного и сверхпродуктивного влияния «эпохи машин» (К. Руз) / «второй эры машин» (Э. Бриньолфсон, Э. Макафи) на реальность, на сферу искусств и культуры, безусловно, возможно появление «бесполезного класса» (Ю. Н. Харари), или «лишних людей» (Ф. М. Достоевский), которые вытесняются информационными технологиями, искусственным интеллектом и становятся невостребованными в любых индустриях, в том числе, в креативных. Чтобы противодействовать такой ситуации, арт-менеджеру важно быть устойчивым с различных позиций не только к настоящему, но и к будущему.

Следствием этого является актуальность развития ключевых навыков будущего, адекватных современным трендам, оказывающих существенное влияние на бытие и динамику развития арт-менеджмента, креативных индустрий того или иного вида искусства. Так, согласно исследованию «Навыки будущего. Что нужно знать и уметь в новом сложном мире», суммирующему многолетнюю совместную работу Global Education Futures и WorldSkills Russia по определению образа рабочих мест в экономике будущего [6], на формирование

экономической ситуации в наступившем будущем оказывают влияние технологические (цифровизация всех сфер жизни, автоматизация и роботизация), техносоциальные (глобализация (экономическая, технологическая, культурная), экологизация), социальные (демографические изменения, становление сетевого общества) тренды.

Метатренд, связанный со скоростью происходящих изменений [6, с. 7], способствует ускорению обновления окружающей реальности, в том числе в сфере искусств и культуры. Вследствие этого значимыми для современного деятельного управленца проектами в том или ином виде искусства, как креативной индустрии, являются следующие навыки: концентрация и управление вниманием; эмоциональная грамотность, в том числе эмпатия, что важно для осуществления грамотных коммуникаций и развития антропоцентричной экономики; цифровая грамотность, информационная гигиена; творчество и креативность, что объясняется изменчивостью социокультурной реальности; экологическое мышление; кросскультурность; способность к (само)обучению [6, с. 75], выбору собственной стратегии и траектории образования/развития.

В наше время – в начале третьего тысячелетия – любому грамотному человеку, а тем более арт-менеджеру, кроме умения читать, писать и считать, необходимы следующие «4К» грамотности – критическое мышление, коммуникация, командная работа и креативность, или в оригинале – «Four Cs of 21st century learning: critical thinking, communication, collaboration, and creativity».

Для осуществления в условиях цифровизации эффективного и конкурентоспособного управления проектами, персоналом и различными бизнес-процессами в том или ином виде искусства арт-менеджерам необходимо использовать синтез возможностей/ресурсов и человека, и машины. Данный подход требует от руководителей и сотрудников конкретных учреждений/организаций/институций креативных индустрий гибкости, пластичности,

адаптивности, открытости для неизбежных трансформаций, а также – применения следующих интегрированных действий: постоянное переосмысление деятельности, создание совместных решений, ответственная стандартизация, взаимное обучение, разработка ментальных моделей, регуманизация времени, расширение возможностей с помощью ботов, умное запрашивание для решения ряда проблем [2].

К трендам современной информационной цивилизации как особым вызовам и проблемам относится «снижение темпов роста экономики, увеличение безработицы, усиление социального неравенства, проблемы экологии, достижение целей устойчивого развития» [12]. Отсюда значимой для нового поколения лидеров системы управления проектами в различных видах искусства и культуры становится новая стратегическая повестка, отражающая «корпоративные принципы устойчивого развития – ESG: environment (ответственное отношение к окружающей среде), social (социальное благополучие сотрудников), governance (высокое качество корпоративного управления).

В этой связи для бизнес-деятелей и топ-менеджеров в сфере искусств и культуры важна не столько максимизация прибыли, сколько экологическая проблематика и приложение усилий для генерации всеобщего блага во внутренней и внешней среде учреждений/организаций/институций, а также осознание новой миссии и нового предназначения структуры в условиях происходящих изменений реальности.

В эпоху «цифровой трансформации» (Т. Сибел) с облачными вычислениями, IoT, big data и искусственным интеллектом, арт-менеджерам важно прочувствовать то состояние, в котором находятся их структуры/организации/учреждения, а также понять, каким образом и в каком направлении необходимо двигаться, эффективно используя современные технологии, чтобы достичь значимого уровня в профессиональной активности для динамики развития собственного дела и экономики отрасли.

Для успешного арт-менеджмента в той или иной структуре/организации/учреждении актуальной видится «трансформация культурной ДНК» (Г. Пизано) с акцентом исключительно на креативного созидающего лидера как гармоничную личность.

В условиях информационной цивилизации арт-менеджеру необходимо быть неординарным, социальным, непредсказуемым, исключительным, неожиданным, не позволять гаджетам управлять собой и своим личным пространством, сопротивляться машинному дрейфу, говорить «нет» цифровой диктатуре [10], а также разрабатывать такие продукты и программы, которые будут не заменять, а лишь расширять способности homo sapiens sapiens.

Арт-менеджер сегодня – это «homo informaticus» [8], образованная и креативная личность, управляющая проектами в сфере искусств и культуры, не столько заглядывает в будущее, сколько самостоятельно генерирует таковое.

Ярчайших представителей российского арт-менеджмента отличает уникальная индивидуальность, яркий ум и темперамент, энциклопедическая образованность, утонченность натуры, предприимчивость, чувство собственного достоинства, целеустремленность, энергия, сила воли, пассионарность (Л. Н. Гумилев). Данные грани личности были обозначены еще в эпоху Возрождения.

Для успешной реализации проектного управления в сфере искусств и культуры, или в конкретном виде искусства, арт-менеджеры используют широчайший спектр технологий – художественно-творческие, организационно-управленческие (в том числе психологические), финансово-экономические, маркетинговые, нормативно-правовые.

Сегодня важно восприятие оцифрованных знаний и информации (произведения различных видов искусства) в качестве ключевого фактора производства, информационных сетей – носителя востребованной информации как символической продукции, информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) – движущей силы производи-

тельности и оптимизации структуры цифровой экономики [11], которая есть новый вариант бытия арт-менеджеров в информационной цивилизации и креативном бизнесе.

К очередным проблемам арт-менеджмента в креативных индустриях в условиях цифровой эпохи относятся и проблемы, связанные как с защитой интеллектуальной собственности, авторского права, смежных прав, так и с борьбой с пиратством [9].

В целях реализации государственной культурной политики важным является и финансовая обеспеченность проектов, а тем более – в условиях диджитализации. К актуальным технологиям как вариантам решения данной проблемы относится, например, краудсорсинг, генерирующий пространство «викиномики» (Д. Тапскотт, Э. Д. Уильямс), и краудфандинг.

Цифровые/информационные технологии, в том числе блокчейн как «машина правды» (П. Винья, М. Кейси), воспринимаются как локомотив развития и роста цифровой экономики (Н. Негропonte, Д. Тэпскотт), «энерджайзер» информационной цивилизации для дальнейшего развития различных сфер жизнедеятельности социума, в том числе сферы искусств и культуры.

Деятельность арт-менеджера в современном нелинейном сингулярном VUCA-мире требует доверия, креативности, вовлеченности, вдохновения, гибкости, «эстетического интеллекта», или «альтернативного интеллекта» (П. Браун), быстроты выполнения задач, использования небольшими проектными коллективами концепции «быстро и вовремя», а также – создания новой культуры организации, и т. п. [1].

В условиях «нового цифрового мира» (Э Шмидт, Д. Коэн), где практически все переведено в диджитал, действует «закон ускорения отдачи». Суть такового состоит в том, что, если «технология – это продолжение эволюции другими средствами, следовательно, это эволюционный процесс» [13]. Вот почему в арт-проектировании в процессе обмена знаниями и творческой энергией, безус-

ловно, происходит экспоненциальный рост коллективной выгоды, а отсюда возникает и экономическая прибыль, значимая для этого «дивного, дивного, дивного Мира» проектного менеджмента в сфере искусств и культуры.

Арт-менеджмент имеет отношение и к рителу, связанному с трансграничной торговлей музыкальными инструментами, картинами, книгами и т. п. В процессе «онлайфикации» (В. Йонген) с отсутствием грани между онлайн и офлайн-торговлей, для эффективности деятельности структуры учитывают несколько элементов, т. е. вариантов бытия экономики, а именно: цикличную, совместного потребления (шеринг-экономика), умную, экономику. И действительно, в клиентоориентированном/антропоцентричном мире это приводит к сверхположительной и успешной динамике продаж продукции конечным потребителям.

Информационные технологии – это важнейший ресурс, значимый не столько для экономики потребительской/экономики впечатлений/ «оранжевой» экономики, сколько для «экономики нравственной» (М. Форд), в основе которой – не удовлетворение спектра в большей степени материальных потребностей, а духовная и нравственная составляющая современного человека – создателя и потребителя различных художественных произведений (картина, выставка, роман, опера, фильм и т. д.) того или иного вида искусства как символической продукции в информационной цивилизации.

Арт-менеджеру, эффективно осуществляющему профессиональную деятельность в условиях великого Маркетинга как Хозяина Мира, необходимо содействовать ревитализации в потребителе результатов проектной деятельности в сфере искусства и культуры аксиологической составляющей, духовных и нравственных ценностей, внимания к культурному наследию, к Просвещению, к Красоте и Прекрасному!

Трансформации различных мировоззренческих концепций/установок предшествующих времен/эпох/систем привели к генерации ценностно-смысловой матрице Текста культу-

ры современного информационного социума (Й. Масуда), постиндустриального социума (Д. Белл), цифровой/информационной эпохи (М. Кастельс), посттехногенной цивилизации. Одним из ключевых элементов данной матрицы является восприятие и трактовка Человека как гармонично развитой созидательной/креативной личности, функционирующей в условиях «оранжевой» экономики/ экономики впечатлений/ экономики символического обмена/ экономики счастья/ цифровой экономики.

В уникальную «эпоху открытий» как эпоху «Нового Ренессанса», или «Второго Ренес-

санса» (Й. Голдин, К. Кутарна) с приоритетом гражданственности, подвижничества, креативности, гениальности, таланта и способности арт-менеджера к риску, ответственности, предпринимательству, инновациям появляется необходимость противостоять возникающим и существующим вызовам/проблемам/кризисам информационной цивилизации, генерировать и реализовывать безумные идеи и трансформировать – не столько сегодня, сколько завтра – Мир искусств и культуры, Мир экономики, Мир нового Человека третьего тысячелетия.

Список литературы

1. Блуммарт Т., Брук С. ван ден. Четвертая промышленная революция и бизнес: как конкурировать в эпоху сингулярности /Пер.с англ. Москва: Альпина Паблишер, 2019. 202 с.: ил., цв. ил.
2. Дозрти П., Уилсон Д. Человек + машина. Новые принципы работы в эпоху искусственного интеллекта / Пер.с англ. Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2019. 297 с.
3. Келли К. Неизбежно. 12 технологических трендов, которые определяют наше будущее /Пер.с англ. Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2017. 343 с.
4. Ли Кай-Фу. Сверхдержавы искусственного интеллекта: Китай, Кремниевая долина и новый мировой порядок / Пер.с англ. Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2019. 233 с.
5. Маркофф Д. Homo Roboticus?: люди и машины в поисках взаимопонимания /Пер.с англ. Москва: Альпина нон-фикшн (АНФ), 2017. 404 с.: ил.
6. Навыки будущего. Что нужно знать и уметь в новом сложном мире /Е.Лошкарева, П. Лукша, И. Ниенко, И. Смагин, Д. Судаков. Москва, 2017. 93 с.
7. Печчеи А. Человеческие качества /Пер. с англ. 2-е изд. Москва: Прогресс, 1985. 312 с.
8. Соколов А. В. Философия информации: профессионально-мировоззренческое учебное пособие. Санкт-Петербург: СПбГУКИ, 2010. 365 с.
9. Тодд Д. Цифровое пиратство: как пиратство меняет бизнес, общество и культуру /Пер.с англ. Москва: Альпина Бизнес Букс, 2013. 319 с.: ил.
10. Харари Ю. Н. 21 урок для XXI века /Пер.с англ. Москва: Синдбад, 2019. 412 с.
11. Цифровая трансформация Китая: опыт преобразования инфраструктуры национальной экономики / М. Хуатэн, М. Чжаоли, Я. Дели, В. Хуалей; Пер. с кит. Москва: Альпина паблишер: Интеллектуальная лит., 2019. 249 с.: ил.
12. Шваб К., Ванхэм П. Капитализм всеобщего блага: новая модель мировой экономики /Пер. с англ. Москва: Эксмо, Бомбора, 2022. 348 с.
13. Kurzweil R. The Age of Spiritual Machines: When Computers Exceed Human Intelligence. New York: Penguin Books, 1999. 372 p.

References

1. Bloommarth T., Brook S. van den. *The Fourth Industrial Revolution and Business: How to Compete in the Age of the Singularity* / Translated from English. Moscow: Alpina Publisher, 2019. 202 p.: ill., color. ill. (In Russ.)

2. Doherty P., Wilson D. *Man + machine. New principles of work in the era of artificial intelligence* / Translated from English. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber, 2019. 297 p. (In Russ.)
3. Kelly K. *Inevitably. 12 technological trends that determine our future* / Translation from English. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber, 2017. 343 p. (In Russ.)
4. Lee Kai Fu. *Artificial Intelligence Superpowers: China, Silicon Valley and the New World Order* / Translated from English. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber, 2019. 233 p. (In Russ.)
5. Markoff D. *Homo Roboticus?: people and machines in search of mutual understanding* / Transl. from English. Moscow: Alpina non-fiction (ANF), 2017. 404 p.: ill. (In Russ.)
6. *Future skills. What you need to know and be able to in the new complex world* / E. Loshkareva, P. Luksha, I. Ninenko, I. Smagin, D. Sudakov. Moscow, 2017. 93 p. (In Russ.)
7. Peccei A. *Human qualities* / Transl. from English. 2nd ed. Moscow: Progress, 1985. 312 p. (In Russ.)
8. Sokolov A. V. *Philosophy of information: professional and ideological textbook*. St. Petersburg: SPbGUKI, 2010. 365 p. (In Russ.)
9. Todd D. *Digital piracy: how piracy is changing business, society and culture* / Transl. from English. Moscow: Alpina Business Books, 2013. 319 p.: ill. (In Russ.)
10. Harari Yu.N. *21 lessons for the XXI century* / Transl. from English. Moscow: Sinbad, 2019. 412 p. (In Russ.)
11. *China's Digital Transformation: The Experience of Transforming the Infrastructure of the National Economy* / M. Huateng, M. Zhaoli, Ya. Delhi, V. Hualei; Transl. from Chinese Moscow: Alpina publisher: Intellectual lit., 2019. 249 p.: ill. (In Russ.)
12. Schwab K., Vanham P. *Capitalism of the common good: a new model of the world economy* / Transl. from English. Moscow: Eksmo, Bombora, 2022. 348 p. (In Russ.)
13. Kurzweil R. *The Age of Spiritual Machines: When Computers Exceed Human Intelligence*. New York: Penguin Books, 1999. 372 p.

*

Поступила в редакцию 09.06.2022

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

УДК 37 : 004 : 008

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-3107-109-121>

Т. С. Паниотова

Южный федеральный университет, Россия

e-mail: tspaniotova@mail.ru

А. А. Айвазян

Южный федеральный университет, Россия

e-mail: aivazova.anait@mail.ru

Аннотация: Экспоненциальный рост технологий провоцирует ряд социокультурных трансформаций, где наиболее актуальным представляется вопрос об образовании и его роли в жизни современного человека. Цифровая эпоха с ее беспрецедентными технологиями делает мир повседневности всё более комфортным, перестройка границ повседневности и захват ею других миров опыта отражается в том числе и на структуре образования. Образование сегодня вмещается в рамки нашей повседневности, online обучение не требует выхода из зоны домашнего комфорта, а также даёт возможность человеку находиться в процессе перманентного обучения, делая образование более мобильным и доступным. В связи с этим меняется место образования в жизни современного человека, искажается роль преподавателя, а также студента/ученика в образовательных процессах, особенно ярко эта проблема выразилась в условиях пандемии COVID-19. Ряд исследователей заостряют своё внимание на том, что именно сфера образования нуждается в радикальных реформах и разрушении консервативных образовательных стандартов, оправдывая это тем, что старая система не жизнеспособна и не реагирует на современные запросы общества. Другие же отмечают, что подобные трансформации губительны для подрастающего поколения, и уже в ближайшее время мы рискуем получить «машинизированных» выпускников, которые будут лишены какого-либо творческого начала. В рамках данного исследования цифровое образование рассматривается в контексте культуры повседневности. Сегодня очевидно, что «оповседневнивание» всех сфер человеческой жизнедеятельности стало частью новой культурной парадигмы.

ПАНИОТОВА ТАИСИЯ СЕРГЕЕВНА – Профессор, доктор философских наук Южного федерального университета Института философии и социально-политических наук

АЙВАЗЯН АННА АРАРАТОВНА – аспирантка Южного федерального университета Института философии и социально-политических наук, специальность – 51.06.01 Культурология, профиль – теория и история культуры

PANIOTOVA TAIISIYA SERGEEVNA – Professor, Doctor of Philosophical science of the Southern Federal University of the Institute of Philosophy and Socio-Political Sciences

AYVAZYAN ANNA ARARATOVNA – postgraduate student of the Southern Federal University of the Institute of Philosophy and Socio-Political Sciences, specialty – 51.06.01 Culturology, profile – theory and history of culture

© Паниотова Т. С., Айвазян А. А., 2022

Ключевые слова: повседневность, цифровое образование, образование, цифровой человек, цифровая культура, обыденность, дистанционное образование, онлайн образование.

Для цитирования: Паниотова Т. С., Айвазян А. А. Цифровизация образования в контексте культуры повседневности // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. № 3 (107). С. 109-121. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-3107-109-121>

DIGITALIZATION OF EDUCATION IN THE CONTEXT CULTURE OF EVERYDAY

Taisiya S. Paniotova

Southern Federal University, Russia
e-mail: tspaniotova@mail.ru

Anna A. Aivazian

Southern Federal University, Russia
e-mail: aivazova.anait@mail.ru

Abstract: The exponential growth of technology provokes a number of sociocultural transformations, where the most relevant issue is education and its role in the life of a modern person. The digital age with its unprecedented technologies makes the world of everyday life more and more comfortable, the restructuring of the boundaries of everyday life and its capture of other worlds of experience, is also reflected in the structure of education. Education today fits into the framework of our everyday life, online learning does not require leaving the home comfort zone, and also enables a person to be in the process of permanent learning, making education more mobile and accessible. In this regard, the place of education in the life of a modern person is changing, the role of a teacher, as well as a student / student in educational processes is being distorted, this problem has become especially pronounced in the context of the COVID-19 pandemic. A number of researchers focus their attention on the fact that it is the education sector that needs radical reforms and the destruction of conservative educational standards, justifying this by saying that the old system is not viable and does not respond to the modern demands of society. Others, however, note that such transformations are detrimental to the younger generation, and in the near future we are at risk of getting “machine” graduates who will be devoid of any creativity.

Within the framework of this study, digital education is considered in the context of the culture of everyday life. Today, it is obvious that the “everyday life” of all spheres of human life has become part of a new cultural paradigm.

Keywords: everyday life, digital education, education, digital person, digital culture, distance education, online education.

For citation: Paniotova T.S., Aivazyan A.A. Digitalization of education in the context of the culture of everyday life. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2022, no. 3 (107), pp. 109-121. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-3107-109-121>

Введение

Сегодня мы не просто вступили в цифровую эпоху: мы уже живем в цифровой зависимости, о чем свидетельствуют, например, следующие факты: в 2018 году каждые 60 секунд появлялись 3,7 миллиона поисковых

запросов в Google, 38 миллионов отправленных сообщений в WhatsApp, 18 миллионов текстов, 481000 твитов и 187 миллионов электронных писем (Desjardins, 2018). С другой стороны, СМИ ежедневно напоминают о все новых и новых технологических прорывах,

среди которых искусственный интеллект AI (artificial intelligence), интернет вещей (Internet of Things, IoT), смешанная реальность MR (mixed reality), виртуальная реальность VR (virtual reality), дополненная реальность (AR), расширенная реальность XR, под которой понимают объединение AR- и VR-технологий. Иммерсивные технологии (immersive – «создающий эффект присутствия, погружения») все активнее завоевывают современное культурное пространство.

На фоне перечисленных инноваций мутируют все формы человеческой организации, и один из важнейших пунктов, который сегодня поддается изменениям и по совместительству нуждается в них, – это сфера образования. Стоит отметить, что в цифровых реалиях – на фоне развития современных технологий, создания виртуальной рабочей среды, виртуального мира в целом – всё более расширяет свои границы сфера повседневности. Отныне повседневность включает в себя и другие «миры опыта». «Дистанционная» работа очень легко вмещается в рамки домашней обыденности, как и многие другие области человеческой жизнедеятельности. Исключением не стал мир образования.

Ещё в конце XX века был очевиден для исследователей кризис системы образования и необходимость её трансформации, которая по своей масштабности была бы сопоставима с градусом кардинальных перемен в социокультурной среде. Как отмечал Э. Тоффлер, система образования является основополагающим фундаментом для развития и укрепления нового типа общества. Э. Тоффлер настаивал, что консервативность образования и его неповоротливость губительна для общества. В связи с экспоненциальным ростом технологий и происходящими трансформациями в культуре становится абсолютно очевидным необходимость переоценки образовательных стандартов и создание их новых форм. Однако насколько человечество готово подойти к конструктивному решению этого важного вопроса? И каковы тенденции развития современного образования? И, на-

конец, какой сейчас статус сферы образования в жизни современного «цифрового» человека?

Исследователи отмечают, что никогда прежде, до наступления цифровой эпохи, не было создано столько прорывных инноваций за такой короткий промежуток времени. В доме и на работе мы окружены услугами и продуктами, которые заставляют нас жить, учиться, работать и наслаждаться свободным временем способами, радикально отличающимися от тех, что существовали несколько лет назад, и, тем более, от тех, которыми пользовались наши родители или предки. В современном обществе идеи, информация, знание, познание становятся все более доступными, близкими и непосредственными, но в то же время существуют сомнения, что они окажутся более долговечными, чем прежние.

Ведь мы, согласно Бауману, пребываем в текучем и изменчивом мире, который отличается от стабильного, устойчивого мира, в котором мы привыкли жить. В прежние времена на каждый вопрос существовал, как правило, один ответ, обычно получаемый от родителей, учителей, из книг, или (реже) из средств массовой информации. Сегодня любую информацию можно получить одним кликом мышки. Проблема, однако, в том, что на вопрос в поисковике мы получаем не один, а несколько вариантов ответа. Столкнувшись с таким разнообразием, бывает трудно отличить главное от второстепенного, фундаментальное от тривиального, истинное от ложного.

Баумановская «текучая современность» сопоставима с характеристиками, которые выражены аббревиатурой VUCA, появившейся в американской армии в ходе холодной войны и получившей еще более широкое распространение в 90-е годы (Reeves and Reeves, 2015). «VUCA-мир» – это представление о современном мире как о нестабильной, неоднозначной среде, в которой трудно делать точные прогнозы и строить расчеты на исполнение планов или достижение целей. Аббревиатура расширяется по первым латинским

буквам четырех основных угроз современного мира: V – volatility (нестабильность); U – uncertainty (неопределённость) C – complexity (сложность) A – ambiguity (неоднозначность).

Сегодня значения концепта VUCA-мир переносятся исследователями на всю совокупность обстоятельств и реалий цифровой эпохи. Цифровая среда характеризуется как нестабильная (изменения, ритм и скорости), неопределенная (непредсказуемость, ненадежность, неожиданность), сложная (множество факторов и причин, трудностей в понимании отличий между причиной и следствием, истиной и ложью) и неоднозначная (многозначная, неопределенная реальность).

Цифровые технологии меняют всё: социальные связи, способы деятельности, экономику, способы управления. Они вторгаются в сферу образования и мир повседневности. Недавний отчет Всемирного банка реконструкции и развития предупреждал о том, что в связи с технологическим прогрессом изменится характер рабочих мест. И дело не только в том, что в результате использования роботов сократится количество рабочих мест; технический прогресс приведет к изменению старых и появлению новых видов деятельности. Тоффлер еще полвека назад говорил, что целые отрасли промышленности будут умирать и на их месте возникать новые. Поэтому необходимо производить инвестиции в человеческий капитал, чтобы работники обретали новые навыки, которые будут востребованы на рынке труда. Технологии открывают новые возможности, убирают препятствия на пути создания новых рабочих мест, повышения производительности труда и внедрения эффективных общественных услуг.

В контексте реалий цифровой эпохи и новых вызовов (VUCA-мир), которые она с собой несет, важно определить хотя бы некоторые тенденции в сфере занятости. Это важно не только потому, что работа занимает большую часть нашей жизни, но и потому, что изменения в сфере образования в его прикладном аспекте непосредственно на ней замыкаются. Итак, что же нас ждет?

- Появятся новые рабочие места или трансформируются старые, для которых потребуются новые, как правило, цифровые навыки и компетенции.
- В следующие десятилетия многие процессы, выполняемые людьми, будут автоматизированы, и людей на рабочих местах заменят роботы. Что же касается работников, то им придется посвятить себя решению гораздо более сложных задач. «... через 40 лет от 50 до 70 % работников из производства будут убраны и заменены роботами. Сейчас исключительно роботами производится 10 % всех товаров, к 2025 г. прогнозируется 40 %. В зоне риска находятся не только “синие”, но и “белые воротнички”: пострадают управленцы, водители автомобилей, фармацевты, страховые агенты, продавцы, коллекторы» [13, с. 410].
- Рабочая среда станет еще более изменчивой, будет развиваться межпрофессиональное сотрудничество и вырастет количество смешанных профессий.
- Изменяющийся рынок труда потребует постоянной смены рабочих мест и вызовет необходимость постоянного обучения. Еще Тоффлер предсказывал, что люди в постиндустриальном обществе будут часто менять профессии.
- Профессии будущего – это не только инженеры и программисты. Не всё может быть автоматизировано, и многие профессии, пусть в измененном виде, по-прежнему будут необходимы. Прежде всего, это творческие специальности и те, где необходимы когнитивные способности, навыки критического мышления, сотрудничества, эмпатия.
- Компании при найме персонала откажутся от требования наличия высшего образования. Гарантией выполнения работы будет не специальность,

а приобретенные навыки и компетенции, а также – умение легко их приобретать.

- Не институализированное, неформальное обучение будет все более доступным через Интернет.
- Профессии, которые наиболее востребованы сегодня, скорее всего в будущем исчезнут либо существенным образом трансформируются.

В связи с этим встает вопрос: как в ситуации «текущей современности», где ничто не вечно и меняется с небывалой быстротой, строить учебный процесс? Для *какого* мира, *какого* общества и, главное, *как* учить школьников и студентов? Это серьезная проблема для педагогов, образовательных центров в целом и, конечно же, для органов государственной власти.

Человек цифровой эпохи

Дело в том, что изменилась не только среда, общество, но и, конечно же, сами люди – и учителя, и ученики. Современный человек принадлежит миру цифровой культуры, которая, как замечают саратовские исследователи Фролова и Листвина, совмещая архаичные и новейшие (в том числе цифровые) методы и формы коммуникации, «определяет выработку иного стиля поведения индивидов и вырабатывает иные институциональные установки повседневного бытия; отказывается от привычных форм занятости» [12, с. 409].

Чем живут наши дети, подростки и молодежь, посещающие школы, институты и университеты? В поколении, сформировавшемся в годы цифровой революции, Марк Prenски выделил страты «цифровых аборигенов» и «цифровых мигрантов». «Аборигены» первыми освоили цифровые технологии, «срослись» с ними и не мыслят без них свою жизнь; что касается «мигрантов», то для них цифровая среда не имеет первостепенного значения. Границей между этими поколениями Prenски определяет 1980 год. В 2011 году Уайт и Ле Корню предложили другие термины – «цифровые посетители» и «цифровые жители» (V&R).

Первые заходят в сеть только тогда, когда им это необходимо, вторые же практически «живут» в сети и вне ее себя не представляют. В свою очередь, М. Кастельс говорит о «первопоселенцах электронного пограничья» и «бродячей толпе», для которой выход в Интернет равнозначен освоению «нескольких, хотя и эфемерных, существований» [3, с. 343].

Разумеется, «цифровой абориген» / «цифровой житель» / «первопоселенец» таковым не рождается. Критерии отбора, навыки поиска, фильтрации и обработки информации, понимания компьютерной этики и безопасности и т. д. и т. п. формируются у него постепенно. Возможно, эти «аборигены» в социальных сетях и программах занимаются чем-то большим, чем просто обмениваются сообщениями, фотографиями, играют в компьютерные игры или просматривают видео определенных ютьюберов. Но действительно ли они знают, как *работать* в сети и пользоваться ее преимуществами? На деле зачастую «аборигены» оказываются некомпетентными в сложных цифровых технологиях. При этом они плохо воспринимают советы, рекомендации или технологические предложения со стороны старших. Между тем взрослый человек зачастую знает больше, так как имеет больше возможностей и опыта для различения полезного, бесполезного и пагубного, даже если ему (например, учителю или родителям) не хватает определенных технических навыков. В результате одних лишь технологических способностей оказывается недостаточно для формирования цифровых компетенций.

Tapscott (1998) уже более 20 лет назад говорил о цифровом поколении. Сегодня, основываясь на теории поколений Н. Хоу и У. Штрауса (“Generations”, “The Fourth Turning”), ученые выделяют различные поколения, относящиеся к эпохе цифровой революции: X, Y, Z и α (Альфа). Представители поколения X (1964–1980 гг.) в детстве и юности жили в аналоговом мире, а в зрелом возрасте стали современниками цифровой эпохи. Возможностями, предоставляемыми цифровой эпохой, «иксы» пользуются «по необходимо-

сти», в ограниченных пределах. Поколение Y (1981–1996 гг.), или «миллениалы», пришло в мир вместе с Интернетом (1982) и не мыслит без него свою жизнь. Следующее поколение Z (1997–2012 гг.) – iGen, постмиллениалы. Его представители с 11–12-летнего возраста не расстаются со смартфонами, которые заменяют им реальное общение и жизнь. Наконец, вступившее в жизнь в начале второго десятилетия XXI века поколение α уже едва ли не с двухлетнего возраста осваивает смартфоны, планшеты и другие гаджеты. Как справедливо отмечает отечественный учёный-педагог Кондаков А. М., сегодня маленькие дети, ещё даже не научившись говорить, способны осознанно пользоваться умными гаджетами. Например, дети от первого года жизни вполне могут разблокировать экран мобильного устройства, набрав нужную цифровую комбинацию, при этом не понимая и не осознавая значение цифр как таковых, и заняться поиском любимого мультфильма на площадке видеохостинга.

Итак, кто же сегодня учится в школьных классах? Какие студенты находятся в университетских аудиториях? Учителям школ приходится иметь дело с представителями поколения α. В университетах же сегодня преимущественно представлено поколение Z. Попробуем представить «цифровой портрет» этих студентов. Вероятно, мы имеем дело с субъектами, которые

- проводят часть своей жизни в сети, просматривая свои сетевые профили по нескольку раз в день;
- через сеть, а не в реальном пространстве, они устанавливают отношения, основанные на общих интересах, включая дружеские;
- с трудом отличают реальное от виртуального;
- принадлежат к различным виртуальным сообществам;
- нуждаются в получении оперативной и незамедлительной информации;
- их деятельность характеризуется многозадачностью;

- они воспринимают графические и аудиовизуальные сообщения лучше, чем текстовые, не любят читать длинные тексты или вникать в сложные реалии;
- хорошо справляются с гипертекстовой навигацией;
- им нравится учиться в игровой форме;
- чувствуют себя комфортно с цифровой идентичностью [17, с. 14].

Можно ли в быстро меняющемся цифровом мире обучать таких студентов на основе старых педагогических методик? Ответ напрашивается сам собой: если мы продолжим игнорировать новые тенденции, то будем говорить с «цифровыми аборигенами» на разных языках.

Образование как факт повседневности

Кажется очевидным, что на современном этапе образование должно поддерживаться цифровыми стратегиями. Это прекрасно понимают и на Западе, и в России. В нашей стране цифровая трансформация общества, включая сферу образования, рассматривается в качестве одной из приоритетных национальных целей развития. Это нашло отражение в ряде документов стратегического планирования: «Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года» (2019), «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» (2017), «Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» (2016), и др.

Однако ситуация последних лет, связанная с пандемией коронавируса, показала, что процесс цифровой трансформации общества далек от завершения, а сфера образования не готова к резкому переходу в дистанционный режим работы с опорой на цифровые технологии. Это касается как недостаточной технической оснащённости многих школ, средних и высших учебных заведений, так и специальной подготовки преподавателей

и некоторых категорий студентов. Перестраиваться с офлайн формата на онлайн формат в ситуации пандемии пришлось, что называется, «на ходу». В ходе этой перестройки произошло перемещение образовательного процесса из специально оборудованных для ведения занятий помещений в «дом» – квартиры, общежития и прочие не институализированные локусы, не приспособленные для ведения занятий в классическом формате. Однако на достаточно продолжительное время образование онлайн стало неотъемлемой частью нашей повседневности.

Согласно словарному определению под повседневностью следует понимать «процесс жизнедеятельности индивидов, развертывающийся в привычных общеизвестных ситуациях на базе самоочевидных ожиданий» [6, с. 340]. Соответственно культура повседневности может быть определена как «система регулятивной человеческой деятельности, несущей в себе аккумулированный опыт быта и нравов в пространстве обыденной жизни индивида» [7, с. 143]. В числе прочих характеристик повседневности словарь по культурологии называет «противопоставление общедоступных форм деятельности высшим специализированным ее формам» [6, с. 340]. Образование и представляет собой одну из высших специализированных форм, связанную с производством и передачей знания.

Налицо парадокс, который, применив удачное выражение А. В. Дроздовой, можно назвать ситуацией «набегания» одной реальности на другую. Как пишет автор, «изменившийся эффект «присутствия» человека в мире, его одновременная принадлежность сразу двум мирам – реальному (офлайновому) и цифровому (онлайновому) – означает не только повседневное проживание в них, но и ценностно-смысловой переход внешнего во внутреннее, индивидуального в массовое, частного в публичное. При этом специфика цифровой среды начинает приобретать признаки самостоятельной реальности, влияющей на виды человеческой деятельности и практики повседневности в офлайновой

среде» [1, с. 98]. Это «набегание» онлайн среды на офлайн среду сопровождается «набеганием» сферы производства специализированных форм знания на сферу быта.

Разумеется, обучение на дому было и раньше: выполнение школьных уроков, подготовка к семинарским занятиям в вузе, домашнее обучение по индивидуальной программе и т. д. Оригинальность возникшей ситуации состояла в *массовом* переходе на дистанционное обучение на дому, иначе говоря, в его перенесение в пространство обыденной жизни. Вообще говоря, «область образования связана с культурой повседневности на уровне определенного набора знаний, которыми должны, по принятым стандартам, обладать все члены общества» [14, с. 286]. Особенность пандемийного форс-мажора состояла в том, что стала производиться трансляция *специальных* знаний, осуществляться *профессиональная* подготовка будущих специалистов в онлайн формате, включающая не только лекционные и семинарские занятия, но и защиту выпускных квалификационных работ. И здесь наблюдается совпадение с одной из ведущих тенденций цифровой цивилизации – перенос процесса получения профессиональных знаний *за пределы* школьных или университетских локаций, «когда все больше и больше людей будут учиться там, где они хотят, и учиться тому, что им интересно; когда традиционные образовательные учреждения будут поставлены перед дилеммой: либо качественно измениться, либо исчезнуть» [17, р. 19]. В случае офлайн образования обучаемый обязан покинуть пределы своего обыденного комфорта и вырваться из мира повседневности, который снабжен бытовыми и прочими рутинными хлопотами, для погружения в другой мир опыта. Феноменологи-социологи (А. Шюц, А. Бергсон), хоть и не совсем исключали взаимосвязь между миром повседневности и миром знания, считая, что повседневность – это всё же неисчерпаемая область опыта, однако осознавали, что мир знания находится на некоем другом уровне и не совсем идентичен миру повседневности.

Британский экономист Дэниел Сасскинд утверждал, что классическое или консервативное образование должно быть переформатировано в аспекте ответов на три вопроса: «чему мы учим?», «как мы учим?» и «когда мы учим?» Фактически речь идет не только о методах обучения, но и о конечной миссии образования. Сасскинд подчеркивает иррациональность обучения тем профессиям и навыкам, которые, очевидно, скоро потеряют свою актуальность. В частности, освоение тех профессий, которые блестяще выполняет искусственный интеллект – это бессмысленное действие, которое только вредит как обывателю, так и прогрессивному развитию общества в целом. Но можно ли предсказать, какие профессии в ближайшем будущем освоят современные машины? Это практически невозможно. Второй вопрос в рамках исследования британского экономиста – «как мы учим?». Критикуя консервативный подход обучения и способ построения традиционной образовательной системы в современных ВУЗах, Д. Сасскинд отмечает, что на «наряду с изменением преподаваемого материала, мы должны изменить и то, как мы его преподаём» [9, с. 218]. Абсолютно очевидно, что исследователь отдаёт некую долю предпочтения дистанционному обучению по ряду причин. Во-первых, в рамках передовых мировых ВУЗов дистанционное обучение отличается своей доступностью и более низкими ценами на обучение. Автор опирается на курс компьютерных наук известного стэнфордского профессора Себастьяна Труна, которому удалось собрать 314 тысяч студентов на онлайн обучение. Конечно, далеко не каждому студенту удалось успешно завершить своё обучение в рамках онлайн-курса, но в качестве неоспоримого плюса автор приводит в пример экономическую выгоду и доступность обучения у одного из самых передовых профессоров по части компьютерных наук. Помимо этого, Д. Сасскинд отмечает – как плюс дистанционного обучения – международную интеграцию и возможность привлечения и раскрытия потенциальных ученых из разных стран. Тут

исследователь приводит в пример открытие всё того же профессора из стэнфордского университета: изначально свой курс по информатике Себастьян Трун читал для двухсот студентов стэнфордского университета, а после произвёл набор онлайн учеников по всему миру в количестве 160 тысяч человек. И самое удивительное в этой истории то, что среди онлайн-студентов лучший студент Стэнфорда занял 413 место в рейтинге! Здесь Д. Сасскинд приводит цитату Себастьяна Труна из статьи в журнале Vice: «Боже мой, на каждого выдающегося студента Стэнфорда приходится 412 удивительно выдающихся, даже лучших, студентов в мире» [20]. Здесь, безусловно, стоит согласиться с тем фактом, что благодаря современным технологиям и внедрению дистанционного обучения возросла перспектива получить хорошее образование потенциальным гениям по всему миру. Однако насколько перспективно дистанционное обучение для всех остальных студентов, которые, скорее всего, не встанут в один ряд с потенциальными гениями? Ответ однозначен.

В ситуации «текущей современности», когда человек должен пребывать в состоянии перманентного обучения, совсем не удивительно, что домашнее или дистанционное образование становится актуальным как никогда, ведь человек не может на протяжении всей своей жизни с периодичностью в 10 лет поступать заново в ВУЗ и обучаться новым актуальным профессиям, которые заменяют старые формы деятельности. Именно эта проблема как раз затрагивается Д. Сасскиндом в его заключительном вопросе – «когда мы учим?».

Пандемия COVID-19 столкнула человечество лицом к лицу с главными проблемами и вопросами об образовании, ведь подавляющее большинство стран было вынуждено перейти на дистанционный метод обучения, даже несмотря на некоторую несостоятельность в методах дистанционного опыта преподавания. Феномен масштабного перехода на сетевое пространство обучения вызвал шквал бурных обсуждений среди представителей гуманитарных наук. Абсолютно точно

можно обозначить некий разрыв шаблонов и возникшую проблему в связи с интеграцией образования в нашу обыденную жизнь. В связи с тем, что дистанционное обучение в условиях пандемии стало своего рода экспериментальной площадкой и прообразом всеобщей цифровизации образования, следует коротко рассмотреть его плюсы и минусы.

В качестве первого положительного момента следует указать на ускоренный переход к использованию цифровых технологий, освоения платформ для видеоконференцсвязи (Zoom, Microsoft Teams, Skype и др.), позволяющих проводить в онлайн формате учебные занятия, научные конференции и т. п. Быстроте, несомненно, способствовали уже имеющиеся технические знания и умения студентов, а также предпочтения, отдаваемые ими аудиовизуальным средствам коммуникации. Полученные навыки и компетенции и в будущей деятельности сыграют свою положительную роль.

Трудно не согласиться с А. В. Костиной в том, что «именно цифровые технологии и электронная информационно-образовательная среда в условиях функционирования вузов в «удаленном» формате в период пандемии стали для образовательных организаций единственной технологией, позволяющей реализовать учебные планы в полном объеме» [5, с. 53], не говоря уже о том, что режим самоизоляции позволил снизить распространение коронавируса.

Вместе с тем, неразрывно связанный с цифровизацией дистанционный формат образования обострил ряд проблем, которые давно уже находились в поле зрения научного и педагогического сообщества.

Изменения в функциях педагога

На протяжении многих веков педагог был главным, если не единственным, источником и передатчиком знаний. Сегодня в связи с появлением разнообразных источников информации эта функция отходит на второй план. А. М. Кондаков отмечает, что в связи с внедрением современных технологий авторитет

учителей в качестве неисчерпаемого ресурса информации претерпевает невероятный кризис. Сегодня роль транслятора информации на себя взял интернет и все устройства, которые к нему подключены. Бесперывный поток информации, беспрепятственный и мгновенный к ней доступ ставит под сомнение эффективность учителя как личности, которая обладает труднодоступной информацией. Теперь современный пользователь интернета может заменить своего учителя поисковиком, сидя дома на своём уютном диване. Обучаемому больше не нужно обращаться в школу или в университет для просвещения. Теперь достаточно включить Википедию и при помощи звукового помощника, который предусмотрен расширениями вашего браузера, «прочитать» интересующую его информацию.

Как отмечает С. Н. Жаров, классическая модель образованности, которая была ориентирована на постижение глубоких истин и смыслов, заменяется инструментальной моделью, ориентированной на получение не знания, а информации. Информация – это только одна из проекций знания, которое всегда связано с пониманием. В связи с этим явлением может актуализироваться новая роль учителя в современной образовательной системе, которая заключается в навигации студента или ученика в этом бесконечном потоке информации. Подобный поток непрерывной нефильтрованной информации, который постоянно транслируется молодому человеку через сеть интернет, немецкий футуролог Герд Леонгард называет «цифровым ожирением», которое способно погубить человека бессмысленной информацией. Именно здесь роль преподавателя в образе информационного навигатора особенно может быть актуальной.

Однако роль преподавателя в обновленной схеме предстает в новом свете: нарушен традиционный зрительный контакт со студентами, отныне физическое присутствие студентов заменяется компьютерным монитором и дематериализованными студентами; ведь цифровая эпоха как таковая отличается своей главной чертой – тотальной дематериализа-

ций, в том числе и людей. Подобный формат полностью изменяет привычный лекционный ритуал и лишает преподавателя уверенности в трансляции знания. Как отмечает профессор, современные студенты избегают прямых встреч с руководителем и предпочитают лишь электронные переписки, «[...] когда я спрашиваю «почему?», они отвечают, что хотят, чтобы их вопросы были сформулированы идеально для того, чтобы получить идеальный ответ... Но мы не такие. Это алгоритмический взгляд на жизнь» [18].

Нельзя не признать, что цифровизация и дистанционный формат приводят к нарушению важнейшего принципа образовательного процесса – единства обучения и воспитания. И если цифровое обучение теоретически возможно (хотя и в значительной степени ущербно из-за отсутствия эмоционального контакта с педагогом), то «цифровое воспитание» – это своего рода «квадратура круга».

Изменения в положении и функциях студента

В условиях дистанционного формата эффективность учебного процесса в значительной степени зависит от добросовестности студентов. Образование переносится на просторы самостоятельного познания. Но вряд ли современные студенты готовы к подобной ответственности, в первую очередь, перед самими собой. «Одомашнивание» образования имеет и другие негативные последствия. Например, легкодоступность информации и её мгновенное получение по запросу лишает студента способности трансформировать информацию в знание. По сиюминутной потребности он обращается за ответом в интернет, черпает какую-то информацию и успешно забывает о ней уже на следующий день. Мозг отказывается запоминать легкодоступную информацию, ведь зачем что-то нужно запоминать, если к этому можно обратиться в любую секунду при помощи гаджета? Однако этот факт не мешает активизироваться сторонниками деактуализации образования в качестве незаменимого блага. В связи с развитием современных техно-

логий скептицизм по отношению к образованию, как социальному институту, растёт. Возможно, отчасти это обусловлено тем, что многие видные представители в сфере IT преуспели в становлении своих стартапов, не окончив высшее учебное заведение; несмотря на всю парадоксальность, но такие личности как Илон Маск, Марк Цукерберг, Стив Джобс, Билл Гейтс и многие другие так и не получили дипломы о высшем образовании. Тем не менее нельзя сказать, что перечисленные люди когда-либо отрицали факт необходимости образования как такого. Однако меняются поколения, и вместе с ними их кумиры. Сегодня изобретатели реже становятся образцами подражания для современной молодёжи, в основном кумирами детей сейчас являются блоггеры. В первую очередь привлекательным для поколения Z становится то, что их кумиры-блоггеры – это всё те же представители поколения Z, которые, не имея высшего образования, уже добились определенного успеха. В связи с этим в глазах многих детей и студентов роль образования в «успешности» занимает всё более скромное место. Теперь не знания, обучаемость и хорошие отметки в приоритете у детей, студентов (и не только), а лайки и количество подписчиков. Показательным здесь становится тот факт, что бессмысленные ролики набирают миллиарды просмотров в рамках социальных сетей. Если можно стать популярным, богатым и успешным, демонстрируя видеоролики, которые не несут в себе никакой смысловой нагрузки, без образования, тогда зачем к нему серьёзно относиться?

Важно иметь в виду и еще одно обстоятельство. Обратной стороной предоставляемой цифровыми технологиями условной свободы является возможность тотального наблюдения, учета и контроля. При помощи цифровых технологий формируется матрица цифрового мира с тенденцией измерить и оцифровать все и вся. Как замечает М. Ширманова, «возникает опасность появления экзистенциальной зависимости от начисляемых баллов, места в рейтингах, восприятие и переживание их значимости для жизни и судьбы

человека, эмоциональное, а не разумное отношение к ним» [15, с. 121]. А это напрямую связано с подавлением самобытности человека и формированием у него не творческого, а «машинного» мышления.

Безусловно, образование на сегодняшний день, как и все сферы человеческой жизнедеятельности, претерпевает небывалые изменения в связи с массовым внедрением современных технологий. Цифровизация стала главной причиной модификационных процессов в современном обществе. Можно

отметить, что цифровые технологии позволяют компактно разместить образовательные процессы в рамках домашней обстановки и не требуют выхода за пределы мира повседневности. Предугадать перспективу и направление трансформации образовательной системы на сегодняшний день кажется невероятно сложной задачей, однако абсолютно очевидным становится тот факт, что человечество стало на тропу тотальных трансформаций, которые несомненно радикально затронут и преобразуют образовательную систему.

Список литературы

1. Дроздова А. В. Концептуализация повседневности в эпоху цифровой культуры // Вестник Гуманитарного университета. 2018. № 2 (21). С. 96–104.
2. Жаров С. Н. Образование в потоке перемен: что значит «знать» и какому знанию мы учим // Вестник Воронежского государственного университета. Серия проблемы высшего образования. 2017. №1. С. 42–47.
3. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура. Москва: ГУ ВШЭ. 2000. 608с.
4. Кондаков А.М., Костылева А.А. Цифровое образование: от школы для всех к школе для каждого // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Информатизация образования. 2019. Т. 16. № 4. С. 295–307.
5. Костина А. В. Цифровизация образования: что мы получаем и что теряем? // Знание. Понимание. Умение. 2021. № 1. С. 52–66.
6. Культурология. XX век. Словарь. Санкт-Петербург: Университетская книга. 1997. 640 с.
7. Кургузов П.В. Культура повседневности: к проблеме теоретического анализа феномена // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2014. С. 142–149.
8. Леонгард Г. Технологии против человека. Москва: Издательство АСТ. 2018. 320 с.
9. Сасскинд Д. Будущее без работы. Технологии, автоматизация и стоит ли их бояться / Пер. Яндекс. Переводчик (под ред. А. Дунаева). 2020. 352 с.
10. Тоффлер Э. Шок будущего/ пер с англ./ Москва: АСТ МОСКВА, 2008. 557 с.
11. Тоффлер Э. Третья волна. Москва.: Издательство АСТ. 1999. 261 с.
12. Фролова С. М., Листвина Е. В. Культура в эпоху цифровизации: социально-философское осмысление // Известия Саратовского университета. Новая серия. Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19. Вып. 4. 409 с.
13. Четверикова О. Как цифровой мир меняет человека [Электронный ресурс]. URL: <https://view-w.ru/2017/05/06/kak-cifrovoj-mirmenyaet-cheloveka/>.
14. Шапинская Е.Н. Образование в пространстве культуры повседневности // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 16 (811). С. 280–296.
15. Ширманова М. Цифровое общество: духовно-психологические аспекты // Будущее в настоящем: человеческое измерение цифровой эпохи: Материалы III Международной научной конференции «Гуманитарные Губкинские чтения». Ч. 2. Москва: Издательский центр Российского государственного университета нефти и газа имени И.М. Губкина. 2018. С. 111–116.

16. *Bauman Z.* (2002): *Modernidad líquida*. Barcelona: Paidós.
17. *Garcia Aretio L.* (2019). Necesidad de una educación digital en un mundo digital. *RIED. Revista Iberoamericana de Educación a Distancia*, 22(2), pp. 09-22. doi: [http:// dx.doi.org/10.5944/ried.22.2.23911](http://dx.doi.org/10.5944/ried.22.2.23911).
18. The Guardian/ Sherry Turkle: 'I am not anti-technology, I am proconversation' [Электронный ресурс]: https://www.theguardian.com/science/2015/oct/18/sherry-turkle-not-anti-technology-pro-conversation?CMP=fb_gu
19. *Chamorro T., y Frankiewicz, B.* (2019). Does Higher Education Still Prepare People for Jobs? *Harvard Business Review*. Recuperado de <https://hbr.org/2019/01/ does-higher-education-still-prepare-people-for-jobs>
20. *Laden T. M.* Werner Herzog Hacks the Horrors of Connectivity in “Lo and Behold” // *Creators on Vice.com*. 2016. 25 august
21. *Prensky M.* (2001) “Digital Natives, Digital Immigrants Part 1”, *On the Horizon*, Vol. 9 Issue: 5, pp. 1-6, doi:10.1108/10748120110424816 Permanent link to this document: <http://dx.doi.org/10.1108/10748120110424816>
22. *Reeves T., y Reeves P.* (2015). Educational Technology Research in a VUCA World. *Educational Technology*, 55(2), 26-30.
23. *Schwab K.* (2016). *La cuarta revolución industrial*. Barcelona: Penguin Random House
24. *Schwab K., y Davis N.* (2018). *Shaping the Future of the Fourth Industrial Revolution*. London: Penguin Books.
25. *Tapscott D.* (1998). *Growing up digital*, Nueva York: McGraw- Hill.
26. *White D. S., y Le Cornu A.* (2011). Visitors and Residents: A new typology for online engagement. *First Monday*, 16(9). World Bank (2019). *World Development Report 2019: The Changing Nature of Work*. Washington, DC: World Bank. doi: 10.1596/978-1-4648-1328-3.
27. *World Bank* (2019). *World Development Report 2019: the Changing Nature of Work*. Washington, DC: World Bank. doi: 10.1596/978-1-4648-1328-3.

References

1. Drozdova A. V. Conceptualization of everyday life in the era of digital culture // *Bulletin of the Humanitarian University*. 2018. No. 2 (21). pp. 96–104. (In Russ)
2. Zharov S. N. Education in the stream of changes: what does it mean to “know” and what kind of knowledge do we teach // *Bulletin of the Voronezh State University. A series of higher education problems*. 2017. No. 1. pp. 42–47. (In Russ)
3. Castells M. *Information Age: Economics, Society, Culture*. Moscow: State University Higher School of Economics. 2000. 608 p. (In Russ)
4. Kondakov A.M., Kostyleva A.A. Digital education: from school for all to school for everyone // *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Informatization of education*. 2019. V. 16. No. 4. pp. 295–307. (In Russ)
5. Kostina A. V. Digitalization of education: what do we gain and what do we lose? // *Knowledge. Understanding. Skill*. 2021. No. 1. pp. 52–66. (In Russ)
6. *Culturology. 20th century Dictionary*. St. Petersburg: University book. 1997. 640 p. (In Russ)
7. Kurguzov P.V. Culture of everyday life: to the problem of theoretical analysis of the phenomenon // *Problems of socio-economic development of Siberia*. 2014 pp. 142–149. (In Russ)
8. Leonhard G. *Technology against man*. Moscow: AST Publishing House. 2018. 320 p. (In Russ)
9. Susskind D. The future without work. Technology, automation and whether to be afraid of them / Per. Yandex. Translator (under the editorship of A. Dunaev) /. 2020. 352 p. (In Russ)
10. Toffler E. *Future shock* / translated from English / Moscow: AST MOSCOW. 2008. 557p.

11. Toffler E. *The Third Wave*. Moscow: ACT Publishing House. 1999. 261 p. (In Russ)
12. Frolova S. M., Listvina E. V. Culture in the era of digitalization: socio-philosophical reflection // *Bulletin of the Saratov University. New series. Philosophy. Psychology. Pedagogy*. 2019. Vol. 19. Issue. 4. 409 p. (In Russ)
13. Chetverikova O. How the digital world changes a person [Electronic resource]. URL: <https://view-w.ru/2017/05/06/kak-cifrovoj-mirmenyaet-cheloveka/>. (In Russ)
14. Shapinskaya E.N. Education in the space of culture of everyday life // *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanitarian sciences*. 2018. Issue. 16 (811). pp. 280–296. (In Russ)
15. Shirmanova M. Digital society: spiritual and psychological aspects // *The future in the present: the human dimension of the digital era: Proceedings of the III International Scientific Conference “Gubkin’s Humanitarian Readings”*. Part 2. Moscow: Publishing Center of the Russian State University of Oil and Gas named after I.M. Gubkin. 2018, pp. 111–116. (In Russ)
16. Bauman Z. (2002): *Modernidad líquida*. Barcelona: Paidós.
17. Garcia Aretio L. (2019). Necesidad de una educación digital en un mundo digital. *RIED. Revista Iberoamericana de Educación a Distancia*, 22(2), pp. 09-22. doi: [http:// dx.doi.org/10.5944/ried.22.2.23911](http://dx.doi.org/10.5944/ried.22.2.23911).
18. The Guardian/ Sherry Turkle: ‘I am not anti-technology, I am proconversation’ [Electronic resource]: https://www.theguardian.com/science/2015/oct/18/sherry-turkle-not-anti-technology-pro-conversation?CMP=fb_gu
19. Chamorro, T., y Frankiewicz, B. (2019). Does Higher Education Still Prepare People for Jobs? *Harvard Business Review*. Recuperado de <https://hbr.org/2019/01/does-higher-education-still-prepare-people-for-jobs>
20. Laden T. M. Werner Herzog Hacks the Horrors of Connectivity in “Lo and Behold” // *Creators on Vice.com*. 2016. 25 august
21. Prensky, M. (2001) “Digital Natives, Digital Immigrants Part 1”, *On the Horizon*, Vol. 9 Issue: 5, pp. 1-6, doi: 10.1108/10748120110424816 Permanent link to this document: <http://dx.doi.org/10.1108/10748120110424816>
22. Reeves, T., y Reeves, P. (2015). Educational Technology Research in a VUCA World. *Educational Technology*, 55(2), pp. 26-30.
23. Schwab, K. (2016). *La cuarta revolución industrial*. Barcelona: Penguin Random House
24. Schwab, K., y Davis, N. (2018). *Shaping the Future of the Fourth Industrial Revolution*. London: Penguin Books.
25. Tapscott, D. (1998). *Growing up digital*, Nueva York: McGraw- Hill.
26. White, D. S., y Le Cornu. A. (2011). Visitors and Residents: A new typology for online engagement. *First Monday*, 16(9). World Bank (2019). *World Development Report 2019: The Changing Nature of Work*. Washington, DC: World Bank. doi: 10.1596/978-1-4648-1328-3.
27. World Bank (2019). *World Development Report 2019: the Changing Nature of Work*. Washington, DC: World Bank. doi: 10.1596/978-1-4648-1328-3.

*

Поступила в редакцию 26.05.2022

ФОРМИРОВАНИЕ IP-КУЛЬТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ, ОПЫТ, АКТУАЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ

УДК 374.7 : 608

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-3107-122-133>

Н. В. Лопатина

Московский государственный институт культуры, Федеральный институт промышленной собственности, РФ
e-mail: dreitser@yandex.ru

Ю. В. Рыбакова

Московский государственный институт культуры, Федеральный институт промышленной собственности, РФ
e-mail: rybakova.julia@rambler.ru

Аннотация: Статья посвящена концепту IP-культуры как системы характеристик и компетенций, определяющих поведение и активность в сфере интеллектуальной собственности. IP-культура как компонент национальной инновационной среды. Представлены результаты теоретико-методологической разработки понятия IP-культуры, дано определение понятия, проведена его декомпозиция. Обоснован расширительный подход к пониманию субъекта IP-культуры и её трактовке как комплексной компетентности. Выдвинута гипотеза о результативности формирования IP-культуры в педагогическом и просветительском процессах с учётом дифференцированного подхода к её субъектам. Разработано понимание IP-культуры как педагогического и просветительского ориентира. Сформулированы сущностная специфика IP-просвещения как педагогического процесса. Проведен анализ доказательных практик в формировании IP-культуры населения. Определены актуальные задачи теоретической и прикладной разработки IP-культуры в предметном поле наук об образовании.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, IP-культура, IP-просвещение, образование в сфере интеллектуальной собственности.

Для цитирования: Лопатина Н.В., Рыбакова Ю.В. Формирование IP-культуры населения: концептуальные основания, опыт, актуальные задачи // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. №3 (107). С. 122-133. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-3107-122-133>

ЛОПАТИНА НАТАЛЬЯ ВИКТОРОВНА – заведующий кафедрой библиотечно-информационных наук Московского государственного института культуры, ведущий научный сотрудник Федерального института промышленной собственности

РЫБАКОВА ЮЛИЯ ВАЛЕРЬЕВНА – заместитель начальника научно-образовательного центра Федерального института промышленной собственности, соискатель кафедры библиотечно-информационных наук Московского государственного института культуры

LOPATINA NATALIA VIKTOROVNA – Head of the Department of Library and Information Sciences of the Moscow State Institute of Culture, Leading Researcher at the Federal Institute of Industrial Property

RYBAKOVA YULIA VALERYEVNA – Deputy Head of the Scientific and Educational Center of the Federal Institute of Industrial Property, Candidate of the Department of Library and Information Sciences of the Moscow State Institute of Culture

© Lopatina N.V., Rybakova Yu.V., 2022

FORMATION OF THE IP CULTURE OF THE POPULATION: CONCEPTUAL FOUNDATIONS, EXPERIENCE, ACTUAL TASKS

Natalia V. Lopatina

Moscow State Institute of Culture, Federal Institute of Industrial Property, RF
e-mail: dreitsler@yandex.ru

Yulia V. Rybakova

Moscow State Institute of Culture, Federal Institute of Industrial Property, RF
e-mail: rybakova.julia@rambler.ru

Abstract: The article is devoted to the concept of IP culture as a system of characteristics and competencies that determine behavior and activity in the field of intellectual property. IP culture as a component of the national innovation environment. The results of theoretical and methodological development of the concept of IP culture are presented, the definition of the concept is given, its decomposition is carried out. An expansive approach to understanding the subject of IP culture and its interpretation as a complex competence is substantiated. A hypothesis is put forward about the effectiveness of the formation of IP culture in pedagogical and educational processes, taking into account a differentiated approach to its subjects. The understanding of IP culture as a pedagogical and educational reference point has been developed. The essential specifics of IP education as a pedagogical process are formulated. The analysis of evidence-based practices in the formation of the IP culture of the population is carried out. The actual tasks of theoretical and applied development of IP culture in the subject field of education sciences are determined.

Keywords: intellectual property, IP culture, IP education, education in the field of intellectual property.

For citation: Lopatina N.V., Rybakova Yu.V. Formation of the IP culture of the population: conceptual foundations, experience, actual tasks. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2022, no. 3 (107), pp. 122-133. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-3107-122-133>

Введение

В числе приоритетных задач развития России в настоящий момент особое значение имеет усиление способности страны обеспечивать производство продукции и благ в качестве и количестве, необходимом населению, на основе отечественных инновационных разработок. Именно это составляет содержание понятий технологической независимости и интеллектуального суверенитета как основы экономической системы нового типа. Вместе с тем, результативность выбранного курса экономического развития определяется готовностью всего общества к выведению на позиции ключевого ресурса результатов интеллектуальной деятельно-

сти, которые берутся под правовую охрану государства.

Принципиальное значение для достижения этого ориентира имеют, во-первых, повышение инновационной активности населения (увеличение коэффициента изобретательской активности – числа отечественных патентных заявок на изобретения, поданных в России, в расчете на 10 тыс. человек населения); во-вторых, создание и реализация благоприятной инновационной среды, которая предполагает защиту интересов и прав субъектов интеллектуальной деятельности, поддержку их изобретательской и патентной активности как государством, так и обществом в целом.

В данном случае, в первую очередь, речь идёт о том, что «...государство призвано поддерживать «неустойчивое равновесие» между правами человека и интересами общества ... Государство, охраняя «скорлупу собственности», может и должно способствовать созданию условий для занятия творческим трудом, интеллектуальному расцвету общества» [5]. Однако помимо формальных норм и инструментов государственного управления высока значимость одобрения и поддержки социальным окружением людей, интеллектуальная деятельность которых направлена на поиск инновационных решений в преобразовании окружающего пространства и улучшения качества жизни. Это определяет актуальность и востребованность концепта IP-культуры как условия и компонента социализации, как базовой характеристики современного участника экономических и информационных процессов, как важного компонента национальной инновационной среды.

IP-культура: теоретико-методологическая разработка нового понятия

IP-культура (intellectual property culture, характеристики личности, проявляющиеся в рамках института интеллектуальной собственности) – понятие, которое введено в социальные практики Всемирной организацией интеллектуальной собственности (ВОИС, WIPO) в качестве проектируемого результата просвещения широких кругов населения в области интеллектуальной собственности. Однако разработка данного понятия в теоретическом ключе не предпринималась, что может быть объяснено трудностями методологической коммуникации экономики, социального управления, наук о культуре, педагогических наук.

Вместе с тем, в современных деловых коммуникациях мы встречаем не только упоминание IP-культуры в соответствующих тематических контекстах, но и попытки разделить содержание используемого понятия. Например, в [13] IP-культура представлена как «совокупность правил и норм поведения,

принятых в обществе, касающихся создания, использования и защиты объектов интеллектуальной собственности, а также признания и защиты прав создателей и правообладателей результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации». Авторы этого источника дифференцируют «культуру создания объектов, культуру управления и культуру использования результатов творческого труда других лиц» [13]. Данному опыту дефиниции присуща эклектичность в выборе методологической установки. С одной стороны, мы видим проявления социологического подхода в определении IP-культуры через соотнесение с системой ценностей и норм. С другой, экспликации данного понятия, представленные авторами («основные постулаты IP-культуры»: признание, уважение, поощрение, сохранение [13]), соотносятся с разработками антропологических направлений в культурологии и выведением человека во главу эпистемы. Вместе с тем оба подхода вполне обоснованно могут коммуницировать в методологическом поле.

Интересным решением этого противоречия, возникающего в ходе методологического поиска, выступает декомпозиция понятия. Например, в [7] вводится понятие «культура управления интеллектуальной собственностью», в основе которой – система ценностных ориентаций организаций, занятых интеллектуальной и инновационной деятельностью. [7] Вместе с тем автор этого понятия акцентирует внимание на роли кадров в его реализации («кадровые проблемы», которые очень полно раскрываются в данной работе [7]).

Методологический поиск содержания понятия IP-культура представляет сегодня актуальное и перспективное направление исследований и разработок в системе наук о культуре, расширяющих понимание собственных возможностей в практико-ориентированном проектировании современных экономических и правовых институций, правовых и экономических компетенций в аспекте института интеллектуальной собственности. Рассматривая в данном ключе концепт IP-культуры, мы предлагаем разделить данное понятие, форми-

руемое в русле антропологических приоритетов культурологии, и четко формулируемое понятие национальной инновационной системы, введенное в 1987 г. К. Фрименом [19] и разработанное в отечественной науке Л. М. Гохбергом [3], Н. И. Ивановой [4], Е. Н. Савиной [16]. Для целей проводимого исследования эвристичным выступает определение национальной инновационной системы, данное в [10]: «совокупность субъектов и институтов, деятельность которых направлена на осуществление и поддержку в осуществлении инновационной деятельности и системы отношений, которые складываются в системе создания, защиты, оборота, потребления реальным сектором экономики результатов интеллектуальной деятельности (объектов интеллектуальной собственности)». Такое решение позволяет сконцентрировать усилия на микро-уровнях IP-культуры как компонента личности и, следовательно, ставить вопрос о возможности целенаправленного влияния на него педагогическими и социально-информационными инструментами.

Теоретическое конструирование IP-культуры предусматривает синергию научного знания об экономическом и правовом поведении представителей различных социальных групп; о характере и механизмах интеллектуальной и инновационной деятельности; о компетенциях их субъектов, о содержании характеристик их личностей, проявляющихся в разнообразии ролевых цепочек и ситуативных комплексов в рамках института интеллектуальной собственности, а также – о возможности их целенаправленного формирования, развития и социальной коррекции. На сегодняшний день решение этой теоретической задачи опирается в отсутствие методологической платформы, отвечающей конкретным целям и позволяющей синтезировать инструментарий социального управления и формирования компонентов культуры личности, связанных с научно-техническим творчеством, с участием в современной экономике в качестве потребителя, активно-деятельного субъекта, стейкхолдера.

Несмотря на вышесказанное, мы хотели бы в этой работе предложить рабочую дефиницию понятия, построенную в русле методологического решения, представленного в одной из наших предыдущих публикаций на эту тему (Монастырский Д. В., Лопатина Н. В., Рыбакова Ю. В. Модельная программа формирования IP-культуры библиотечных специалистов // Культура: теория и практика. 2022. № 3), с целью расширительного подхода к пониманию субъекта IP-культуры и её трактовки как комплексной компетентности. Предлагаемый нами подход выводит понимание IP-культуры за привычные рамки просветительских программ ВОИС и добавляет к компетентностным ориентирам (готовность к осуществлению конкретных правовых и экономических действий) все базовые компоненты культуры личности: информационно-когнитивный, аксиологический, коммуникативный, рефлексивно-деятельностный.

Таким образом, IP-культура определяется в данной работе как комплексная характеристика личности, включающая: базовые компетенции в сфере интеллектуальной собственности и готовность к их применению в собственных творческих, интеллектуальных и потребительских практиках; понимание ценности интеллектуальной деятельности и научно-технического творчества, реализацию механизмов правового регулирования и коммерциализации интеллектуальной собственности, типовые модели поведения в процессе создания и оборота интеллектуальной собственности, позитивный эмоциональный компонент потребления результатов интеллектуальной деятельности.

IP-культура как педагогический и просветительский ориентир

Рассматривая IP-культуру в ракурсе преобразующих приоритетов, можно выдвинуть гипотезу о результативности её формирования в педагогическом и просветительском процессах на базе программ, разработанных с учётом дифференцированного подхода к её субъектам. Именно субъектная целесообраз-

ность, выстраиваемая в русле деятельностного подхода, определяет содержание и методический инструментарий этих программ и, в первую очередь, выбор педагогической или просветительской направленности.

Педагогическая направленность предполагает системное формирование IP-культуры и её отдельных компонентов в структуре непрерывного образования в сфере интеллектуальной собственности. Основные компоненты непрерывного образования в данной сфере обозначены в [8]: «формирование элементарных компетенций в области интеллектуальной собственности в рамках образовательных программ среднего образования и образовательно-просветительских проектов для детей и молодёжи; высшее профессиональное образование в сфере интеллектуальной собственности; формирование компетенций в области интеллектуальной собственности у будущих специалистов в областях, реализующих инновационные процессы, научные исследования и разработки, техническое творчество; дополнительное профессиональное образование в области интеллектуальной собственности; образование и просвещение в области интеллектуальной собственности для различных групп населения». [8]

Особенность проектов формирования IP-культуры педагогической направленности заключается в формировании готовности к применению полученных знаний, умений, навыков, взглядов, реакций в различных формах деятельности человека, которые так или иначе связаны с интеллектуальной собственностью, интеллектуальной и инновационной деятельностью и оборотом их результатов в экономике и социокультурной сфере.

IP-просвещение представляет собой процесс формирования IP-культуры (как комплекса или её отдельных составляющих) в качестве добавленного компонента (компонентов) к общекультурным и профессиональным компетенциям.

С точки зрения направленности социально-информационного воздействия отличие IP-просвещения от образования заключается,

во-первых, в отсутствии обязательного системного характера результата: не ставится задача обязательного формирования системных представлений о сфере интеллектуальной собственности, достаточных для осуществления самостоятельных, профессионально ориентированных действий. Результатом программ IP-просвещения могут быть как системные, так и разрозненные, не подлежащие системной интеграции представления, знания, взгляды, навыки, интересы, отношений различного содержания и различной степени глубины, устойчивости – от элементарных до базовых или системных и «продвинутых». Во-вторых, в вариативности практической ориентации – как на уровне профессиональной деятельности, так и на уровне иных форм активности человека. Сформированные элементы IP-культуры могут иметь практический выход в форме применения полученных знаний или навыков для решения возникающих задач, связанных с интеллектуальной собственностью, или для понимания ряда социально-экономических процессов, в форме мотивации к инновационной деятельности и т. д. В то же время они могут быть просто интегрированы в общий кругозор и реализовываться в форме положительного отношения и реакций, аккумулируя дружественную социокультурную среду для инновационной активности.

С точки зрения организации IP-просвещения, отличия заключаются в отсутствии системного характера процессов формирования IP-культуры и возможности фрагментарной декомпозиции в зависимости от целеполагания, дифференцированного подхода к аудитории, условий, ресурсов. Это могут быть как комплексные программы с альтернативными траекториями, так и отдельные мероприятия или системы мероприятия, которые не предполагают обязательного освоения в заданной линейной последовательности. Это может быть специальным образом организованная информационная среда, ресурсы и сервисы которой формируют IP-культуру или её отдельные компоненты без применения элементов субъект-субъектной коммуни-

кации, с помощью книг и иных публикаций, специализированного сетевого контента.

Принципиальное отличие педагогических и просветительских программ формирования IP-культуры от решения задач воспроизводства кадров, обладающих компетенциями в сфере интеллектуальной собственности, заключается в достижении как информационно-когнитивных результатов (знаний, умения, навыков, понимания), так и аксиологических, коммуникативных, рефлексивно-деятельностных результатов. Это позволяет не только сформировать пул специалистов и креативных акторов научно-технического творчества, способных на базовых уровнях управлять интеллектуальной собственностью, но и построить среду, благоприятную для инновационного роста, мотивирующую изобретательскую активность, дружественную для развития института интеллектуальной собственности в современных политических и экономических условиях.

Анализ доказательных практик в формировании IP-культуры населения

Выдвинутая в данной статье гипотеза о результативности формирования IP-культуры посредством педагогических и просветительских программ опирается на доказательные практики, сформированные деятельностью специализированных организационных структур международного, межгосударственного и национального уровней. Следует отметить, что реализуемые ими программы масштабируемы и могут быть адаптированы к организационным структурам различного уровня, целевые ориентиры которых связаны с формированием IP-культуры.

Лидером целенаправленного социокультурного проектирования, связанного с инновационной и интеллектуальной деятельностью, выступает Всемирная организация интеллектуальной собственности, в структуре которой функционирует Академия ВОИС [1], делающая акцент на подготовке кадров для сферы интеллектуальной собственности и укрепления профессиональной IP-культуры

представителей органов государственного управления, непосредственно изобретателей и авторов, представителей малого и среднего бизнеса, студентов. Вместе с тем, наряду с образовательными программами по повышению профессиональных компетенций, связанных с интеллектуальной собственностью, ВОИС ведет активные разработки инструментов формирования культуры уважения к интеллектуальной собственности посредством повышения осведомленности о соблюдении прав интеллектуальной собственности. Линейка этих инструментов включает издания от просветительской продукции для детей 9–15 лет (комиксы, анимационная продукция, иллюстрированные буклеты, объясняющие ключевые концепции на примерах, близких детям и «встроенных» в возрастные культурные и информационные практики) до модельных коммуникационных кампаний ведомств по интеллектуальной собственности, а также информационно-просветительской продукции для широкой аудитории вне дифференцированного подхода [14,21]. Анализ просветительской деятельности позволяет говорить о продуманности лингвистических средств представляемого контента, о системе дидактических средств и о соблюдении принципа наглядности, об открытом характере создаваемых цифровых ресурсов.

Заданный вектор определяет просветительскую политику на национальном уровне, которая повторяет методологию и структуры, транслируемые международными патентными ведомствами. Например, большинство национальных патентных ведомств, нацеленных на формирование навыков изобретательства и IP-культуру школьников реализуют или поддерживают специализированные проекты: летние программы, информационные ресурсы и т. п. Сегодня во всем мире особое внимание уделяется поддержке процессов регионализации и локальных сообществ. В данном случае на уровень доказательной практики выводится программа, реализуемая патентным ведомством Корейской Республики совместно с Ассоциацией содействия изобретениям,

под названием «Одна деревня – один бренд» (“One village One brand”) [20] по развитию и использованию брендов среди различных групп населения (фермеров, производителей, организаций или потенциальных групп производителей, проживающих в наименее развитых регионах). Исследование образовательных и просветительских практик стран с переходной экономикой, представленное в работе Е. В. Королевой и М. Г. Ивановой [6], показывает, что одна из ключевых проблем в сфере интеллектуальной собственности связана именно с недостаточностью знаний и понимания этого института у широкой общественности.

Анализ организационных форматов проектов, связанных с формированием IP-культуры, показывает, что приоритетные установки базируются на дифференцированном подходе к работе с разнообразием целевых групп, системностью и целенаправленностью реализуемых действий на основе специализированных организационных структур, которые аккумулируют наилучшие разработки и кадры в сфере образования в области интеллектуальной собственности.

Вместе с тем, как и в других секторах неформального образования и просвещения, в сфере интеллектуальной собственности наибольшее количество подобных проектов нацелено на детскую и молодежную аудиторию как наиболее доступную с точки зрения педагогического и социально-информационного воздействия. Несмотря на то, что в системе педагогических ориентиров основных образовательных программ современной российской школы отсутствуют элементарные IP-компетенции, на сегодняшний день реализовано и реализуется множество проектов, направленных на усвоение школьниками оптимальных типовых моделей поведения в отношении интеллектуальной собственности. Следует отметить, что в основе этих проектов не только различные формы внеурочной активности подрастающего поколения, но и специализированная информационная продукция, в том числе и интерактивная, от-

вечающая задачам формирования IP-культуры [2,9,18], создаваемая различными акторами.

Особое внимание следует уделить доказательным практикам в области IP-просвещения, сформированным библиотеками. Современная библиотека обладает всеми необходимыми возможностями для целесообразной IP-просвещения конвергенции профессиональных и публичных коммуникативных практик в реальном и цифровом форматах, в том числе, для информационного обеспечения самообразования, консалтинговых и экспертных услуг (модель «знания» и «люди» в едином «месте» [11]). Например, опыт Лондонского центра интеллектуальной собственности и поддержки бизнеса (Business & IP Centre), работающего на базе Британской библиотеки, который был представлен в [11]. Образовательные и просветительские проекты Центра ориентированы не только на компетентностное развитие и формирование осведомленности по существу права интеллектуальной собственности, но и решают задачи продвижения идей и инновационных разработок широким кругам населения и стейкхолдерам.

Актуальные задачи теоретической и прикладной разработки IP-культуры в предметном поле наук об образовании

Анализ опыта образования и просвещения в области интеллектуальной собственности [12] доказательно подтверждает обусловленность увеличения инновационно активного населения, эффективности национальной инновационной среды системой целенаправленных действий по повышению IP-культуры населения и развитию компетенций в сфере интеллектуальной собственности. Вместе с тем, глобальные и локальные вызовы в условиях экономических и политических трансформаций актуализируют исследования и разработки IP-культуры в предметном поле наук о культуре. Попробуем рассмотреть теоретические и прикладные задачи, которые требуют особого внимания.

Круг теоретических задач определяется, в первую очередь, неразработанностью научных проблем, связанных с методологическими, организационно-педагогическими, дидактическими и технологическими основами социально-значимых просветительских программ. В данном случае речь идет о необходимости укрепления теоретико-методологического арсенала просвещения, выходящего за рамки представляемого в данной статье тематического поля. В рамках же IP-просвещения и формирования IP-культуры в неспецифических социальных практиках традиционные для педагогических исследований теоретические задачи требуют развития методологии. Например, применения деятельностного подхода, когда дифференциация просветительского инструментария строится не только по линии «профессиональная деятельность – непрофессиональная деятельность», но и по линии «изобретательская/креативная/инновационная деятельность – потребительская деятельность», так как каждый из перечисленных видов деятельности включает IP-культуру.

Одной из интересных теоретических задач является социологическая концептуализация IP-культуры с целью изучения и проектирования системы социальных отношений в сфере интеллектуальной собственности. Для системных решений в области IP-просвещения принципиальную значимость имеет понимание факторов детерминации поведения различных социальных групп в креативном и потребительском ракурсе, моделирование и анализ рисков конфликта интересов, возможных деструктивных действий отдельных заинтересованных лиц в процессе оборота интеллектуальной собственности в обществе (например, «цифровое пиратство», «патентное рейдерство» и «патентный троллинг» [15]) и т. д.

В числе теоретических задач, подлежащих разработке, особое внимание следует уделить реализации компетентностного подхода в IP-просвещении и инструментам проектирования его декомпозиций для конкретизации

результата педагогического и социально-информационного воздействия. Проведенные ранее исследования [17] позволяют говорить о неоднородности уровня сформированности элементов IP-культуры у представителей различных социальных групп в проекции их готовности к участию в реализации отдельных трудовых, креативных или потребительских действий. Это определяет дифференцированные решения в проектировании просветительских проектов, но требует разработки оснований идентификации целевых аудиторий.

Постановка практико-ориентированных научных задач базируется на анализе целевых ориентиров и выявлении условий их рационального и эффективного достижения. Исходя из этого, определяются направления исследований и разработок, результатом которых должны стать новые, научно-обоснованные и апробированные педагогические и социально-информационные инструменты.

Анализ представленных выше примеров образовательной и просветительной деятельности международных и зарубежных патентных ведомств и организаций указывает на нацеленность на расширение целевых аудиторий, поиск новых форматов продвижения знаний в области интеллектуальной собственности и формирования IP-культуры. В этой связи значимость приобретают, во-первых, информационно-аналитические исследования материалов, раскрывающих методологию, содержание и методику разноуровневых программ в области формирования IP-культуры населения, для определения социальной и экономической эффективности комплексных решений и их отдельных элементов, для выявления наиболее результативных и реконструкции механизмов просветительского воздействия; во-вторых, актуализация представлений о целевых аудиториях IP-просвещения на основе социометрических и экономических данных, характеризующих современную ситуацию. (Расширение целевых аудиторий требует, с одной стороны, разработки методики определения социальных групп, развитие IP-культуры которых может быть условием

совершенствования национальной инновационной среды, с другой стороны, многоаспектного изучения роли конкретной социальной группы в сфере интеллектуальной собственности, с третьей стороны, разработки дифференцированного инструментария работы с конкретной целевой аудиторией); в-третьих, изучения и разработки новых форматов IP-просвещения на основе современных цифровых решений, в том числе, на базе образовательных платформ, что ставит задачу изучения их педагогической эффективности в рамках просветительских проектов.

Учитывая тот факт, что в России программы IP-просвещения являются единичными, разрозненными и носят ситуативный характер, приобретает актуальность разработка системной, научно обоснованной программы формирования IP-культуры населения России, построенной на эффективных педагогических, просветительских и иных социально-информационных инструментах, отвечающих требованиям и вызовам цифровой экономики.

В число актуальных практико-ориентированных задач целесообразно включить разработку модельного содержания и методики программ формирования IP-культуры для приоритетных целевых аудиторий, к которым в настоящий период времени можно отнести:

- 1) просветительские программы для социальных групп, обладающих реальным или перспективным участием в процессах обращения интеллектуальной собственности;
- 2) программы стимулирования инновационной и интеллектуальной активности молодёжи и формирования у будущих поколений потребности в творчестве и изобретательстве;
- 3) программы повышения квалификации кадров, занятых просветительской деятельностью.

Основной целевой ориентир таких программ – формирование их готовности к распространению в широких кругах населения

базовых знаний в области интеллектуальной собственности, элементарных потребительских IP-компетенций и формирование социального окружения, адекватного задачам развития института интеллектуальной собственности в условиях цифровой экономики.

Выводы

Подводя итоги сказанному выше, можно говорить о целесообразности формирования нового предметного поля, связанного с изучением в русле наук об образовании и наук о культуре нового объекта – IP-культуры – характеристик личности, проявляющихся и определяющих поведение человека в структуре общественных отношений, возникающих в сфере интеллектуальной собственности. Современная экономическая повестка актуализирует задачи формирования IP-культуры населения как условия эффективной реализации прав интеллектуальной собственности, повышение изобретательской и иных форм творческой активности представителей различных социальных групп. Анализ образовательных и просветительских практик в сфере интеллектуальной собственности позволяет говорить об их позитивном влиянии на результат решения социально-экономических задач государства, между тем на сегодняшний день проблематики и инструментарий IP-просвещения теоретически не разработаны, в связи с чем сложно обеспечить наукоёмкое социокультурное проектирование.

Формирование IP-культуры требует системного понимания проектируемого педагогического результата, который сочетает информационно-когнитивные (знания, умения, навыки, понимание), аксиологические, коммуникативные, рефлексивно-деятельностные компоненты. Построение эффективной системы IP-просвещения требует дальнейших исследований и разработок IP-культуры в предметном поле педагогики в русле деятельностного, компетентностного и социологического подходов. Круг приклад-

ных задач направлен на выработку научно-обоснованного инструментария формирования IP-культуры у приоритетных целевых

аудиторий и у широких кругов населения для достижения ключевых ориентиров развития института интеллектуальной собственности.

Список литературы

1. Академия ВОИС // Всемирная организация интеллектуальной собственности [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wipo.int/academy/ru/>
2. Буду изобретать! Для школьников и их родителей. Учебное пособие для школьников по вопросам интеллектуальной собственности и изобретательской деятельности / под ред. проф. Е. Л. Богдановой, проф. Т. Г. Максимовой. Санкт-Петербург, 2019. 94 с.
3. *Гохберг Л. М.* Национальная инновационная система России в условиях «новой экономики» // Вопросы экономики. 2003, № 3. С. 26–44.
4. *Иванова Н. И.* Национальные инновационные системы / Рос. акад. наук. Институт мировой экономики и международных отношений. Москва: Наука, 2002. 243 с.
5. *Иванова М. Г.* Роль государства в формировании системы интеллектуальной собственности в России в современных условиях // Социология власти. 2007. № 6. С. 61–68.
6. *Королева Е. В., Иванова М. Г.* Обучение в области интеллектуальной собственности в странах с переходной экономикой // Инновации. 2021. № 6. С. 107–112.
7. *Кошелева Ю. П.* Создание культуры управления интеллектуальной собственностью // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2017. № 1 (13). С. 21–29.
8. Методические рекомендации по построению системы непрерывного образования в сфере интеллектуальной собственности / Под науч. ред. О. П. Неретина, сост. Н. В. Лопатина, Е. А. Томашевская. Москва: Федеральный институт промышленной собственности. 2022. 53 с.
9. *Невзоров И.* Интеллектуальная собственность для детей и их родителей... на время летних каникул [Электронный ресурс] // Закон.ру: первая социальная сеть для юристов. 2020. URL: https://zakon.ru/blog/2020/07/02/intellektualnaya_sobstvennost_dlya_detej_i_ih_roditelej_na_vremya летних_kanikul
10. *Неретин О. П.* Интеллектуальный суверенитет экономики России. М.: Федеральный институт промышленной собственности. 2022. 232 с.
11. *Неретин О. П.* Информационная поддержка инновационной деятельности в регионе: возможности библиотек / Н. В. Лопатина, Ю. С. Зубов, О. П. Неретин // Научные и технические библиотеки. 2018, № 3. С. 5–15.
12. *Неретин О. П.* Кадровый потенциал сферы интеллектуальной собственности: изучение, развитие, управление / О. П. Неретин, Н. В. Лопатина, Е. А. Томашевская; Федеральный институт промышленной собственности. Москва: Федеральный институт промышленной собственности., 2020. – 282 с.
13. *Плясунова О.* IP культура в современном мире – совершенствование, интеграция и обратная связь [Электронный ресурс]. Зуйков и партнеры. URL: <https://zuykov.com/ru/about/articles/ip-kultura-v-sovremennom-mire-sovershenstvovanie-i/>
14. Публикации для молодежи и школ (Всемирная организация интеллектуальной собственности) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wipo.int/publications/ru/youth.html>
15. *Румянцева А. В., Мешков С. А.* Специфика рейдерства в сфере интеллектуальной собственности // Социально-экономические явления и процессы. 2014, № 1. С. 86–90.
16. *Савина Е. Н.* Государственное регулирование национальной инновационной системы: автореферат дис. ... кандидата экономических наук. Санкт-Петербург, 2009. 22 с.

17. Совершенствование непрерывного образования в системе подготовки кадров в сфере интеллектуальной собственности на современном этапе: Отчет о научно-исследовательской работе. Москва: ФИПС. 2021. 293 с.
18. Claims: Youtube-канал [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/c/CLAIMS_IP/about
19. Freeman C., Technology Policy and Economic Performance: Lessons from Japan. London: Frances Pinter, 1987.
20. One Village One Brand [Электронный ресурс] // КИПО. URL: https://www.kipo.go.kr/en/HtmlApp?p?c=91018&catmenu=ek02_04_04
21. Spreading the message, building respect: A selection of IP awareness-raising tools [Электронный ресурс]. / WIPO. URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_brochure_brip_2018.pdf

References

1. WIPO Academy // World Intellectual Property Organization [website]. URL: <https://www.wipo.int/academy/ru/> (In Russ.).
2. I will invent! For schoolchildren and their parents. Textbook for schoolchildren on intellectual property and inventive activity / edited by prof. E. L. Bogdanova, prof. T. G. Maksimova. St. Petersburg, 2019.– 94 p. (In Russ.).
3. Gokhberg L. M. The national innovation system of Russia in the conditions of the “new economy” // Questions of Economics. 2003. No. 3. Pp.26–44. (In Russ.).
4. Ivanova N. I. National innovation systems / Russian Academy of Sciences. Institute of World Economy and International Relations. relationships.– Moscow, Nauka, 2002. 243 p. (In Russ.).
5. Ivanova M. G. The role of the state in the formation of the intellectual property system in Russia in modern conditions // Sociology of power. 2007. No. 6. Pp. 61–68. (In Russ.).
6. Koroleva E. V., Ivanova M. G. Training in the field of intellectual property in transition economies // Innovations. 2021. No. 6. Pp.107–112. (In Russ.).
7. Kosheleva Yu. P. Creating a culture of intellectual property management // Economic and socio-humanitarian studies. 2017. № 1 (13). Pp.21–29. (In Russ.).
8. Methodological recommendations for the construction of a system of continuing education in the field of intellectual property / Under the scientific editorship of O. P. Neretin, comp. N. V. Lopatina, E. A. Tomashevskaya; Federal Institute of Industrial Property. Moscow, FIPS, 2022. 53 p. (In Russ.).
9. Nevzorov I. Intellectual property for children and their parents... during the summer holidays. Blog // Law.<url>: the first social network for lawyers [website].– 2020, July 07. URL: https://zakon.ru/blog/2020/07/02/intellektualnaya_sobstvennost_dlya_detey_i_ih_roditelej_na_vremya_letnih_kanikul (In Russ.).
10. Neretin O. P. Intellectual sovereignty of the Russian economy. Moscow, Federal Institute of Industrial Property (FIPS), 2022. 232 p. (In Russ.).
11. Neretin O. P. Informational support of innovation activity in the region: the possibilities of libraries / N. V. Lopatina, Y. S. Zubov, O. P. Neretin // Scientific and technical libraries. 2018. No. 3. Pp. 5–15. (In Russ.).
12. Neretin O. P. Personnel potential of the sphere of intellectual property: study, development, management / O. P. Neretin, N. V. Lopatina, E. A. Tomashevskaya; Federal Institute of Industrial Property. Moscow, Federal State Budgetary Institution “Federal Institute of Industrial Property”, 2020. 282 p. (In Russ.).
13. Plyasunova O. IP kul'tura v sovremennoi mir – stvyanstvennosheniya, i vymlyatsiya otsyaz'noi [Elektronnyi resurs]. Zuykov and partners. URL: <https://zuykov.com/ru/about/articles/ip-kultura-v-sovremen-nom-mire-sovershenstvovanie-i/> (In Russ.).
14. Publications for youth and schools [World Intellectual Property Organization]. URL: <https://www.wipo.int/publications/ru/youth.html> (accessed: March 14, 2020). (In Russ.).

15. Rumyantseva A. V., Meshkov S. A. The specifics of raiding in the field of intellectual property // Socio-economic phenomena and processes. 2014. No. 1. Pp.86–90. (In Russ.).
16. Savina E. N. State regulation of the national innovation system: avtoreferat dis. ... Candidate of Economic Sciences. St. Petersburg, 2009. 22 p. (In Russ.).
17. Improvement of continuing education in the system of personnel training in the field of intellectual property at the present stage: Report on research work / FIPS, scientific hand O. P. Neretin. Moscow, 2021. 293 p. (In Russ.).
18. Claims: Youtube-канал [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/c/CLAIMS_IP/about
19. Freeman C., Technology Policy and Economic Performance: Lessons from Japan. London: Frances Pinter, 1987.
20. One Village One Brand [Электронный ресурс] // KIPO.– URL: https://www.kipo.go.kr/en/HtmlApp?c=91018&catmenu=ek02_04_04
21. Spreading the message, building respect: A selection of IP awareness-raising tools [Электронный ресурс]. / WIPO. URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_brochure_brip_2018.pdf

*

Поступила в редакцию 13.06.2022

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ФЕНОМЕНА «ПЕДАГОГИКА ВОЛОНТЕРСТВА»

УДК 37.017.4 + 37.013.46

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-3107-134-142>

М. И. Васильковская

Кемеровский государственный институт культуры, Кемерово, Россия

e-mail: margo197411@rambler.ru

Аннотация: Целью статьи является определение теоретико-методологической основы педагогики волонтерства как комплекса методологических подходов, включающих совокупность идей, теорий, принципов и закономерностей. Методологическую основу работы составили существующие теоретические модели и концепции добровольчества и волонтерства; ключевые положения гуманистического, социального, социокультурного институционального, общественного, педагогического и психологического подходов. Методология педагогики волонтерства носит междисциплинарный характер, позволяющий анализировать данный феномен с учётом различных научных концепций. Материалы статьи и изложенные на их основе выводы могут быть полезны при совершенствовании методологии педагогики волонтерства и методики организации волонтерской деятельности, а также могут быть использованы в качестве методологической основы для разработки и практического внедрения в образовательный процесс для подготовки волонтеров в высших и средних профессиональных учебных заведениях.

Ключевые слова: методологический подход, педагогика волонтерства, волонтерская деятельность, методология.

Для цитирования: Васильковская М.И. Современные методологические подходы к исследованию социально-культурного феномена «Педагогика волонтерства» // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. №3 (107). С. 134-142. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-3107-134-142>

MODERN METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE STUDY OF THE SOCIO-CULTURAL PHENOMENON «PEDAGOGY OF VOLUNTEERING»

Margarita I. Vasilkovskaya

Kemerovo State Institute of Culture, Kemerovo, Russia

e-mail: margo197411@rambler.ru

ВАСИЛЬКОВСКАЯ МАРГАРИТА ИВАНОВНА – кандидат педагогических наук, доцент, кафедра социально-культурной деятельности, Кемеровский государственный институт культуры, Кемерово, 650060, Россия

VASILKOVSKAYA MARGARITA IVANOVNA – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of Socio-Cultural Activities, Kemerovo State Institute of Culture, Kemerovo, 650060, Russia

© Васильковская М.И., 2022

Abstract: The purpose of the article is to define the theoretical and methodological basis of volunteering pedagogy as a set of methodological approaches, including a set of ideas, theories, principles and patterns. The methodological basis of the work consists of existing theoretical models and concepts of volunteerism and voluntarism; the key provisions of humanistic, societal, sociocultural institutional, community, pedagogical and psychological approaches. The methodology of volunteering pedagogy is interdisciplinary in nature, which allows analyzing this phenomenon taking into account various scientific concepts. The materials of the article and the conclusions based on them can be useful in improving the methodology of volunteering pedagogy and methods of organizing volunteer activities, and can also be used as a methodological basis for the development and practical implementation in the educational process for the training of volunteers in higher and secondary vocational educational institutions.

Keywords: methodological approach, pedagogy of volunteering, volunteer activity, methodology.

For citation: Vasilkovskaya M.I. Modern methodological approaches to the study of the socio-cultural phenomenon "Pedagogy of volunteerism". *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2022, no. 3 (107), pp. 134-142. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-3107-134-142>

Педагогика волонтерства является составной частью и направлением общей педагогики. Педагогика в терминологическом словаре современного педагога определяется как наука о воспитании и обучении, составляющих единый педагогический процесс. А процессом является последовательная смена явлений, состояний и совокупности действий для формирования и развития какого-либо результата. Каждый из названных процессов выполняет в целостном процессе и соответствующие функции: воспитание осуществляет не только воспитательную, но развивающую и образовательную функции, а обучение немислимо без сопутствующего ему воспитания и развития.

В содержании обучения превалирует формирование научных представлений, усвоение понятий, законов, принципов, теорий, оказывающих впоследствии большое влияние и на развитие, и на воспитание личности. В содержании воспитания преобладает формирование убеждений, норм, правил, идеалов, ценностных ориентаций, установок, мотивов, но в то же время формируются и представления, знания и умения. Таким образом, оба процесса ведут к главной цели – формированию личности, но каждый из них способствует достижению этой цели присущими ему средствами.

Отметим, что термин и понятие «педагогика» носит собирательный характер, объединяя систему педагогических наук, внутри которых возможно появление новых направлений, все более конкретных методик на стыке с другими науками. Педагогика волонтерства занимает определённое место в системе педагогических наук (таблица 1).

Выделив из предложенных вспомогательных педагогических дисциплин педагогику волонтерства, отметим, что она рассматривается в нескольких значениях:

- как практика волонтерской деятельности в современной социально-культурной сфере;
- как учебный предмет, обладающий определенной логикой и структурой;
- как исторически сложившаяся отрасль научных знаний, теория, которая развивается благодаря научным исследованиям в области социально-культурной деятельности (8, с. 23–25).

Опираясь на результаты исследования научной литературы, под педагогикой волонтерства мы понимаем комплекс средств, форм и методов, стимулирующих и содействующих вовлечению граждан в волонтерскую деятельность, способствующих повышению мотивации и удовлетворенности их такой деятель-

Возрастная классификация	Профессиональная отраслевая классификация	Вспомогательные педагогические дисциплины	Специальная педагогика
<ul style="list-style-type: none">- Преддошкольная и дошкольная педагогика;- педагогика начальной школы;- педагогика средней школы;- педагогика среднего специального образования;- педагогика высшей школы;- педагогика третьего возраста и др.	<ul style="list-style-type: none">- Производственная педагогика;- военная педагогика;- инженерная педагогика;- спортивная педагогика;- музейная педагогика;- театральная педагогика;- музыкальная педагогика;- педагогика исправительно-трудовых учреждений	<ul style="list-style-type: none">- История педагогики;- этнопедагогика- сравнительная педагогика;- философия воспитания;- социология образования;- педагогическая психология;- педагогика досуга;- социальная педагогика;- педагогика волонтерства	<ul style="list-style-type: none">- Олигофренопедагогика;- сурдопедагогика;- тифлопедагогика;- логопедия и др.

Таблица 1 – Классификация педагогических наук

ностью, профессиональному и личностному росту, усилению социальной активности.

Считаем, что педагогика волонтерства основана на принципах свободного выбора вида и формы волонтерской деятельности, использования потенциала волонтерской деятельности в гражданском воспитании и повышении социальной активности личности и базируется на осознании волонтерами социальных и нравственных смыслов волонтерской деятельности.

На наш взгляд, педагогика волонтерства направлена на овладение личностью адекватными средствами решения сложных жизненных проблем, развитие умения принимать на себя ответственность, общаться с окружающими, оказывать поддержку тем, кто в ней нуждается. При этом педагогический процесс, включающий основы воспитания и обучения различным аспектам организации волонтерской деятельности различных возрастных категорий населения, является основным положением в педагогике волонтерства.

В настоящее время в отечественной и в зарубежной социогуманитарной науке накоплен достаточный теоретический и эмпирический опыт изучения деятельности института волонтерства. Этот опыт позволяет выявить и научно обосновать существенные и устойчивые характеристики этого социального феномена современности, виды и направления добровольческой деятельности, педагогическое управление социально-культурными практиками волонтерских объединений. В социально-гуманитарных исследованиях появляются ростки возрождения гуманистической морали, возрождение альтруизма, коллективизма в противовес атомизации общества. При этом конкурентная социально-экономическая среда рыночного трудоустройства диктует необходимость мобильности, приспособляемости в ущерб жизненным принципам, традиционным морально-нравственным ценностям.

С целью обобщения и углубления понимания совокупности фактов и теорий в области изучения волонтерства осуществлен

анализ научных исследований в данном направлении, который позволил выделить существующие подходы к изучению именно волонтерства как основополагающего понятия нашего научного исследования.

Среди существующих исследовательских подходов можно выделить следующие: личностно ориентированный, гуманистический, культурологический, исторический, аксиологический, антропологический, деятельностный, компетентностный, философский, социокультурный, психолого-педагогический, полисистемный, междисциплинарный, системный, информационно-технологический, гуманистический, диалогический, интегративный, герменевтический, структурно-функциональный, семиотический, субъектно-деятельностный и др.

Классификации научных подходов анализа волонтерства как ключевого понятия исследуемой темы представлены во многих научных работах исследователей, занимающихся этой проблематикой. Л. А. Кудринской выделены следующие методологические подходы в исследовании волонтерства: исторический, социетальный, генезисно-системный и субъектно-деятельностный [3, С. 15–23.]. Структурировать научные подходы к предмету своего исследования – феномена волонтерства в социокультурной среде Российской Федерации – предприняла Е. А. Луговая. Исследователь особое внимание уделяет социологическому подходу, актуализирующему проблему мотивации волонтеров и направленному на изучение демографической, социальной и профессиональной структуры феномена волонтерства [5]. В исследовании Н. В. Черепановой охарактеризованы следующие подходы: аксиологической, гуманистический, системный, личностно-деятельностный, смысло-ориентированный, диалогический и контекстный [11]. Научные труды, посвященные анализу волонтерской деятельности, освещают исследовательские подходы, которые не вполне позволяют рассмотреть изучаемый нами феномен волонтерства с позиций междисциплинарности. При этом стоит

отметить отсутствие системности в представленных результатах изучения экономической, педагогической, психологической и других предметных сфер, затрагиваются лишь отдельные аспекты волонтерства, поэтому в нашем исследовании, посвященном изучению педагогики волонтерства, считаем должным рассмотреть это понятие как целостную основу данного феномена, используя различные научные подходы.

Прежде всего, мы остановимся на характеристиках основного понятия «волонтерство» с позиций гуманистического, социетального, социокультурного, институционального, педагогического, психологического и общностного подходов, не противоречащих, а взаимодополняющих друг друга, позволяющих раскрыть механизм его реализации.

Считаем, что одним из значимых подходов в исследовании волонтерства является *гуманистический подход*, сущность которого заключается в осуществлении процесса воспитания гуманно настроенного к миру личности, способной к осуществлению осмысленного, ответственного выбора в социально-культурной и других сферах жизнедеятельности государства.

Гуманистический подход в исследовании феномена волонтерства представлен в отечественных научных трудах Ш. А. Амоношвили, А. В. Бездухова, М. А. Бирич, Ю. Н. Кулюткина, Г. С. Сухобской, В. Ф. Ефимова, В. А. Сухомлинского, М. П. Щетинина, которые видят гуманистический подход в формировании одной из главных ценностей личности – активности человека. В соответствии с концепциями К. Роджерса, А. Маслоу, В. Франкла, необходимыми условиями гуманистического подхода является также возможность осуществления саморазвития и общественно полезной деятельности.

Социетальный подход к изучению волонтерства направлен на исследование характеристики социума, особенностью которого является «трехсекторность», объединяющая коммерческий, государственный и независимо-общественный сектор. Здесь особенно следует

выделить связь волонтерства с независимо общественный сектором, включающим институты гражданского общества и некоммерческие организации. Волонтерская проектная деятельность по оказанию социально ценных услуг обществу во взаимодействии с некоммерческими организациями имеет общественно значимый эффект, так как выполняет ключевые виды деятельности, направленные на поддержку нуждающихся, осуществляет организацию социально-культурных и спортивных программ, оказывает профессиональную правовую, юридическую, психологическую помощь, фандрайзинг, документооборот в некоммерческих организациях, поисковую работу. В данной деятельности воспитываются и развиваются у волонтеров такие ценностные качества личности, как альтруизм, духовность, соборность, нравственность и др.

Социокультурный подход направлен на изучение волонтерства как части общества, систематизирует объективные и субъективные оценки общественного мировоззрения о волонтерской деятельности и позволяет многоаспектно рассматривать волонтерство с позиций социального института и социокультурного общества.

Аргументирован социокультурный подход Е. Луговой при анализе волонтерства в Российском социокультурном пространстве, где установлено, что данный подход направлен на получение сведений о демографической, общественной структуре волонтерства, а также о мотивации участников волонтерской деятельности (внешней и внутренней), их профессиональной подготовке [5]. Интересной, с этой точки зрения, представляется модель оценки мотивации волонтеров, в рамках которой построена шкала Volunteer Functions Inventory, основанная на экспериментальных данных испытаний, в которых участвовало около 1000 волонтеров разных организаций, включая студентов-волонтеров. В результате испытаний модели получены результаты, в которых выявлено, что имеющие опыт волонтеры в процессе жизнедеятельности являются целеустремленнее граждан, не являющихся

волонтерами, а причины желания заниматься волонтерской деятельностью у каждого человека индивидуальны [14, с. 13–14].

Любопытными оказались результаты анализа исследований по выявлению социокультурных возможностей молодых людей, которые позволили М. Н. Баламян сделать вывод о том, что предпринимательское социальное волонтерство, под которым подразумевается предпринимательская деятельность с целью уменьшения или разрешения социальных проблем, способствует активной социализации молодежи [1]. Во всех перечисленных случаях имеет место помогающее поведение людей, желающих заниматься и занимающихся волонтерской деятельностью. Помогаящее поведение людей в обществе, его масштабы и формы организации являются одним из важных факторов в развитии волонтерства. При этом помогающее поведение сопряжено с избранием помогающей профессии для самореализации личности человека в обществе, а участники волонтерского движения, избравшие помогающие профессии, причисляются к профессиональным волонтерам [10].

В рассмотрении методологической перспективы изучения институционального развития волонтерства отметим *институциональный подход*. Он предполагает определенные устойчивые отношения с формальными организациями, имеющими социально значимые полномочия, регулирующие поведение людей [10, с. 157–158]. Реализация функций, регулирующих активность членов социума в рамках общественных отношений участников волонтерского движения внутри волонтерской структуры в форме объединения, организации и за ее пределами, определяет сущность институционального подхода. Формирующийся потенциал волонтеров и благополучателей волонтерской деятельности поддерживает надежность социально-общественной жизни, а также – социализацию индивидов [15].

В соответствии с идеями П. ДиМаджио и В. Пуэлла создается «поле» волонтерских организаций, объединений и иных сообществ, которые следуют определенному базовому

комплекту правил [12, Р. 147–160]. Институциональный подход выражается в потребности рассмотрения вопросов, касающихся актуализации исследования концепции волонтерства как образованной человеком структуры взаимодействия (института волонтерства), развивающей ценностные представления личности в поведенческой мотивации волонтера и оказывающей влияние на систему мировоззрения участников института волонтерства. Институциональный подход в исследовании волонтерства предполагает возможность изучения его развития в обусловленных социально-культурных, исторических условиях, в которых происходит воздействие волонтерства на социализацию, профессионализацию, формирование и развитие личности и общества в целом.

В середине XX века становится известным неинституциональный подход в научных трудах Н. А. Скобелиной, исследовавшей институционализацию общественных движений [10]. Существующие точки зрения позволяют отделить неинституционализм от «старого» институционализма и акцентируют внимание на том, что социальные институты ценны для развития общества и поддаются научному анализу. Вновь созданные социальные институты, как отмечает Д. Норт, появляются в том случае, когда общество усматривает возможность получения прибыли, невозможной в условиях уже существующей институциональной системы [6]. Из этого следует, что волонтерство способствует уменьшению затрат государства; соответственно повышаются доходы, что служит импульсом к институциональному оформлению волонтерства. Волонтерские объединения являются необходимым ресурсом гражданского общества и способствуют созданию социального капитала общества.

Отметим, что российские ученые (Г.Е. Зборовский, А. А. Кузьминчук) выделяют следующие признаки социального института: наличие нормативно-правовой базы для регулирования норм поведения волонтеров; стандартизирование поведения волонтеров; отличительные знаки (символы, логотипы, сертификаты, «книжки волонтеров», корпоративная форма и др.);

наличие структурных элементов института, соответствующих направлениям волонтерской деятельности; наличие норм, принципов и функций института волонтерства (интегративная, регулятивная, коммуникативная, экономическая, функция социализации) [4].

В научных трудах Г. Е. Зборовского представлена социология волонтерства как часть социологического знания, определяющая социологическую теорию волонтерства как социальную общность. Следуя этому, возможно изучение структуры общности волонтеров через анализ и оценку ее сложной многоуровневой модели, ресурсов волонтерской общности, регулярных волонтерских практик [2, С. 8–23].

Рассматривая *педагогический подход* в исследовании волонтерства, отметим, что он заключается в анализе воспитательного процесса при формировании ключевых свойств личности волонтера, его социализации, профессиональной подготовки, обучения и реализуется посредством технологизации представленных в России волонтерских социокультурных практик.

Наиболее известные педагогические исследования анализируют волонтерство с позиции рассмотрения его как социально-педагогического феномена и направлены на исследование проблем организации волонтерства различных категорий населения, включая методы, педагогические технологии, диагностику, оценку результатов с целью содействия развитию социальной компетентности и общественной ответственности волонтеров.

Следует подчеркнуть, что существующие научные исследования волонтерской и благотворительной деятельности направлены, прежде всего, на изучение условий обеспечения педагогического эффекта в формировании личности волонтера, участвующего в деятельности молодежных объединений и организаций волонтерской направленности. Значимой в контексте рассматриваемой проблемы представляется научное исследование Г. В. Олениной, авторитетность которого представлена в прогностической социально-педагогической модели организации досуга

студентов в отечественных вузах, способствующей формированию социальных инициатив в студенческих отрядах [7].

Нередко волонтерство и добровольчество становятся объектами психологических исследований, где их актуальность определяется противоречиями между необходимостью изучения психологических детерминант и реальными эффектами волонтерской деятельности.

В реализации *психологического подхода* раскрываются условия полноценного развития и саморазвития личности волонтера, которые выделяются на основе результатов исследований о мотивации волонтеров, оценок форм и методов стимулирования волонтерского труда. С данной позиции волонтерство рассматривается как базовое пространство и основа развития и переустройства личности волонтера – его ценностей, возможностей, умений, потенциала.

Назовем еще одним методологический подход исследования волонтерства – *общностный подход*, в котором дается оценка многоуровневой модели института волонтерства, анализируются структуры общности волонтеров, ресурсов данной общности, а также – их ежедневных практик и образа бытия участников волонтерского движения.

Исследуя общностный подход в изучении волонтерства, отметим существование классификации общностных признаков, которые возможно применить относительно волонтерства, так как некоторые из них связаны с включенностью данного вида деятельности в систему общественных взаимоотношений. Имеются в виду мотивы совместной деятельности или возможности пребывания в волонтерской общности; возможность взаимодействия в различных уровнях деятельности общности; наличие схожих характеристик условий деятельности, правил, традиций, ценностей, установок, а также стандартов поведения, свойственных многим членам общности волонтеров и др.

К имеющимся социальным, общественно-политическим, культурным ресурсам волонтерской общности, составившим базу ее основных системообразующих свойств, относятся: при-

менение способности регулировать определенные общественные проблемы, достигать установленных целей в реализации волонтерской деятельности, содействие повышению уровня образования, профессиональных и личностных компетенций, получение статусных характеристик, авторитета, взаимодоверия участников волонтерского движения. Представленные свойства общности дают возможность приобретения и осознания научных представлений о социальном, культурном и символическом капиталах членов общности волонтеров.

Нами рассматривается общественный подход в исследовании повседневных волонтерских практик. Это связано с тем, что их направленность, объем и содержание показывают связь волонтерской работы и общества в целом, позволяют проанализировать вопросы, связанные с выявлением и установлением общественных и статусных позиций участников волонтерского движения с учетом социально-культурных и экономических условий развития конкретных территорий и государства в целом.

Более 15 лет исследований показали, что формальное добровольчество в значительной степени зависит от психологических факторов и переменных, которые многие ученые рассматривают как результаты индивидуальной генетики, социализации в своей культуре и социальных ролях, а также – индивидуального личного опыта. Так, Смиidt Д. Н. рассматривает исследования, в основном посвященные таким мотивационным факторам, как черты личности, ценности, общие и специфические установки, привычки, намерения и цели/ценности, влияющие на добровольчество [16]. В научной литературе также существуют исследования, в которых рассматриваются потенциально релевантные психологические факторы, такие как аффекты – эмоции, интеллектуальные способности, когнитивные способности к восприятию информации и самость [13]. Многочисленные эмпирические данные подтверждают необходимость изучения психологических факторов участников волонтерского движения (добровольчества), их демографических данных, свя-

занных с различными показателями членства в ассоциации и активностью участников волонтерства, а также мотиваций в понимании добровольчества, частично подтверждаемых моделью активного просоциального поведения.

Таким образом, представленные общетеоретические подходы применительно к педагогике волонтерства – гуманистический, социальный, социокультурный, институциональный, педагогический, психологический

и общностный – позволяют сфокусировать внимание на её специфических аспектах, анализировать различные точки зрения, формируя целостное научное представление о педагогике волонтерства. Предложенные материалы представляют авторский взгляд на теоретико-методологическое обоснование педагогики волонтерства как социокультурного феномена и новой отрасли педагогического знания.

Список литературы

1. *Балаян М. Н.* Социокультурный потенциал волонтерского движения современной студенческой молодежи / М. Н. Балаян. Майкоп, 2015. 30 с.
2. *Зборовский Г. Е.* Проблема волонтерства в структуре социологического знания / Г. Е. Зборовский // Вестник Пермского национального политехнического университета. Социально-экономические науки. Пермь, 2017. № 3. С. 8–23.
3. *Кудринская Л. А.* Добровольческий труд: сущность, функции, специфика / Л. А. Кудринская // Социс. 2006. № 5. С. 15–23.
4. *Кузьминчук А. А.* Институциональное регулирование волонтеров как социальной общности / А. А. Кузьминчук. Тюмень, 2016. 222 с.
5. *Луговая Е. А.* Феномен добровольчества в социокультурном пространстве России / Е. А. Луговая. – Саратов, 2012. 20 с.
6. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт. М., 1997. 180 с.
7. *Оленина Г. В.* Педагогика социально-культурного проектирования и продвижения гражданских инициатив молодежи / Г. В. Оленина. Барнаул, 2011. 47 с.
8. Педагогика волонтерства: феноменология и социально-культурная практика: кол. монография / под науч. ред. В. Д. Пономарева, М. И. Васильковской, Л. И. Лазаревой. Кемеровский государственный институт культуры. Кемерово: КемГИК, 2021. 312 с.
9. *Помогающие профессии: научное обоснование и инновационные технологии / под общ. ред. проф. З. Х. Саралиевой.* Н. Новгород. 2016. 865 с.
10. *Скобелина Н. А.* Институционализация общественных движений в российском обществе конца XX – начала XXI в. (социологический анализ) / Н. А. Скобелина. Волгоград, 2014. 393 с.
11. *Черепанова Н. В.* Социальное обучение в добровольческом движении: / Н. В. Черепанова. Ставрополь, 2006. 31 с.
12. *DiMaggio, P. J., Powell, W. W.* The iron cage revisited: Institutional isomorphism and collective rationality in organizational fields *American Sociological Review* / P. J. DiMaggio, W. W. Powell Vol. 48, No. 2, pp. 147–160. DOI:10.17323/1726–3247–2010–1–34–56
13. *Markova, A.* The “inclusive volunteering” phenomenon: Research into the volunteering of people with disabilities / A. Marková // *Kontakt*. 2018. Vol. 20. No 1. P. e48–e56. – DOI 10.1016/j.kontakt.2017.10.003.
14. *Mateiu-Vescan R., Ionescu T., Opre A.* Reconsidering Volunteering: Individual Change as a Result of Doing Good for Others / R. Mateiu-Vescan, T. Ionescu, A. Opre. // *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*. 2020. DOI 10.1007/s11266-020-00247-0.

15. Rainville G. Volunteering and Psychological Well-Being: Assessing Variations by Gender and Social Context / G. Rainville // *Pastoral Psychology*. 2018. № 67 (1). P. 43–53. <https://doi.org/10.1007/s11089-017-0792-y>
16. Smith D. H. A Guide to Volunteerism, Civic Participation and Non-Profit Associations / D. H. Smith // Palgrave Macmillan, UK, 2016. URL: https://www.academia.edu/upgrade?feature=bd_books&ri=184&trigger=bulk (дата обращения: 05.08.2021)

References

1. Balanyan M. N. Socio-cultural potential of the volunteer movement of modern student youth / M. N. Balanyan. Maykop, 2015. 30 p.
2. Zborovsky G. E. The problem of volunteering in the structure of sociological knowledge/ G. E. Zborovsky // *Bulletin of Perm National Polytechnic University. Socio-economic sciences*. Perm, 2017. No. 3. pp. 8–23.
3. Kudrinskaya L. A. Voluntary labor: essence, functions, specifics / L. A. Kudrinskaya // *Socis*. 2006. No. 5. pp. 15–23.
4. Kuzminchuk A. A. Institutional regulation of volunteers as a social community / A. A. Kuzmenchuk. Tyumen, 2016. 222 p.
5. Lugovaya E. A. The phenomenon of volunteerism in the socio-cultural space of Russia/ E. A. Lugovaya. – Saratov, 2012. 20 p.
6. North D. Institutes, institutional changes and the functioning of the economy/ D. North. M., 1997. 180 p.
7. Olenina G. V. Pedagogy of socio-cultural design and promotion of civic initiatives of youth / G. V. Olenina. Barnaul, 2011. 47 p.
8. Pedagogy of volunteering: phenomenology and socio-cultural practice: Col. monograph / edited by V. D. Ponomarev, M. I. Vasilkovskaya, L. I. Lazareva. Kemerovo State Institute of Culture. Kemerovo: KemGIK, 2021. 312 p.
9. Helping professions: scientific justification and innovative technologies / under the general editorship of prof. Z. H. Saraliev. N. Novgorod. 2016. 865 c.
10. Skobelina N. A. Institutionalization of social movements in Russian society of the late XX – early XXI century. (sociological analysis) / N. A. Skobelina. Volgograd, 2014. 393 p.
11. Cherepanova N. V. Social training in the voluntary movement: / N. V. Cherepanova. Stavropol, 2006. 31 p.
12. DiMaggio, P. J., Powell, W. W. The iron cage revisited: Institutional isomorphism and collective rationality in organizational fields *American Sociologist Review* / P. J. DiMaggio, W. W. Powell Vol. 48, No. 2, pp. 147–160. DOI:10.17323/1726-3247-2010-1-34-56
13. Markova, A. The “inclusive volunteering” phenomenon: Research into the volunteering of people with disabilities / A. Markova // *Kontakt*. 2018. Vol. 20. No 1. P. e48-e56.– DOI 10.1016/j.kontakt.2017.10.003.
14. Mateiu-Vescan R., Ionescu T., Opre A. Reconsidering Volunteering: Individual Change as a Result of Doing Good for Others / R. Mateiu-Vescan, T. Ionescu, A. Opre. // *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*. 2020. DOI 10.1007/s11266-020-00247-0.
15. Rainville G. Volunteering and Psychological Well-Being: Assessing Variations by Gender and Social Context / G. Rainville // *Pastoral Psychology*. 2018. № 67 (1). P. 43–53. <https://doi.org/10.1007/s11089-017-0792-y>
16. Smith D. H. A Guide to Volunteerism, Civic Participation and Non-Profit Associations / D. H. Smith // Palgrave Macmillan, UK, 2016. URL: https://www.academia.edu/upgrade?feature=bd_books&ri=184&trigger=bulk (accessed 05.08.2021)

*

Поступила в редакцию 29.06.2022

СУЩНОСТЬ ПОНЯТИЯ «ИСПОЛНИТЕЛЬСКОЕ МАСТЕРСТВО» В СПОРТИВНЫХ БАЛЬНЫХ ТАНЦАХ

УДК 793.3 : 796

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-3107-143-149>

Т. А. Скуратов

Московский государственный институт культуры, Химки, Московская область, Российская Федерация

e-mail: t.a.skuratov@gmail.com

Аннотация: В данной статье рассмотрены основные структурные компоненты понятия «Исполнительское мастерство» в спортивных бальных танцах. Особый акцент сделан на необходимости системного развития технических навыков, физических данных и двигательных способностей танцовщика. Показана тесная взаимосвязь развития внутренних качеств личности, его индивидуальных психологических особенностей, творческого мышления и внутренней выразительности. Приведены примеры толкований «Исполнительского мастерства» и «движения» выдающихся деятелей хореографии, культуры, спорта и педагогики на разных исторических этапах развития. Выявлены основные виды координационных способностей, тесно связанных с формированием высокого уровня исполнительского мастерства у танцовщиков спортивных бальных танцев. Рассмотрены примеры использования системы формирования исполнительского мастерства танцовщиков различных хореографических направлений в сфере спортивных бальных танцев. Упомянуты некоторые средства танцевальной выразительности и исполнительства.

Ключевые слова: исполнительское мастерство, спортивные бальные танцы, координационные способности, физические данные, исполнительство.

Для цитирования: Скуратов Т.А. Сущность понятия «исполнительское мастерство» в спортивных бальных танцах // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. №3 (107). С. 143-149. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-3107-143-149>

THE ESSENCE OF THE CONCEPT OF «PERFORMING SKILL» IN SPORTS BALLROOM DANCES

Taras A. Skuratov

Moscow State Institute of Culture, Khimki, Moscow region, Russian Federation

e-mail: t.a.skuratov@gmail.com

Abstract: This article discusses the main components of the concept of “Performing skills” in sports ballroom dancing. The importance of developing technical skills, physical data and motor abilities of a dancer is indicated. The close relationship between the development of the internal qualities of a person, his in-

СКУРАТОВ ТАРАС АНДРЕЕВИЧ – Старший преподаватель кафедры современной хореографии, Московский государственный институт культуры, Химки, Московская область, Российская Федерация

SKURATOV TARAS ANDREEVICH – Senior lecturer of the Department of Modern Choreography, Moscow State Institute of Culture, Khimki, Moscow region, Russian Federation

© Скуратов Т.А., 2022

dividual psychological characteristics, creative thinking and internal expressiveness is shown. Examples of visions of “performing skills” and “movement” of outstanding figures of choreography, culture, sports and pedagogy at different historical stages of development are given. The main types of coordination abilities, closely related to the training of dancers of a high level of performance in sports ballroom dancing, are revealed. Examples of using the system of forming the performance skills of dancers of various choreographic directions in the field of sports ballroom dancing are considered. Some means of dance expression and performance are mentioned.

Keywords: performance skills, sports ballroom dancing, coordination abilities, physical data, performance.

For citation: Skuratov T.A. The essence of the concept of “performing skill” in sports ballroom dances. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2022, no. 3 (107), pp. 143-149. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-3107-143-149>

Современные спортивные бальные танцы характеризуются непрерывным увеличением сложности танцевальных элементов и композиций. Такая тенденция способствует развитию спортивных бальных танцев и как вида спорта, и как хореографического направления. С увеличением сложности танцевальных элементов должна прогрессировать и качественная сторона исполнительского мастерства. Таким образом, наряду с художественной стороной танца высокие требования предъявляются и к уровню технико-исполнительского мастерства танцовщиков спортивных бальных танцев. Для выбора той или иной методики или приёма обучения, помогающего преподавателю-хореографу научить танцора грамотному и качественному исполнению движений, необходимо определить саму сущность понятия «исполнительское мастерство».

Так, в исследовании М. М. Габовича «Принципы биомеханики в методике преподавания классического танца» упоминается, что развитие упражнений (упорядоченных танцевальных движений), соблюдение их эффективных алгоритмов, точного технического выполнения требует совершенствования двигательных навыков, скоростных и силовых качеств танцоров. Из этого следует, что исполнительское мастерство должно восприниматься как совокупность определенных способностей и навыков, как единая «система», для которой необходима регулярная тренировка мышц и суставов тела [5].

Интересным, на наш взгляд, является то обстоятельство, что в отечественной школе классического танца одним из структурных компонентов исполнительского мастерства танцовщиков многие специалисты считают «внутреннюю» технику. Педагог Р. В. Захаров так определяет «внутреннюю» технику: «Это прежде всего умение управлять мыслями и чувствами, наполнять ими движения, жесты, позы. Мало встать в красивую, правильную по рисунку позу, сама по себе поза еще ровно ничего не говорит. Подлинное искусство начинается лишь тогда, когда эта поза, во взаимосвязи со всеми остальными компонентами танцевальной композиции, озаряется внутренним светом человеческого чувства...» [6]. Так «насытить» конкретное танцевальное движение содержанием и есть владение «внутренней» техникой. Внутренняя выразительность, умение «скрыть» технические трудности, возможность передачи музыки через пластику человеческого тела, через взаимодействие двух партнеров – все эти качества пришли в спортивные бальные танцы из классической хореографии.

Например, А. Дункан, которая не была сторонником системы тренажа классического танца, считая его чересчур изнуряющим, видела смысл танца в естественном воспроизведении внутреннего состояния человека с помощью танцевальных движений. Танцовщик, в ее представлении, создавая танец, «находится в непрерывном поиске путей для выхода творческого импульса и энергии, а не просто

воспроизводит заранее «выдрессированную» технику» [1].

Такое представление лежит в основе понятия «индивидуальности исполнителя» и в спортивных бальных танцах. Именно поэтому педагогу необходимо руководствоваться принципом вариативности исполнения при обучении танцевальным фигурам. Ведь возможность исполнения одной и той же фигуры в различных ритмических и координационных вариантах способствует свободному выбору исполнителем подходящего технического варианта исполнения элемента в синтезе с пониманием художественно-одухотворенной стороны танца.

Нельзя не выделить то обстоятельство, что каждый танец несет определенную идею и имеет свой характер: атмосфера карнавала в самбе, кокетливость и флирт в ча-ча-ча, борьба и атмосфера корриды в пасодoble, любовь и страсть в румбе, и, наконец, выплеск энергии и «драйв» в джайве. Высшим проявлением мастерства танцоров является передача идеи танца внутрь движений. То есть, если исполнить танец без характерного музыкального сопровождения, должно быть понятно, какой танец исполняется. Причем не по определенным фигурам, а по идейности шагов, жестов, эмоций и т. д.

Важно помнить тот факт, что с технико-исполнительской стороны все действия и движения, выполняемые исполнителем, должны помогать и способствовать грамотному, комфортному танцеванию с рациональным использованием физических сил и энергии. Именно этот общепринятый принцип биомеханики лежит в основе исполнительского мастерства в спортивных бальных танцах. Для того, чтобы проанализировать и определить свой фактический уровень исполнительского мастерства, существуют разные способы.

Например, у любого танцовщика есть кумиры, так называемые «идеалы исполнения». Используя видеоматериалы с конкурсными выступлениями или шоу-постановками легендарных танцоров, танцовщики могут провести анализ движений «кумира» и сопоставить его

со своим уровнем исполнения. При этом такой анализ не должен блокировать, «притуплять» разум и мышление, т. е. необходимо найти не только недостатки, но и позитивные стороны своего танцевания.

Такая способность к созданию идеальных эталонов, обеспечивающих высокие эстетические, нравственные, интеллектуальные оценки (в нашем случае «идеальный эталон» – выступление танцоров-кумиров) рассмотрена в исследовании А. М. Матюшкина о реализации способностей [11, с. 149].

Безусловно, огромная роль в формировании должного уровня исполнительской подготовки танцовщика лежит на педагоге (тренере, репетиторе). Каждый ученик обладает определенным потенциалом. Кто-то более подготовлен физически, кто-то обладает лучшими внешними данными. Важно не рассеять творческий потенциал и мотивацию ученика, найти тонкую грань между «достигнутым» и «не достигнутым» в процессе обучения. Более того, нередко педагоги-хореографы безосновательно используют слово «мало»: «ты делаешь слишком мало», «ты работаешь не на максимум», «это все, на что ты способен?», объясняя это желанием стимулирования через некое «принижение». Это морально задавливает учеников, и они «сгорают». Важно не переступать эту грань, ведь реакция у каждого может быть разной. Необходимо донести до танцоров полученные ими новые навыки и способности в позитивном ключе, а также через позитив, корректно указать на недостатки.

Поскольку спортивные бальные танцы являются не только хореографической дисциплиной, но и сложно-координационным видом спорта, важно опираться в процессе формирования исполнительского мастерства на танцевальные навыки и двигательные способности исполнителей, особенно – на «координационные».

В 1989 году В. И. Лях разделил координационные способности на три вида: общие, специальные и специфические. Общие – это те, которые человеку даны с рождения (рав-

новесие при ходьбе), специальные развиваются в процессе взросления (равновесие при беге) и специфические характерны для определенной сферы деятельности в определенных рамках (равновесие в спортивных балльных танцах) [10].

К основным специфическим координационным способностям, которые лежат в основе спортивных балльных танцев, автор относит следующие:

1). Способность к ориентированию, т. е. способность определять и изменять положение тела, осуществляя двигательное действие в определенном направлении. В балльных танцах данная способность проявляется в движении тела в зависимости от положения. К примеру, в фигуре «Алеманна» в зависимости от необходимой степени поворота, в одном случае мы будем использовать меньшую степень скручивания центров, в другом – большую.

2). Способность к дифференцированию параметров движений, которая заключается в точности и экономичности соблюдения пространственных, силовых и временных параметров движений. В нашем случае это способность рационального использования физических усилий согласно рамкам той или иной фигуры. Необязательно воспринимать каждое действие как отдельную глобальную систему. Гораздо важнее найти начальный импульс и распределить его на несколько действий. Это и будет являться экономией физических сил и энергии.

3). Способность к реагированию – возможность выполнять кратковременное движение на сигнал тела или его части. Например, при падении тела во время танца сохранить его устойчивость путем корректирующих движений. Более того, данная способность тесно связана со способностью к равновесию в определенных позах, чаще всего – статичных.

4). Способность к перестроению двигательных действий, т. е. способность преобразовывать привычные формы движений, переключаться от одного двигательного действия к другому при меняющихся условиях.

К данному принципу мы можем отнести переход внутри танца с одного ритма на другой, с основного ритма на синкопированный, который характеризуется сменой скорости сокращений, вращений частей тела. При этом именно способность к ритму отвечает за точность воспроизведения заданного ритма внутри двигательного действия и позволяет адекватно варьировать его в связи с изменяющимися условиями.

Из сказанного следует, что только качественное формирование всех указанных способностей приведет к формированию достойного уровня исполнительского мастерства.

Духовный «отец» хореографического авангарда, М. Каннингхэм, основал собственную систему танца. Он говорил: «Если исполнитель поднимает ногу, то это всегда выглядит как арабеск. Моя проблема касается стиля. В классическом балете считается, что единственный способ сделать жете – это протянуть руки в одном направлении, таков их стиль. А моя техника заключается в том, чтобы использовать спину, позвоночник, торс и ноги» [7].

Данный подход М. Каннингхэма является очень важным и требует глубокого анализа. Ведь понять, откуда берется то или иное движение, что является его основой, а главное – как это почувствовать и применять на практике, является центральным вопросом педагогики спортивных балльных танцев в области формирования исполнительского мастерства танцоров, а также – в понимании сущности самого понятия «исполнительское мастерство».

Так, для танцовщика спортивных балльных танцев большое значение имеют пластичность, непрерывность движения и плавность, способность к контролю чувства времени [9]. Именно пластика и эластичность мышц позволяет исполнить движение на более высоком уровне, в «мышечном постоянстве» за так называемыми «привычными рамками» – с большей амплитудой при более высокой скорости.

Так, В. В. Кузнецова считает фундаментом для дальнейшего, более глубокого, развития

спортсмена в любом виде спорта формирование общих физических качеств – силы, быстроты, выносливости, ловкости, гибкости. При этом, как отмечает автор, «развитие и совершенствование какого-либо одного физического качества способствует развитию других» [8].

Данная концепция очень важна в танцевальном спорте как сложно-координационном виде спорта. Так, скорость выпрямления опорной ноги в танце «ча-ча-ча» способствует более правильному и музыкальному перемещению тела, например, в танце «самба», усиливает эстетическую сторону основных шагов в танце «румба». То есть, технические основы спортивных бальных танцев базируются на системе «общих принципов движения» в целом.

В диссертационном исследовании спортивных бальных танцев, замечательный тренер-педагог, А. А. Безикова, подчеркивает, что выдающимися танцовщиками спортивных бальных танцев становились те, кто не только владел своим телом, но и глубоко изнутри осознавал то, что необходимо было донести до своего зрителя: «В занятиях танцем манипуляции с телом не главная цель. Преобразование телесности идет как побочный эффект овладения глубинными слоями сознания, в результате которого происходит развитие самого мышления, обогащение способностью осознания движений» [1]. В данном утверждении мы можем проследить связь спортивного бального танца с танцем модерн, в котором исполнителя также волнуют «глубинные слои сознания» движения и способность их «осознания».

В своем исследовании В. Ю. Никитин отмечает: «Студент-хореограф должен научиться различать внутреннюю и внешнюю информацию о своем теле. Внутреннее танцевальное движение определяется намерением исполнителя, оно готовится внутренними системами – вестибулярной, суставной и мышечной. Внешнее танцевальное движение возникает тогда, когда внутренние системы готовы и информация об этом поступает через каналы чувственного восприятия» [12].

Подводя вышесказанное к общему знаменателю, сделаем вывод, используя данные диссертационного исследования Г. В. Бурцевой [4]. А именно, к профессиональным составляющим, определяющим сущность исполнительского мастерства, относят:

- глубокие знания в области сущности движения и его возможностей;
- природные данные;
- психофизиологическую мобильность двигательного аппарата;
- знание законов биомеханики.

Таким образом, поскольку спортивный бальный танец является «молодым» направлением, в процессе подготовки исполнителей, безусловно, необходимо использовать знания об опорно-двигательном аппарате человека. Но это с научной точки зрения. С позиции педагогики хореографии, в процесс формирования исполнительского мастерства танцоров спортивных бальных танцев мы можем пользоваться достижениями «танцевальных школ» – «джазового танца» и «танца модерн», чтобы «расслабить» корпус танцора, «классического танца» и «народного танца» для более эффективного развития силы мышц и мышечных способностей.

По мнению тренера-педагога мирового уровня Алана Торнсберга, «...многие танцевальные пары в России не могут подняться на вершину своих возможностей. Происходит это по причине того, что во время участия в спортивных соревнованиях у партнеров танцевальных пар отсутствует гармония, танцоры кажутся «машинами», а их вариации – затанцованными до такой степени, что в стремлении показать уровень техники исполнения отдельных движений пропадает целостный танцевальный образ» [13].

Действительно, в танцевальном спорте стало очевидно доминирование технологического процесса обучения над творческим. Так, часто можно наблюдать тенденцию, когда исполнители-танцовщики владеют высоким уровнем техники исполнения танцевальных па, но сам танец, как целостная картина, выглядит «пустым»: отсутствует взаимодействие

партнеров во время танца, не раскрывается идея танцевальной вариации и характер конкретного танца, нет взаимосвязи движений танцовщиков с музыкой. Это происходит потому, что в процессе подготовки танцоров преобладают методики тренинга – технологичного «затанцовывания» механики движения.

Разделяет эту позицию и А. А. Безикова: «Методики включает в себя развитие у танцоров необходимых навыков. Каждая из применяемых методик подразумевает вполне определенную систему упражнений, направленную на отработку качеств, необходимых для достижения высокого уровня исполнительского мастерства и высоких спортивных результатов. Но танцевальная деятельность не есть только работа по «натанцовыванию» элементов танца. Это, прежде всего, создание своего «Я» в танце. В танцах нельзя овладеть профессионализмом, пока у личности не работает фантазия и воображение» [1].

Таким образом, в сущность исполнительского мастерства заложены не только умения управлять и развивать физические возможности тела, но и умения насыщать движения «внутренним ощущением», вдохнуть в танец «жизнь». Внутренняя драматургия танца, идея, а главное – трансформация движений в определенные образы выделяет танцоров «наивысшего» уровня. Поэтому исполнительское мастерство танцора – это не только прямой показатель технического уровня танцора и его физических данных, но и показатель его духовно-творческого потенциала, индивидуально-психологических качеств личности, глубины понимания идеи танца, то есть само понятие «исполнительское мастерство» является синтезом физической и духовной красоты, соотношением технического уровня и художественно-творческого мышления танцора-исполнителя.

Список литературы

1. *Безикова А. А.* Гармонизация взаимодействия партнеров в спортивных бальных танцах (на материале подростковых групп) // Дис. канд. наук, 2006.
2. *Бернштейн Н. А.* Очерки по физиологии движений и физиологии активности. Москва: Медицина, 1966. 349 с.
3. *Борисенко С. И.* Повышение исполнительского мастерства гимнасток на основе совершенствования хореографической подготовки // Дис. канд. наук. 2000. 215 с.
4. *Бурцева Г. А.* Управление развитием творческого мышления студентов-хореографов в процессе вузовской подготовки // Дис. канд. наук. Барнаул, 2000.
5. *Габович М. М.* Принципы биомеханики в методике преподавания классического танца // Дис. канд. наук. Москва, 1986.
6. *Захаров Р. В.* Беседы о танце // Москва: Профиздат, 1963.
7. *Киссельгоф А.* Тридцать лет новаторства в танце // США: Диалог, 1988, №25. С. 52.
8. *Кузнецов В. В.* Специальная силовая подготовка спортсмена // Москва: Советская Россия, 1975. 194 с.
9. *Лоу Б.* Красота спорта / Пер. с англ. И. Л. Моничева, под ред. В. И. Столярова. Москва: Радуга, 1984. 120 с.
10. *Лях В. И.* О классификации координационных способностей // Теория и практика физической культуры. 1987. №7.
11. *Матюшкин А. М.* Творческая одаренность // Общественные движения и социальная активность молодежи // Материалы Всесоюзной научной конференции «Человек в системе общенаучных отношений». Москва, 1999. С. 149–159.

12. *Никитин В. Ю.* Профессионально-педагогическая подготовка балетмейстера в учебных заведениях культуры и искусств // Дис. доктора наук. Москва, 2007. 605 с.
13. *Профессионал РТС // Журнал.* 2004. № 24. С. 3–14.
14. *Ратов И. П.* Биомеханика – средство педагогического контроля // Легкая атлетика. 1965. № 8.
15. *Рубинштейн С. Я.* Проблемы общей психологии. Москва: Педагогика. 1973. 294 с.

References

1. *Bezikova A. A.* Harmonization of the interaction of partners in sports ballroom dances (on the material of adolescent groups) // Dis. cand. nauk, 2006. (In Russ.).
2. *Bernshtein N. A.* Essays on the physiology of movements and physiology of activity. Moscow: Meditsina, 1966. 349 p. (In Russ.).
3. *Borisenko S. I.* Improving the performance skills of gymnasts on the basis of improving choreographic training // Dis. cand. Sciences. 2000. 215 p. (In Russ.).
4. *Burtseva G. A.* Management of the development of creative thinking of students-choreographers in the process of university training // Dis. cand. Sciences. Barnaul, 2000. (In Russ.).
5. *Gabovich M. M.* Principles of biomechanics in the method of teaching classical dance // Dis. cand. Sciences. Moscow, 1986. (In Russ.).
6. *R. V.* Conversations about dance // Moscow: Profizdat, 1963. (In Russ.).
7. *Kisselhof A.* Thirty years of innovation in dance // USA: Dialogue, 1988, No25. p. 52. (In Russ.).
8. *Kuznetsov V. V.* Special power training of an athlete // Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1975. 194 p. (In Russ.).
9. *Low B.* Beauty of Sport / Per. with I. L. Monichev, ed. by V. I. Stolyarov. Moscow: Raduga, 1984. 120 p. (In Russ.).
10. *Lyakh V. I.* O klassifying coordination abilities // Theory and practice of physical culture. 1987. №7. (In Russ.).
11. *Matyushkin A. M.* Creative giftedness // Social movements and social activity of youth // Materials of the All-Union Scientific Conference “Man in the system of general scientific relations”. Moscow, 1999. pp. 149–159. (In Russ.).
12. *Nikitin V. Y.* Professional-pedagogical preparation of the ballet master in the educational institutions of culture and arts // Dis. Doctors. Moscow, 2007. 605 s. (In Russ.).
13. *Professional RTS // Zhurnal.* 2004. № 24. pp. 3–14. (In Russ.).
14. *Ratov I. P.* Biomekhanika – a means of pedagogical control // Athletics. 1965. № 8. (In Russ.).
15. *Rubinstein C. Я.* Problems of general psychology. Moscow: Pedagogy. 1973. 294 p. (In Russ.).

*

Поступила в редакцию 12.05.2022

РАЗВИТИЕ ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ ШКОЛЬНИКОВ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ: ТЕОРЕТИКО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ ПОДХОДОВ

УДК 37.013.46

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-3107-150-158>

В. С. Садовская

Московский государственный институт культуры, г. Химки, Российская Федерация
e-mail: shupik49@mail.ru

Т. А. Дворецкая

ФГБОУ ВО МГЛУ, г. Москва, Российская Федерация
e-mail: dvoretskaya_ta@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются основные направления развития теории и практики обучения иностранному языку в школе. Авторами проанализирован большой пласт научных исследований в области психологии и педагогики, проведен мониторинг инноваций в области школьной практики обучения детей и подростков иностранному языку. На этой основе выделены основные тенденции развития теории и практики обучения школьников иностранному языку в России на современном этапе. Значительное место в статье занимает систематизация методологических подходов к обучению иностранному языку, характеристика психолого-педагогических способов и приемов обучения различных категорий школьников, развитию личностных качеств и свойств школьника, способствующих успешному усвоению иностранного языка и внедрение инновационных методик и технологий, активизирующих процесс освоения школьниками иностранного языка.

Ключевые слова: иностранный язык, методология и методика обучения, психологическая диагностика, личность школьника.

Для цитирования: Садовская В.С., Дворецкая Т.А. Развитие процесса обучения школьников иностранному языку: теоретико-деятельностный анализ современных подходов // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. №3 (107). С. 150-158. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-3107-150-158>

САДОВСКАЯ ВАЛЕНТИНА СТЕПАНОВНА – доктор педагогических наук, профессор Московского государственного института культуры, Заслуженный работник культуры РФ

ДВОРЕЦКАЯ ТАТЬЯНА АЛЕКСЕЕВНА – старший преподаватель кафедры психологии и педагогической антропологии ФГБОУ ВО МГЛУ

SADOVSKAYA VALENTINA STEPANOVNA – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Moscow State Institute of Culture, Honored Worker of Culture of the Russian Federation

DVORETSKAIA TATIANA ALEKSEEVNA – senior lecturer at the Department of Psychology and Pedagogical Anthropology of the Moscow State Linguistic University

© Садовская В.С., Дворецкая Т.А., 2022

DEVELOPMENT OF THE PROCESS OF TEACHING SCHOOLCHILDREN A FOREIGN LANGUAGE: THEORETICAL AND ACTIVITY ANALYSIS OF MODERN APPROACHES

Valentina S. Sadovskaya

Moscow State Institute of Culture, Khimki, Russian Federation
e-mail: shupik49@mail.ru

Tatiana A. Dvoretzkaia

Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russian Federation
e-mail: dvoretzkaia_ta@mail.ru

Abstract: The article discusses the main directions of development of the theory and practice of teaching a foreign language at school. The authors analyzed a large layer of scientific research in the field of psychology and pedagogy, monitored innovations in the field of school practice of teaching children and adolescents a foreign language. On this basis, the main trends in the development of the theory and practice of teaching foreign language to schoolchildren in Russia at the present stage are highlighted. A significant place in the article is occupied by the systematization of methodological approaches to teaching a foreign language, the characteristics of psychological and pedagogical methods and techniques of teaching various categories of schoolchildren, the development of personal qualities and properties of a student that contribute to the successful assimilation of a foreign language and the introduction of innovative techniques and technologies that activate the process of mastering a foreign language by schoolchildren.

Keywords: foreign language, methodology and teaching methods, psychological diagnostics, student's personality.

For citation: Sadovskaya V.S., Dvoretzkaia T.A. Development of the process of teaching schoolchildren a foreign language: theoretical and activity analysis of modern approaches. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2022, no. 3 (107), pp. 150-158. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-3107-150-158>

Характерные для наших дней процессы глобализации и цифровизации, принципиально изменили текущую реальность. Пространство мира и межкультурная коммуникация стали не только доступней благодаря Интернету, но и превратились в неотъемлемую часть профессиональной и частной жизни реальной жизни практически каждого человека. Оценка специалистов, как «маэстро», «мастер», «профи» стало расхожим и применяется, прежде всего, к тем, кто добивается универсальности своей подготовки, кто изучает международные научные достижения и осваивает новейшие технологии разных стран. В этой ситуации потребность в знании российскими специалистами иностранных языков возросло в несколько раз. Несмотря на политическое

противостояние англосаксонской цивилизации с российской, процессы взаимопроникновения и взаимовлияния экономик и культур мира уже не остановить. Свидетельством этому, как показывает практика, являются санкции, объявленные западными странами России, которые в большей степени нанесли вред не ей, а тем странам, которые к ним присоединились. С учетом изменений, которые происходят сегодня в мире, возникает острая необходимость определения стратегических направлений в исследовании межкультурной коммуникации в целом, и, в частности, в сфере обучения иностранному языку в школе, поскольку именно там формируются основы межкультурного общения и навыки коммуникативной культуры.

Исходя из этого, авторами на основе мониторинга публикаций в научно-информационном пространстве России по теории и практике обучения школьников иностранному языку был осуществлен анализ научно-практического материала по выше обозначенной проблеме. При этом не учитывались материалы, размещенные в периодической прессе, которые, чаще всего, носили информационно-рекламный характер. Отметим, что данный материал размещается прежде всего с коммерческой целью привлечения обучающихся на платной основе. Все это, конечно, представляет определенный научный интерес, поскольку в них рекламируются инновационные нетрадиционные подходы к обучению иностранному языку. Но эта тема для отдельного исследования. В нашем случае ставилась задача выявить основные направления развития теории и практики обучения школьников иностранному языку в рамках государственных бюджетных образовательных учреждений России. Работы, в которых исследуются особенности обучения иностранному языку в школах Армении, Литвы, Таджикистана, Узбекистана, Украины тоже были исключены из рассмотрения. Внимание авторов обращено на исследования ученых в области психологии и педагогики, а также на публикации практиков – учителей школ, которые непосредственно реализуют обучение школьников иностранному языку. В определенном смысле они находятся на «передовой» повседневного обучения школьников иностранному языку. Учитывалась также специфика научных педагогических исследований. Ни одно из них не является достоверным, если опытно-экспериментальная работа, являющаяся обязательной ее частью, находится вне реальной педагогической практики. В процессе подготовки, описываемого исследования, проведена и другая работа. Так, было проанализировано около трех сотен докторских и кандидатских диссертаций с конца XX века и до настоящего времени, более 50 статей в научно-методических журналах профессионального педагогического сообщества за по-

следние 5 лет. В данной публикации использован также материал, озвученный 17 апреля 2022 года в рамках III Международной научно-практической конференции «Диалог культур и цивилизаций» в Московском государственном лингвистическом университете в рамках Круглого стола «Теория и практика обучения иностранному языку школьников», в котором приняли участие более 80 учителей школ Москвы и Санкт-Петербурга, Московской, Владимирской, Смоленской, Тверской областей [12].

Статистические данные свидетельствуют, что с 2000 -х годов общий интерес к исследованию проблем обучения иностранному языку значительно возрос. Например, в среднем в год на одно исследование по обучению школьников математике или физике (географии, биологии и т. д.) приходится 3–4 исследования, посвященных обучению иностранному языку. Если сюда включить еще исследования по теме обучения иностранному языку в колледжах и вузах, то их число увеличится в два раза. Этому, конечно, есть объективные причины, связанные с процессами глобальной коммуникации и возрастания роли фактора владения иностранными языками в профессиональной сфере. Здесь важен и фактор расширения межкультурных коммуникаций в жизни каждого россиянина. Конечно, в условиях санкционных ограничений, установленных странами Запада в связи с началом специальной военной операции на Украине, можно предположить, что расширится интерес и к изучению языков Ближнего Востока, арабских стран, Китая, Индии и других стран, не поддержавших санкционную войну США против России. Но все это означает, что остановить, замедлить процесс изучения иностранных языков, исследования психолого-педагогических проблем, связанных с освоением иностранных языков – уже невозможно.

Следует заметить, что при работе над данным материалом одна из рабочих гипотез состояла в том, что основные направления современной педагогической практики обучения иностранному языку будут разнообразней

и шире, чем это отражено в научных исследованиях. Исходя из этого, предполагалось систематизировать основные направления теории, а также практики обучения школьников иностранному языку – раздельно. Однако данная рабочая гипотеза оказалась ошибочной. Диссертационные работы по широте охвата и разнообразию исследования психолого-педагогических проблем обучения школьников иностранному языку не уступают инновационной педагогической практике. Поэтому в данной статье основные направления развития теории и практики обучения школьников иностранному языку рассмотрены в едином контексте. Характерно, что до настоящего времени полной научной систематизации теоретических и практических наработок в этом направлении не проводилось. Исключение составляют диссертации, в которых авторы описывают степень научной разработанности той или иной проблемы, которой посвящены их работы. Именно этот факт вызвал особый научный интерес у авторов и стал исходной базой при выборе темы настоящей статьи.

В силу данных обстоятельств, при определении основных направлений развития теории и практики обучения школьников иностранному языку выделяются, прежде всего, те из них, которые, на наш взгляд, оказывают наиболее значительное воздействие на всю педагогическую практику обучения иностранному языку.

Исходя из этого посыла, первое направление составляют работы, в которых осуществляется поиск методологических оснований для наиболее эффективного и результативного обучения иностранному языку. Или, как это назвала доктор психологических наук, профессор И. А. Зимняя – «стратегических платформ» обучения иностранному языку [9]. Отметим, что в ряде ее работ отражены междисциплинарные основы обучения иностранному языку, которые включают психолингвистические, психофизиологические, общепсихологические, психолого-педагогические основы. Выбор «стратегических платформ» обучения иностранному языку,

зависит от субъекта учебной деятельности, то есть – личности, которая изучает язык, его социально-психологических особенностей и целей, которые решает педагог на том или ином этапе обучения. Важнейшим фактором в выборе методологических оснований для обучения иностранному языку является учет всего педагогического опыта, имеющегося в России и за рубежом в этом направлении. Именно этим объясняется научный интерес к сравнению истории преподавания иностранных языков в России, Великобритании, США и сегодня, и в период с XVI по XX век [14]. Практически все авторы, разрабатывающие методологические основания процесса обучения иностранному языку едины в том, что у каждой «стратегической платформы» есть свои плюсы и минусы [10]. Так, у классической методологии «читать-переводить» на первый план выходит осмысленный, осознанный подход к изучению языка, когда через грамматику обучающийся выходит на понимание логики языка. И. А. Зимняя, опираясь на законы психологии и учитывая особенности психики человека, предложила «стратегическую платформу», которую условно назвала «слушать и говорить» [9]. В этой системе отношений важнейшим результатом является умение свободно коммуницировать. В последние годы, когда вся система образования вынуждена была перейти на дистанционные формы обучения, ученые стали искать наиболее оптимальные и адекватные для новых условий «стратегические платформы» обучения иностранному языку. Появились такие обозначения этих платформ как «комбинированные», «коммуникативные», «интегративные» и др. [3].

Особое место среди этих работ занимают исследования, которые в методологии опираются на те или иные подходы. Например, аксиологический, гендерный, дифференцированный, личностно-ориентированный или личностно-деятельностный, филологический, лингвистический, интерактивный, креативный, коммуникативный, компетентностный, этноориентированный и даже, психотерапев-

тический. Данные подходы предлагаются как для обучения студентов, осуществляющих профессиональное образование, так и для учащихся школ. К этому же направлению мы относим работы, в которых рассматриваются чисто филологические, лингвистические вопросы развития языка [2]. Таким образом, первое направление развития теории обучения иностранному языку условно назовем «Систематизация методологических подходов к обучению иностранного языка в школе».

Объектом психолого-педагогического исследования является личность обучающегося. Поэтому следующее направление в развитии теории и практики обучения иностранному языку, составляют работы, ставящие особый акцент на характеристике личности школьника. Обращает на себя внимание тот факт, что среди этих исследований доминируют работы, посвященные ребенку дошкольного и младшего школьного возраста [4]. Есть даже работа, где исследуются особенности обучения иностранному языку с рождения до трех лет. Думается, что это связано с тем, что обучение данной категории школьников активно началось три последних десятилетия. В советский период, если не брать во внимание школы с углубленным изучением иностранного языка, обучение иностранному языку начиналось в средних классах. В этот период отсутствовала широкая педагогическая практика обучения младших школьников иностранному языку, без которой появление соответствующих исследований невозможно. С введением в учебные планы начальной школы иностранного языка возрос и научный интерес к тому, чему и как учить детей младшего школьного возраста. О методике обучения детей младшего школьного возраста пишут и учителя – практики. Так, на Круглом столе «Теория и практика обучения иностранному языку школьников», о котором упоминалось выше, интересным опытом поделилась Ю. М. Орлова- учительница английского языка одной из школ г. Химки Московской области. В процессе обучения детей иностранному языку она подключает членов се-

мьи ребенка: такой своеобразный «семейный подряд», когда дома создается благоприятная среда по освоению иностранного языка. Как показали результаты такого опыта, у ребенка при этом повышается мотивация в освоении языка и заинтересованность в продвижении вперед по обучаемой программе. [12]. Другой особенностью психолого-педагогических исследований является то, что в них особо выделяют детей, проявляющих одаренность к лингвистике. Сюда относятся работы, в которых анализируется специфика работ школ с углубленным изучением иностранного языка [7]. Без внимания исследователей не остались и слабоуспевающие дети, в том числе и дети-эмигрантов. Значительное количество работ, посвящено обучению иностранному языку в старших классах и это тоже понятно, так как основным показателем качества обучения стало количество баллов, полученных выпускниками при сдаче экзаменов по системе ЕГЭ.

Здесь так же следует отметить, что авторы статьи обнаружили в свободном доступе только одну диссертационную работу, где объектом изучения стали школьники с ограниченными возможностями здоровья [8]. Можно было бы предположить, что дети с особыми интеллектуальными возможностями, не имеют специфики в обучении иностранного языка. Однако обращение к исследованиям в англоязычном пространстве показали, что там такие исследования есть. В них делается не только обзор специальной литературы, посвященной включению обучающихся с ограниченными возможностями в группы по изучению иностранных языков, но и предлагаются конкретные рекомендации по адаптации обучающихся к учебному процессу.

Интересным здесь является опыт правительства штата Вирджиния, которое разработало не только стратегии обучения обучающихся с ограниченными возможностями, но и стратегии, которые необходимо избегать в работе с особенными учащимися. Известно, что у таких учащихся, не только разный уровень физических ограничений здоровья,

но и разный уровень интеллектуального развития. Как правило, эти особенные учащиеся имеют деформацию психического состояния. Все эти особенности учитываются в работе с такими учащимися. Интересен опыт и британских ученых в этом направлении, особенно их психолого-педагогические технологии инклюзивного обучения по включению детей с особыми физическими и интеллектуальными возможностями в группы со здоровыми детьми. Следует предположить, что есть какие-то объективные причины, почему в России такие исследования до настоящего времени малочисленны. Надеемся, что в будущем исследования индивидуально-психологических особенностей овладения иностранным языком детьми с ограниченными возможностями здоровья тоже попадут в поле научных интересов ученых. Тем более, что в рамках инклюзивного образования такой педагогический опыт есть. Так, например, Л. В. Юркина, доцент кафедры психологии и педагогической антропологии Московского лингвистического университета, вместе со своими студентами разработала проект: «Дети-детям». Предлагаемый проект нацелен на решение проблемы, связанной с коррекционной работой обучения иностранным языкам учащихся начальной школы, имеющих ограниченные возможности здоровья. Авторы проекта с учетом психолого-педагогических особенностей нарушений психического развития детей с ОВЗ различных нозологий разработали цикл учебных пособий, включающих познавательные сказки и рассказы, которые снабжены детскими рисунками и системой развивающих заданий. Данная методика предполагает мотивирование учащихся начальных классов к изучению иностранных языков; развитие их лингвистических способностей, коммуникативных и нравственных качеств. И главное, что такая работа социализирует детей, имеющих ОВЗ различных нозологий (нарушения зрения, слуха, речи, опорно-двигательного аппарата, интеллекта, задержка психического развития и другие) в общении с детьми, имеющими нормальное развитие.

Подводя итоги, данное направление условно назовем «Разработка психологических диагностик, педагогических способов и приемов обучения иностранному языку различных категорий школьников».

Третье направление составляют работы, в которых предметом исследования являются воспитание, развитие личностных качеств и свойств школьника, изучение особенностей интеллекта, мышления и эмоциональных состояний; развитие компетенций, умений и навыков школьников, необходимых для успешного усвоения иностранного языка; формирования нравственно-этических ценностей, мотивации к обучению. Сразу оговоримся, что обозначив в законе об образовании в России данную сферу как сферу услуг, мы получили в результате, что за 30 лет значительно сократились исследования, посвященные вопросам воспитания. Однако нам удалось обнаружить такие работы, но они носят единичный характер. Чаще авторы обращаются к проблемам социализации, адаптации школьников в процессе изучения иностранного языка [3]. Более распространенный характер носят работы в которых рассматривается формирование ценностей у школьников в процессе обучения иностранного языка [11]. Значительное количество работ посвящено развитию различных способностей личности, обеспечивающих успешное освоение иностранного языка [6]. Наконец, наибольшее количество работ посвящено формированию определенных компетенций, навыков и умений [5].

Формированию различных компетенций большое внимание уделяют и учителя-практики. Так, С. Н. Матвеева – учитель английского языка Домодедовской СОШ № 9 (Московская область) ввела в научный оборот понятие « развитие глобальных компетенций школьников» на уроках английского языка. Под глобальными компетенциями понимается сочетание знаний, умений, взглядов, психологических установок, ценностей, успешно применяемых при взаимодействии с людьми другой культурной среды [12]. Я. А. Попкова – учитель английского языка из Санкт-

Петербургской СОШ № 574 обладает опытом работы по формированию читательских компетенций на уроках английского языка [12]. При этом уделяется внимание формированию экспрессивным и импрессивным навыкам с использованием методов программированного обучения. Условно это направление назовем: «Развитие личностных качеств и свойств школьника, формирование мотивации к обучению, ценностных ориентаций, определенных компетенций».

Четвертое направление составляют работы, в которых предметом исследования являются инновационные методики, технологии, средства, способствующие оптимизации и повышению эффективности процесса обучения иностранному языку. Отметим, что целью разработки и внедрения новых педагогических технологий является создание наиболее комфортных и благоприятных условий для учебного сотрудничества и общения учителя с учениками в процессе эффективного освоения иностранного языка. Особо следует выделить внедрение проектной деятельности [1]. Практический опыт работы в этом направлении тоже широко освещается в специальной методической литературе. Особо отметим работу Московского городского методического центра, с которым, на уже упомянутом нами Круглом столе, выступила О. А. Алексеева: «Обучение иностранным языкам в школах Москвы в рамках проектов предпрофессионального образования и образовательных вертикалей» [12].

Особое место в значительной части исследовательских работ и материалов практиков занимает «геймификация». Так в специальной методической литературе называют использование игр при обучении иностранного языка.

Попытка сделать образование увлекательным и зрелищным с активизацией школьников в процессе обучения способствует эффективному использованию игры на уроках иностранного языка. Примером из практики может стать опыт работы Т. С. Ивашневой, которая активно использует прием драматизации на уроках английского языка в МОУ

гимназии № 4. Другой учитель из Владимирской области г. Гусь-Хрустальный для развития коммуникативной компетенции и эмоциональной грамотности активно использует кейс-технологии. Здесь же следует отметить работы, в которых уделяется внимание внутренней структуре содержания обучения, его предметно-смысловому значению осмыслению текстов, величине и особенностям построения специального тезауруса для обучающихся.

Подводя итоги мы отмечаем, что российский опыт обучения школьников иностранному языку имеет существенное значение для совершенствования преподавания иностранного языка в школе. Психолого-педагогические исследования дают огромный эмпирический материал для дальнейших исследований в этом направлении. При этом следует заметить, что воспитательный ресурс процесса изучения иностранного языка школьниками еще не исчерпан. На наш взгляд, исследователи обошли стороной социально-психологические барьеры, затрудняющие обучение иностранного языка в школе. Хотя такие исследования на примере студентов имеются. Надеемся, что в дальнейшем такие исследования появятся. Очень важна в процессе обучения и личность учителя иностранного языка в школе, обладающая не только профессиональными компетенциями в сфере лингвистики, но и особыми психологическими характеристиками: обаянием, артистизмом и умением «строить доверительные отношения» со своими учениками. Надеемся, что такие исследования станут актуальными в ближайшем будущем.

Завершая аналитический обзор теории и практики обучения иностранному языку в школе выделим основные направления данного процесса:

- систематизация методологических подходов к обучению иностранного языка в школе;
- разработка психологических диагностик, педагогических способов и приемов обучения иностранному языку различных категорий школьника;

- развитие личностных качеств и свойств школьника, формирование мотивации к обучению, ценностных ориентаций, определенных компетенций;
- внедрение инновационных методик, технологий, активизирующих процесс освоения школьниками иностранного языка.

Следует оговориться, что авторы не претендовали на всеобъемлющий обзор данной проблемы. Это лишь первая попытка систематизации теории и практики обучения

иностранному языку школьников в России. Надеемся, что этот материал будет полезен исследователям, которые работают в данном направлении. Учитывая ограниченные возможности формата статьи, авторы в качестве примера привели лишь малую часть литературы, которая была ими изучена. К настоящему времени подготовлен библиографический указатель диссертаций, в которых отражаются перечисленные направления. Надеемся, что он будет полезен молодым исследователям.

Список литературы

1. Агафонова К. Е. Метод проектов как средство формирования субъектной позиции младших школьников в процессе обучения иностранному языку: автореферат дис... кандидата педагогических наук: 13.00.01. – Санкт-Петербург, 2011.
2. Барановская Т. А. Внутренняя форма слова как психологическая основа обучения иностранному языку: автореферат дис... доктора психологических наук: 19.00.07. – Москва, 2004.
3. Ворожцова И. Б. Личностно-позиционно-деятельностная модель обучения иностранному языку: На материале обучения французскому языку в средней школе: автореферат дис... доктора педагогических наук: 13.00.02. – Москва, 2002.
4. Гарамова И. С. Интенсивная методика обучения иностранному языку детей дошкольного и младшего школьного возраста: На материале английского языка: автореферат дис... кандидата педагогических наук: 13.00.02. – Москва, 1998.
5. Головина Н. П. Формирование дискурсивной компетенции у учащихся старших классов в процессе обучения репродукции и продукции иноязычных письменных текстов: Школа с углубленным изучением английского языка: автореферат дис... кандидата педагогических наук: 13.00.02. – Санкт-Петербург, 2004. – 23 с.
6. Грибенко Е. А. Развитие коммуникативных способностей учащихся в процессе изучения иностранного языка: автореферат дис... психологических наук: 19.00.07, 19.00.13. – Омск, 2006.
7. Громова В. В. Формирование межкультурной коммуникативной компетенции на основе интердисциплинарного обучения: школа с углубленным изучением иностранного языка, английский язык: автореферат дис... кандидата педагогических наук: 13.00.02. – Москва, 2011. – 25 с.
8. Захарова М. А. Обучение иностранному языку детей среднего школьного возраста с нарушениями опорно-двигательного аппарата: автореферат дис... кандидата педагогических наук: 13.00.02. – Екатеринбург, 2015.
9. Зимняя И. А. Психология слушания и говорения: автореферат дис. ...доктора психологических наук: 19.00.07. – Москва, 1974. – 56 с.
10. Ковалевская Е. В. Генезис и современное состояние проблемного обучения: общепедагогический анализ применительно к методике преподавания иностранных языков: автореферат дис. ...доктора педагогических наук: 13.00.01; 13.00.02. – Москва, 2000. – 56 с.
11. Меглинская Л. В. Формирование межкультурных ценностных ориентаций школьников в процессе обучения иностранному языку: автореферат дис... кандидата педагогических наук: 13.00.01, – Ульяновск, 2009.

12. Программа III Международной научно-практической конференции «Диалог культур и цивилизаций» 14–16 апреля 2022 года. – Москва, 2022, с. 32–35.
13. Таран О. С. Проектирование социализирующей языковой образовательной среды в начальной школе: автореферат дис... кандидата педагогических наук: 13.00.01. – Москва, 2018.
14. Тылец В. Г. Психология обучения иностранным языкам: историко-теоретический аспект: автореферат дис... доктора психологических наук: 19.00.07. – Санкт-Петербург, 2008. – 46 с.

References

1. Agafonova K. E. The method of projects as a means of forming the subjective position of younger school-children in the process of teaching a foreign language: abstract cand. ped. sciences diss.: 13.00.01. – Saint-Peterburg, 2011. (In Russ)
2. Baranovskaya T. A. The inner form of the word as a psychological basis for teaching a foreign language: abstract doc. psychology diss.: 19.00.07. – Moscow, 2004. (In Russ)
3. Vorozhtsova I. B. Personality-positional-activity model of teaching a foreign language: Based on the material of teaching French in secondary school: abstract doc. ped. sciences diss.: 13.00.02. – Moscow, 2002.
4. Garamova I. S. Intensive methods of teaching a foreign language to children of preschool and primary school age: On the material of the English language: abstract cand. ped. sciences diss.: 13.00.02. – Moscow, 1998.
5. Golovina N. P. Formation of discursive competence among high school students in the process of teaching reproduction and production of foreign-language written texts: A school with in-depth study of the English language: abstract cand. ped. sciences diss.: 13.00.02. – St. Petersburg, 2004. – 23 p.
6. Gribenko E. A. Development of students' communicative abilities in the process of learning a foreign language: abstract doc. psychology diss.: 19.00.07, 19.00.13. – Omsk, 2006.
7. Gromova V. V. Formation of intercultural communicative competence on the basis of interdisciplinary training: school with in-depth study of a foreign language, English: abstract cand. ped. sciences diss.: 13.00.02. – Moscow, 2011. – 25 p.
8. Zakharova M. A. Teaching a foreign language to children of secondary school age with disorders of the musculoskeletal system: abstract cand. ped. sciences diss.: 13.00.02. – Yekaterinburg, 2015.
9. Zimnaya I. A. Psychology of listening and speaking: abstract doc. psychology diss.: 19.00.07. – Moscow, 1974.
10. Kovalevskaya E. V. Genesis and current state of problem-based learning: general pedagogical analysis in relation to the methodology of teaching foreign languages: abstract doc. ped. sciences diss.: 13.00.01; 13.00.02. – Moscow, 2000. – 56 p.
11. Meglinskaya L. V. Formation of intercultural value orientations of schoolchildren in the process of teaching a foreign language: abstract cand. ped. sciences diss.: 13.00.01, – Ulyanovsk, 2009.
12. Program at the III Scientific and Practical International Conference “Dialogue of Cultures and Civilizations” on April 14–16, 2022. Moscow, 2022, pp.32–35.
13. Taran O. S. Designing a socializing language educational environment in primary school: abstract cand. ped. sciences diss.: 13.00.01. – Moscow, 2018.
14. Tylets V. G. Psychology of teaching foreign languages: historical and theoretical aspect: abstract doc. psychology diss.: 19.00.07. – St. Petersburg, 2008. – 46 p.

*

Поступила в редакцию 31.05.2022

РОЛЬ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БИБЛИОТЕЧНОГО СПЕЦИАЛИСТА

УДК 023:808.5

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-3107-159-165>

А.С. Фролова

Алтайский государственный институт культуры, Барнаул, Россия
e-mail: rus.librarian@yandex.ru

Т.А. Курникова

Алтайский государственный институт культуры, Барнаул, Россия
e-mail: kurnikova.ta@mail.ru

А.С. Казгунова

Алтайский государственный институт культуры, Барнаул, Россия
e-mail: kazgunova.anna@bk.ru

Аннотация: Охарактеризована информационно-организующая роль библиотечной деятельности в условиях интенсификации информационных процессов, затрудняющей реализацию эффективного коммуникативного взаимодействия между субъектами социальных связей и отношений. Подчёркивается значение инструментальной функции библиотечного общения в контексте достижения целей библиотечно-информационной деятельности. Рассмотрена речевая компетентность как структурный компонент информационной культуры и профессионального сознания личности современного библиотечного специалиста. Изложены базовые требования к библиотекарю как к субъекту профессионального коммуникативного акта. Проанализированы основные причины неэффективного коммуникативного взаимодействия между библиотекарем и читателем. С опорой на анализ содержания проекта профессионального стандарта «Специалист по библиотечно-информационной деятельности», определяющего приблизительный перечень трудовых действий работника современного библиотечно-информационного учреждения, аргументирован статус библиотечной профессии как лингвоинтенсивной. Изложен перечень типовых учебных дисциплин, прямо или кос-

.....
ФРОЛОВА АННА СЕРГЕЕВНА – кандидат педагогических наук, доцент кафедры библиотековедения и информационных технологий, Алтайский государственный институт культуры, Барнаул, Россия

КУРНИКОВА ТАТЬЯНА АНАТОЛЬЕВНА – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры библиотековедения и информационных технологий, Алтайский государственный институт культуры, Барнаул, Россия

КАЗГУНОВА АННА СТАНИСЛАВОВНА – магистрант I курса факультета визуальных искусств и цифровых технологий, Алтайский государственный институт культуры, Барнаул, Россия

FROLOVA ANNA SERGEEVNA – Candidate of Pedagogical Sciences, Assistant Professor, Altai State Institute of Culture, Barnaul, Russia

KOURNIKOVA TATYANA ANATOLYEVNA – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Assistant Professor, Altai State Institute of Culture, Barnaul, Russia

KAZGUNOVA ANNA STANISLAVOVNA – Graduate Student, Altai State Institute of Culture, Barnaul, Russia

© Фролова А.С., Курникова Т.А., Казгунова А.С., 2022

венно нацеленных на формирование развитых навыков речевого общения будущих профессионалов библиотечного дела.

Ключевые слова: библиотекарь, профессиональная речевая культура, речевая компетентность библиотекаря, библиотечное общение, задачи библиотечного общения, коммуникативный сбой, профессионально значимое речевое сообщение.

Для цитирования: Фролова А.С., Курникова Т.А., Казгунова А.С. Роль речевой культуры в профессиональной деятельности библиотечного специалиста // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. №3 (107). С. 159-165. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-3107-159-165>

THE ROLE OF SPEECH CULTURE IN THE PROFESSIONAL ACTIVITIES OF A LIBRARY SPECIALIST

Anna S. Frolova

Altai State Institute of Culture, Barnaul, Russia
e-mail: rus.librarian@yandex.ru

Tatyana A. Kournikova

Altai State Institute of Culture, Barnaul, Russia
e-mail: kurnikova.ta@mail.ru

Anna S. Kazgunova

Altai State Institute of Culture, Barnaul, Russia
e-mail: kazgunova.anna@bk.ru

Abstract: The paper outlines informative-organizing role of library work in the context of intensification of information processes that hampering effective communication between subjects of social ties and relations. The authors stress out a meaning of instrumental function of library communication for achieving goals of library activities. Speech competency as a structural element of a today's librarian's information culture and professional consciousness is considered. Basic requirements to a librarian as a party of professional communicative act (logical-semantic validation, intonational-semantic balancedness of talk, etc.) are stated. Key reasons of non-effective communicative interaction between a librarian and a reader (such as mistakes in transformation senses of a professional speech message in semantic-logical form, inadequacy of dialoguers' communicative competency levels, errors in selection of linguistic material, etc.) are analyzed. The authors argue a status of library profession as linguointensive with reference to a project of Russian professional standard "Specialist for Library and Information Activity" that defines approximate list of labor actions of an employee of a modern library institution. According to the document, considerable part of a librarian's working hours is related with constant speech communication; this means that library activities can be classify as a type of job activity that takes special language training. The authors trace the relation between matter of basic professional academic program in "Library and Information Activity" and increasing complexity of requirements to communicative knowledge and skills of library specialists. Also, the paper sets a list of typical academic disciplines that expressly or impliedly aimed at forming developed skills of speech communication of further professional of library sector.

Keywords: a librarian, professional speech culture, speech competency of a librarian, library communication, tasks of library communication, a communicative error, a professionally meaningful speech message.

For citation: Frolova A.S., Kournikova T.A., Kazgunova A.S. The role of speech culture in the professional activities of a library specialist. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2022, no. 3 (107), pp. 159-165. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-3107-159-165>

Анализ современной коммуникативной ситуации позволяет выявить ряд негативных эффектов резкого роста объемов информационного потребления вследствие взрывного развития информационно-телекоммуникационных технологий: вызванная хроническими информационными перегрузками информационная усталость участников коммуникативных актов, ускорение жизненного цикла информации и знания, стандартизация практик медиапотребления, перенасыщение коммуникативного пространства дезинформационными, пропагандистскими, противоречивыми, рекламными, повторяющимися сведениями и узкоспециальной терминологией, снижение способности к критическому восприятию данных в условиях инфошумов, либерализация речевых норм и пр. По оценкам некоторых социологов (Т. В. Владимировой, В. И. Игнатьева, Б. Б. Славина, А. Н. Степановой и др.), в создавшихся условиях заметно увеличиваются риски деформации устоявшихся информационных механизмов генезиса социальной структуры, общественных связей и отношений в целях манипуляции групповым поведением и перекройки социальной реальности [3, с. 3–4; 4, с. 72; 11, с. 97–98]. В контексте сдерживания информационной энтропии существенно возрастает роль коммуникационного менеджмента, объектами которого выступает широкий спектр явлений в диапазоне от стратегий и моделей коммуникативного поведения до речевого высказывания (например, профессионального).

Публичная библиотека – важный элемент информационной инфраструктуры постиндустриального общества, рассматривающего доступное знание в качестве фундаментального бездефицитного экономического блага [1, с. 616]. Библиотечно-информационное учреждение – самостоятельная документно-коммуникационная и информационно-поисковая система, неизменной общественной функцией которой является предоставление информации по запросу пользователя с опорой на организованный документный фонд [13]. Общедоступная библиотека ориенти-

рована на информационное сопровождение образовательной, профессиональной, культурной деятельности [8, с. 1] и поддержку самообразования в соответствии с принципами обеспечения информационной безопасности личности и ответственного отношения к распространению информации, несущей угрозу интересам индивида, общества и государства. Конкурентоспособность библиотечного учреждения на рынке информационных продуктов и услуг обеспечивается, во многом, за счёт высокой квалификации персонала; одним из ключевых компонентов профессионального сознания высококвалифицированного библиотечного специалиста является речевая культура.

В современной лингвистике под культурой речи принято понимать «владение нормами литературного языка в его устной и письменной форме, а также умение использовать выразительные средства языка в соответствии с целями и содержанием речи» [14]. Пространством реализации речевых возможностей библиотекаря выступает сфера библиотечного общения, которую можно рассматривать как разновидность профессиональной коммуникации между библиотечно-информационным специалистом и потребителем информации по поводу удовлетворения информационных потребностей последнего. Уровень речевой культуры работника библиотеки напрямую определяет эффективность библиотечно-информационного и справочно-библиографического обслуживания [12, с. 3, 7; 2, с. 15]. Речевая культура библиотекаря отражает уровень сформированности навыков адекватного отражения значимых для потребителя информации смыслов с помощью доступной для интерпретации реципиентом отраслевой лексики, предполагает навыки преодоления коммуникативных барьеров, возникших под влиянием как языковых, так и экстралингвистических факторов, характеризует коммуникативно-конфликтологическую компетентность библиотекаря (т. е. его умение эффективно оперировать речевыми средствами управления

межличностными или производственными библиотечными конфликтами), подразумевает способность управления собственным коммуникативным поведением в ситуации смены коммуникативных ролей участников речевого взаимодействия, наконец, она выступает средством репрезентации библиотечной профессии, инструментом формирования общественных представлений о библиотечном труде [5]. Обязательными требованиями к библиотекарю как к субъекту речевого акта в статусе адресата или адресанта профессионально значимого речевого сообщения можно считать: умение находить баланс между семантической, эмоционально-экспрессивной, образной и иными доминантами содержания речевого акта, способность к проявлению уместной коммуникативной инициативы, навыки корректного выбора языковых средств для достижения желаемого эффекта коммуникации (исключающих речевые ошибки и клишированные лексические конструкции, речевую избыточность или недостаточность, чрезмерное упрощение речевого поведения, языковую агрессивность и т. п.), наличие профессионального и внепрофессионального коммуникативного опыта, формирующего верные предпосылки ситуационных речевых действий и решений, способность к тематическому, стилистическому и интонационному контролю собственного речевого действия, богатый активный и пассивный словарь и др.

Коммуникативные задачи профессионального библиотечного общения не всегда находят своё успешное решение по нескольким причинам, среди которых: существенное рассогласование между уровнями коммуникативной компетентности участников речевого акта (например, низкий уровень коммуникативной культуры библиотекаря), разница в коммуникативных установках субъектов общения, ошибки в выборе коммуникативной стратегии и регуляторов речевого поведения, неготовность коммуникантов следовать нормам речевого этикета, отсутствие обоюдной заинтересованности в общении, распространение одной стороной диалога ложной инфор-

мации под видом истинной, предшествующий опыт неэффективной коммуникации между библиотекарем и читателем, разница в требованиях сторон к речевой культуре собеседника (в т. ч. несоответствие качества речи ожиданиям), существенные психологические и социальные различия участников общения, рассогласование между содержанием речевого сообщения и смыслами, транслируемыми одной из сторон диалога невербальными средствами коммуникации и мн. др. Нам представляется, что, наряду с проблемами, напрямую связанными с речевой некомпетентностью библиотекаря (слабые речевые навыки, бедность речи, отказ от личной речевой ответственности и пр.), одной из основных причин возникновения коммуникативных сбоев и помех в библиотечном общении являются ошибки при передаче адресантом и дешифровке реципиентом содержания профессионального сообщения. Будучи продуктом профессиональной речемыслительной деятельности библиотечного специалиста, такое сообщение оказывается подверженным различным ошибкам вербализации: речь, адресованная потребителю информации, наполняется незнакомой специальной лексикой, профессиональным арго, отраслевыми аббревиатурами, малопонятными иноязычными заимствованиями и т. п. Так, коммуникативное взаимодействие оказывается неэффективным вследствие ложных ожиданий профессионала библиотечного дела, рассчитывающего на соответствие словаря собеседника собственному лексикону.

Библиотечную профессию можно отнести к категории лингвоинтенсивных (особенно высока коммуникативная нагрузка на работников отделов обслуживания, сотрудников библиотеки, отвечающих за культурно-просветительскую деятельность, специалистов по связям с общественностью, работников информационно-методических отделов, информационно-сервисных и информационно-библиографических подразделений). Проект профессионального стандарта «Специалист по библиотечно-информационной деятельности» к трудовым функциям работника со-

временной библиотеки причисляет: создание библиографических, аналитических, полнотекстовых, мультимедийных библиотечных информационных продуктов, организацию библиотечно-информационного и справочно-библиографического обслуживания пользователей в стационарном и дистанционном режимах с учётом личностных характеристик пользователей и их информационных потребностей, информационно-речевое продвижение библиотечных услуг и продуктов по офлайн- и онлайн-каналам, подготовку и актуализацию контента для веб-ресурсов библиотеки (сайта, блога, аккаунтов в социальных сетях), организацию и проведение (в т. ч. речевое сопровождение) образовательно-просветительских и культурно-досуговых проектов и программ, исследовательскую деятельность (подразумевающую в т. ч. деятельное участие в профессиональной коммуникации посредством публикации авторских материалов в отраслевых СМИ, представления докладов на научных и профессиональных мероприятиях и пр.), формирование читательской культуры, информационно-медийной и цифровой грамотности пользователей на основе использования индивидуальных и групповых методов библиотечной работы, мониторинг информационных потребностей библиотечной аудитории, взаимодействие с пользователями библиотек в социальных сетях, консультационную работу, работу с пользователями, не возвратившими документы в установленный срок [8, с. 2–3, 5–7, 13–14] и мн. др.

Высшая школа, осуществляющая образовательную подготовку кадров для библиотечного дела, реагирует на повышение спроса отраслевого рынка труда на работников с развитыми коммуникативными знаниями и умениями: в число планируемых результатов освоения основной профессиональной образовательной программы высшего образования по направлению подготовки «Библиотечно-информационная деятельность» включена соответствующая компетенция. По завершении обучения по программе бакалавриата будущий библиотечно-информационный

специалист должен овладеть способностью «осуществлять деловую коммуникацию в устной и письменной форме на государственном языке Российской Федерации и иностранном(ых) языке(ах)» (УК-4) [6, с. 8], а выпускник магистратуры – способностью «применять современные коммуникативные технологии, в том числе на иностранном(ых) языке(ах), для академического и профессионального взаимодействия» (УК-4) [7]. Задача формирования компетенции решается в процессе преподавания нескольких учебных дисциплин, в числе которых «Русский язык и культура речи» и «Иностранный язык» (программа бакалавриата) [9, с. 1], «Информационные технологии в деятельности учреждений культуры», «Информационное обеспечение профессиональных коммуникаций», «Деловой иностранный язык» и др. (программа магистратуры) [10, с. 1]. (Кроме того, в рамках других предметов могут освещаться темы, косвенно содействующие формированию коммуникативной компетенции будущего библиотечного специалиста, например, «Профессиональная этика и этикет библиотечного специалиста», «Основы конфликтологии: библиотечно-информационный аспект», «Менеджмент библиотечно-информационной деятельности» – в программе бакалавриата [9, с. 1], «Деловой этикет», «Маркетинг личности», «Организационные отношения и организационная культура в системе библиотечно-информационного менеджмента» – в программе магистратуры [10, с. 1] и др.).

Таким образом, в условиях расширения спектра коммуникативных знаний и умений, необходимых для выполнения трудовых действий, овладение культурой речевого общения – важное условие профессиональной самореализации современного библиотечного специалиста; воплощение в жизнь прагматической речевой установки и профессионально обусловленных сценариев речевого поведения, предусматривающих дифференцированный подход в использовании языкового материала, обеспечивает успешное решение библиотечных рабочих задач.

Список литературы

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. Москва : Academia, 2004. 944 с.
2. Гончаров А. Л. Теоретико-методологические основы изучения профессионального библиотечного общения : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата педагогических наук : 05.25.03 – Библиотечковедение, библиографоведение и книговедение / А. Л. Гончаров. Санкт-Петербург, 1998. 18 с.
3. Игнатъев В. И. Информационная перегрузка социальной системы и её социальные последствия // Социологические исследования. 2017. № 7. С. 3–12.
4. Игнатъев В. И. Владимиров Т. В., Степанова А. Н. Социальная система как информационное взаимодействие. Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2009. 308 с.
5. Корн М. Г. Речевая культура как элемент имиджа специалиста библиотечно-информационной сферы // Культура: теория и практика. 2018. № 6. С. 13–17.
6. Об утверждении Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 51.03.06. Библиотечно-информационная деятельность (приказ Мин-ва образования и науки Российской Федерации от 6 дек. 2017 г. № 1182) [Электронный ресурс]. URL: https://fgos.ru/FGOS/standart_pdf.php?id=346.
7. Об утверждении Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 51.04.06. Библиотечно-информационная деятельность (приказ Мин-ва образования и науки Российской Федерации от 6 дек. 2017 г. № 1188). [Электронный ресурс]. URL: <http://fgos.ru/fgos/fgos-51-04-06-bibliotechno-informacionnaya-deyatelnost-1188/>.
8. Проект профессионального стандарта «Специалист по библиотечно-информационной деятельности» (разработан по решению Совета библиотек при Мин-ве культуры Российской Федерации (протокол от 26 авг. 2020 г. № П-153). [Электронный ресурс]. 51 с. URL: <http://www.rsl.ru/ru/2professionals/proekt-professionalnogo-standarta-specialists-po-bibliotechnoinformatsionnoy-deyatelnosti>.
9. Распределение компетенций (приложение к учебному плану по направлению подготовки 51.03.06 Библиотечно-информационная деятельность, направленность (профиль): Менеджмент библиотечно-информационной деятельности. Квалификация – бакалавр. Форма обучения – очная). [Электронный ресурс]. 2 с. URL: https://agik22.ru/sveden/files/51.03.06_MBID_2021_Kompetencii.pdf.
10. Распределение компетенций (приложение к учебному плану по направлению подготовки 51.04.06 Библиотечно-информационная деятельность, направленность (профиль): Теория и методология управления библиотечно-информационной деятельностью. Квалификация – магистр. Форма обучения – очная). [Электронный ресурс]. 2 с. URL: https://agik22.ru/sveden/files/51.04.06_TMU-BID_2022_Kompetencii.pdf.
11. Славин Б. Б. Эпоха коллективного разума: о роли информации в обществе и о коммуникационной природе человека. Изд. 2-е. – Москва : Либроком, 2014. 316 с.
12. Спирина Н. М. Речевая культура библиотечного специалиста: формирование и развитие в условиях вуза : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата педагогических наук : 05.25.03 – Библиотечковедение, библиографоведение и книговедение / Н. М. Спирина. Москва, 1998. 18 с.
13. Столяров Ю. Н. Идеальная библиотека // Университетская книга. 2018. № 8. С. 56–59. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.unkniga.ru/biblioteki/bibdelo/8833-idealnaya-biblioteka.html>.
14. Шмелёв А. Д. Культура речи. [Электронный ресурс]. URL: <https://bigenc.ru/linguistics/text/2121027>.

References

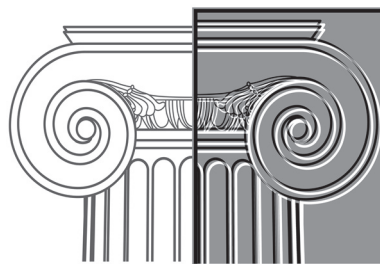
1. Bell D. The Coming of Post-Industrial Society. The Experience of Social Prediction. Moscow, Academia, 2004. 944 p. (In Russ.).

2. Goncharov A. L. Theoretical and methodological basis for professional library communication studies. Synopsis cand. philos. sci. diss. Saint Petersburg, 1998. 18 p. (In Russ.).
3. Ignatev V. I. Information overload of a social system and its social consequences. *Sociological Studies*. 2017, no. 7, pp. 3–12. (In Russ.).
4. Ignatev V. I., Vladimirova T. V., Stepanova A. N. Social system as information interaction. Novosibirsk, Novosibirsk State Technical University Publisher, 2009. 308 p. (In Russ.).
5. Korn M. G. Speech culture as an element of a librarian's image. *Culture: theory and practice*. 2018, no. 6, pp. 13–17. (In Russ.).
6. On Approval of Federal State Educational Standard of Higher Education – Baccalaureate for Training Program 51.03.06. Library and Information Activities (Order of Ministry of Education and Science of the Russian Federation of Dec. 6, 2017, no. 1182). Available at https://fgos.ru/FGOS/standart_pdf.php?id=346. (In Russ.).
7. On Approval of Federal State Educational Standard of Higher Education – Master Course for Training Program 51.04.06. Library and Information Activities (Order of Ministry of Education and Science of the Russian Federation of Dec. 6, 2017, no. 1188). Available at: <http://fgos.ru/fgos/fgos-51-04-06-bibliotechno-informacionnaya-deyatelnost-1188/>. (In Russ.).
8. Project of professional standard “Specialist in library and information work”. Available at: <http://www.rsl.ru/ru/2professionals/proekt-professionalnogo-standarta-specialists-po-bibliotechnoinformatsionnoy-deyatelnosti>. (In Russ.).
9. Competencies Mapping (Appendix for Study Plan for Training Program 51.03.06 Library and Information Activities, Profile: Management of Library and Information Activities. Qualification – Bachelor's Degree. Form of Study – Intramural). Available at: https://agik22.ru/sveden/files/51.03.06_MBID_2021_Kompetencii.pdf. (In Russ.).
10. Competencies Mapping (Appendix for Study Plan for Training Program 51.04.06 Library and Information Activities, Profile: Management of Library and Information Activities. Qualification – Master's Degree. Form of Study – Intramural). Available at: https://agik22.ru/sveden/files/51.04.06_TMUBID_2022_Kompetencii.pdf. (In Russ.).
11. Slavin B. B. *Epoch of collective mind: an a role of information in a society and on communicative nature of a human*. 2nd ed. Moscow, Librokom, 2014. 316 p. (In Russ.).
12. Spirina N. M. *Speech Culture of a Librarian: Development in a University*. Synopsis cand. philos. sci. diss. Moscow, 1998. 18 p. (In Russ.).
13. Sltolyarov Yu. N. An ideal library. *University book*]. 2018, no. 8, pp. 56–59. Available at: <http://www.unkniga.ru/biblioteki/bibdelo/8833-idealnaya-biblioteka.html>. (In Russ.).
14. Shmelyov A. D. Culture of speech. Available at: <https://bigenc.ru/linguistics/text/2121027>. (In Russ.).

*

Поступила в редакцию 02.06.2022

РЕЦЕНЗИИ

О БРАЗ БУДУЩЕГО: ОПТИМИСТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД

(рецензия на коллективную монографию «Позитивный образ будущего: теория, история, способы конструирования» (Ростов-на-Дону – Таганрог. Изд-во Южного федерального университета, 2021, 268 с.)

УДК 13 (075.8)

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-3107-167-170>

Л. П. Пендюрина

Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
e-mail: prinpet@mail.ru

Аннотация: В рецензии на коллективную монографию «Позитивный образ будущего: теория, история, способы конструирования» (Ростов-на-Дону – Таганрог: Изд. Южного федерального университета, 2021. – 268 с.), написанную в рамках исследования по гранту РФФИ 20-011-00581 «Социокультурные стратегии формирования позитивных образов будущего», дается обзор и анализ позиций авторов глав. Рецензент делает предметом своего интереса, прежде всего, теоретическую и методологическую составную монографии, хотя отмечает и значимость практико-ориентированных глав.

Ключевые слова: позитивный образ будущего, утопия, фантастическая литература, стратегии создания образа будущего, стратегии привнесения оптимизма в массы.

Для цитирования: Пендюрина Л.П. Образ будущего: оптимистический взгляд // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. №3 (107). С. 167-170. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-3107-167-170>

THE IMAGE OF THE FUTURE: AN OPTIMISTIC VIEW

(Review of the collective monograph «A positive image of the future: theory, history, methods of construction» (Rostov-on-Don - Taganrog. Publishing House of the Southern Federal University, 2021, 268 p.)

Lyudmila P. Pendyurina

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation
e-mail: prinpet@mail.ru

Abstract: The review of the collective monograph “The Positive image of the future: theory, history, methods of construction” (Rostov-on-Don – Taganrog. Publishing House of the Southern Federal University, 2021, 268 p.), written as part of the research under the RFBR grant 20-011-00581 “Socio-cultural strategies for the formation of positive images of the future”, provides an overview and analysis of

ПЕНДЮРИНА ЛЮДМИЛА ПЕТРОВНА – доктор философских наук, профессор кафедры философии и мировых религий Донского государственного технического университета

PENDYURINA LYUDMILA PETROVNA – Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and World Religions, Don State Technical University

© Пендюрина Л.П., 2022

the positions of the authors of the chapters. The reviewer makes the subject of his interest, first of all, the theoretical and methodological component of the monograph, although he also notes the importance of practice-oriented chapters.

Keywords: positive image of the future, utopia, fantastic literature, strategies for creating an image of the future, strategies for bringing optimism to the masses.

For citation: Pendyurina L.P. The image of the future: an optimistic view. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2022, no. 3 (107), pp. 167-170. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-3107-167-170>

Коллективная монография «Позитивный образ будущего: теория, история, способы конструирования», вышедшая в прошлом году в Южном федеральном университете, является во многих отношениях примечательным изданием.

Она интересна тем, что поднимает тему позитивных перспектив, как социальных, так и личных, и это происходит на фоне вала скверных предсказаний и пессимистических прогнозов, которые буквально заполонили просторы Интернета, и экраны телевизоров. Говорить о будущем в оптимистическом ключе в наши дни – смелость, потому книга идет вразрез с общественным мнением, полным уныния и пессимизма.

Авторы монографии разворачивают широкую картину многопланового анализа темы. Прежде всего, речь идет о теории и методологии изучения представлений о будущем. Дело в том, что тема будущего по определению загадочна; настоящее выступает одновременно как актуальное бытие, которое длится, и как колыбель грядущего, где рождается то, чего еще не существует. Будущее, таким образом, выступает и как некий горизонт поступательного движения, и как совокупность образов и идей, присутствующих «здесь и сейчас».

Первая глава, написанная И. В. Желтиковой, специалистом по прогностике, полностью посвящена становлению и развитию концепта «образ будущего», тем смыслом, которые вкладываются в это понятие. Автор говорит об особенностях применения термина не только футурологами, но и педагогами, психологами, литературоведами. Она обращается также к методам исследования представлений о бу-

дущем, среди которых присутствуют статистический подход, углубленное интервью, герменевтический анализ, выполняющие разные роли в выяснении поставленного вопроса. И. В. Желтикова отмечает совпадение мнений разных людей во взглядах на глобальное будущее при том, что на локальном уровне видение перспектив достаточно индивидуально. Немалый интерес представляет анализ образа будущего именно как образа, обладающего полимодальностью, целостностью, узнаваемостью и достоверностью.

Если первая глава книги изложена с теоретико-аналитических позиций, то вторая глава, принадлежащая перу известного специалиста по утопиям Т. С. Паниотовой, дает читателю грандиозный обзор истории утопических образов будущего. В основу обзора положено различие двух видов моделирования образа будущего – с точки зрения творца и с точки зрения правителя. Соответственно оказывается, что творец, с одной стороны, более свободен в своих фантазиях о грядущем, а с другой – он, скорее, обращен к идеализированным и пространственно-оформленным схемам, его пафос – пафос упорядочивания, гармонии и симметрии, выражение которого – прекрасная архитектура. Понятно, что утопист стремится оградить от любых разрушительных влияний свой воплощенный в образах идеал. Поэтому, как показывает автор, «идеальное общество» оказывается помещено на остров, в пустыню или еще как-либо изолировано. Однако, как уже было сказано, позиция творца – не единственная, есть еще функциональный взгляд правителя, которому нужно управлять реальными

людьми, отвечая на их нужды, поэтому желаемый образ общества оказывается подвижным, включающим своды законов, которые могут быть вменены или отменены: здесь учитываются человеческие желания, чаяния и страсти. Автор вместе с тем подчеркивает, что точки зрения творца и управителя не выступают как грубо-противоположные, они взаимно дополняют друг друга, смешиваются, и любой реальный автор утопической концепции, а, точнее сказать, концепции идеального социального строя, включает в свою модель обе позиции, хотя и в разных пропорциях.

Богатой в познавательном отношении является и третья глава монографии «Образы будущего в современной научной фантастике», написанная И. Д. Тузовским. Скажем честно, хотя все мы читаем книги, но вряд ли кто-то из нас в состоянии охватить взглядом спектр современных представлений о будущих временах, который содержится в разнообразных направлениях фантастической литературы. Автор показывает, как строятся в этом жанре беллетристики фантастические прогнозы и модели, как осуществляются разного рода мысленные эксперименты – и методологического, и социального характера. Эрудиция автора поражает, им освоены и проанализированы сотни и сотни современных текстов. При этом, как говорит сам автор, «утопия оказалась диссипирована между многочисленными субжанрами» [1, с. 113], и так происходит потому, что сам выбор жанра зависит от намерения писателя. Читая главу, мы узнаем, что наряду с технократическими утопиями, претендующими на образ людей-киборгов или, иначе говоря, «аугментированного человечества», существуют и традиционалистские утопии, где будущее выступает как «перелицованное прошлое», а взгляд направляется не вперед, а назад по стреле времени. В то же время существует множество произведений, которые, сами по себе не являясь утопиями, содержат утопические мотивы: в них присутствует тема «лучшего общества».

Четвертая глава книги, написанная Е. В. Золотухиной (Золотухиной-Аболиной),

посвящена непосредственно стратегиям создания позитивного образа будущего; она так и называется «Построение позитивных образов будущего: стратегии власти и надежды индивидов». Разговор о стратегиях – это всегда, по большому счету, разговор именно о власти и управлении, поэтому я как рецензент акцентирую свое внимание именно на этой части рассматриваемого раздела, она представляется мне наиболее важной. Автор решительно заявляет, что властно-управленческим структурам, лицам, принимающим судьбоносные для России решения, очень важно осознавать, что сегодня у страны нет единого идеала будущего, какой в свое время был характерен для СССР. И нужно хорошо понимать «что придется делать сложный выбор между целым рядом достаточно сильных идейных тенденций, обусловленных объективными интересами общественных страт и групп» [1, с. 136]. Автор выделяет следующие противоборствующие тенденции: 1. «Глобализм» и «Антиглобализм», 2. «Метамодерн» (Р. ван ден Аккер, Т. Вермюлен, 2010) и «Ориентация на традицию в отношениях пола, семьи, характера отношений между людьми»; 3. «Трансгуманизм» – «Гуманизм». Позиция самого автора однозначно антиглобалистская и гуманистическая. Далее в статье речь идет о стратегиях привнесения оптимизма в массы, так как у людей не может быть никакой удовлетворенности жизнью и без благого, привлекательного идеала, и без бодрого, уверенного взгляда в будущее. Такими стратегиями в статье названы сегодняшнее пошаговое улучшение народного благосостояния, создание условий безопасности, утверждение и пропаганда давно известных гуманистических идеалов, в том числе индивидуального идеала морального, интеллектуального и духовного роста. В главе подчеркивается также огромная роль темы социальной справедливости и утверждения реального «социального государства».

Три последние главы монографии носят практико-ориентированный, социологический и культурно-политический характер.

В главе «Образ будущего российской молодежи», написанной М. А. Романенко и В. Н. Белоусовой, дается анализ представлений современной студенческой молодежи о жизненных перспективах. В главе «Роль психологии и психотерапии в коррекции образа будущего», написанной М. Б. Ингерлейбом, речь идет о трансформациях, которые претерпевает по отношению к жизненным горизонтам внутренний мир девиантного пациента, алкоголика и наркомана, прошедшего лечение. В седьмой главе «Культурная политика как основа формирования позитивных образов будущего в современной культуре», написанной Е. А. Благородовой, представлены актуально-действующие культурные проекты, осуществляемые как обычным образом, так и онлайн. Автор показывает, что эти проекты нацелены на создание позитивных представлений о завтрашнем дне страны и мира.

В целом мне представляется, что книга удалась, и я с удовольствием рекомендую ее читателям.

В целом мне представляется, что книга удалась, и я с удовольствием рекомендую ее читателям.

Список литературы

1. Позитивный образ будущего: теория, история, способы конструирования. Ростов-на-Дону–Таганрог: Изд-во Южного федерального университета. 2021. 268 с.

References

1. A positive image of the future: theory, history, methods of construction. Ros-tov-on-Don–Taganrog: Publishing House of the Southern Federal University. 2021. 268 p.

*

Поступила в редакцию 23.05.2022

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

Предлагаем Вам опубликовать статьи в научном журнале «Вестник Московского государственного университета культуры и искусств».

В соответствии с распоряжением Минобрнауки России от 28 декабря 2018 года № 90-р на основании рекомендаций Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России (далее – ВАК) с учетом заключений профильных экспертных советов ВАК, журнал «Вестник МГУКИ» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

- 24.00.01 – Теория и история культуры (культурология).
- 24.00.01 – Теория и история культуры (философские науки).
- 09.00.04 – Эстетика (философские науки).
- 13.00.01 – Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки).
- 13.00.05 – Теория, методика и организация социально-культурной деятельности (педагогические науки).
- 13.00.08 – Теория и методика профессионального образования (педагогические науки).

Журнал принимает к публикации статьи, которые ранее не были опубликованы. Не ранее чем через год после выхода в свет статьи в нашем журнале автор может опубликовать данный текст или его фрагменты в других изданиях.

Статья должна обладать научной новизной, отражать основные результаты исследований автора, соответствовать общему направлению журнала и быть интересной широкому кругу российской научной общественности.

Статья может содержать (при необходимости) минимум таблиц, формул и графических зависимостей. Статью необходимо завершить выводом (выводами). Все аббревиатуры и научные термины следует раскрывать. Не стоит злоупотреблять интернет-источниками. При их использовании необходимо давать ссылки в соответствии с правилами оформления библиографического аппарата научных статей.

Требования к публикации

1. Текст набирают в редакторе Microsoft Office Word, шрифт – Times New Roman, кегль 14, интервал – 1,5.
2. Объём статьи не должен превышать 30 тыс. знаков, включая пробелы.
3. Список литературы располагается в конце статьи в алфавитном порядке, библиографические описания в списке оформляются по ГОСТ 7.05–2008, отсылки по тексту статьи даются в квадратных скобках.
4. К статье прилагаются:
 - а) аннотация (100–250 слов) на русском и английском языках, а также ключевые слова к статье на русском и английском языках;
 - б) сведения об авторе, включающие ФИО автора (авторов) полностью, на русском и английском языках (ФИО авторов представляются в одной из принятых международных систем транслитерации, желательно использовать Систему транслитерации Американской ассоциации библиотек и Библиотеки Конгресса (ALA-LC), или так, как в загранпаспорте или водительских правах); место учёбы и работы, занимаемая должность, контактный телефон (желательно и мобильный), обязательно – электронный адрес.
5. Статьи принимаются в двух вариантах – печатном и электронном. Распечатанный на бумаге текст должен быть идентичен тексту электронного варианта.
6. Все статьи рецензируются и публикуются бесплатно.
7. Рецензирование статьи осуществляется редакционной коллегией журнала. Редакционная коллегия оставляет за собой право отбора материалов.

ВНИМАНИЕ!

Ответственность за содержание публикаций несут авторы.

При представлении основных результатов своего научного исследования автор обязан находиться в правовом поле, то есть его публикация не должна каким-либо образом нарушать ЗАКОН РФ ОТ 27.12.1991 N 2124-1 (РЕД. ОТ 18.04.2018) «О СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ».

Редакция научного журнала «Вестник МГУКИ» обращает внимание на то, что в своей редакционной политике руководствуется принципами публикационной этики, разработанными на основе российских и международных стандартов.

От авторов, предлагающих свои материалы к публикации в журнале, редакция ожидает соблюдения следующих принципов:

- оригинальности исследования;
- предоставления достоверных результатов проделанной работы, отсутствия ложных утверждений, безошибочности представления данных;
- объективного обсуждения значимости исследования;
- недопустимости личных, критических или пренебрежительных замечаний и обвинений в адрес других исследователей;
- полного исключения плагиата; признания вклада других лиц, обязательного наличия библиографических ссылок на все внешние источники информации, все публикации, существенные для данной статьи (включая его собственные ранее опубликованные статьи и научные материалы), избегая при этом самоплагиата (повторной, дублирующей публикации). Автор должен сообщить редколлегии журнала обо всех своих работах и работах своих соавторов, пересекающихся по тематике с представленной в редакцию статьёй и находящихся на рассмотрении в других изданиях;
- получения разрешения на использование (воспроизведение) чужих материалов, таблиц, изображений и обязательного указания автора этих материалов и/или владельца авторских прав на эти материалы;
- представления информации из конфиденциальных источников только с их разрешения;
- представления в качестве соавторов всех участников, внесших существенный вклад в исследование и написание статьи; одобрения окончательной версии работы всеми соавторами и их полного согласия с представлением её к публикации;
- выражения благодарности другим коллегам, не являющимся авторами данной статьи, но повлиявшим на её создание;
- раскрытия потенциальных конфликтов интересов (предоставление информации о работе по найму, консультировании, наличии акционерной собственности, предоставлении экспертных заключений, патентной заявке или регистрации патента, получении гонораров;
- чёткого указания в тексте рукописи сведений о полученных грантах, других источниках финансирования исследования, обо всех других формах поддержки, т. е. фактах, которые могут быть восприняты как оказавшие влияние на результаты или выводы, представленные в работе);
- незамедлительного сообщения об обнаружении существенных ошибок или неточностей в публикации и взаимодействия с редактором с целью скорейшего исправления ошибок или изъятия публикации, своевременного исправления ошибок и неточностей, выявленных рецензентом или редактором.

Редакционная коллегия оставляет за собой право отбора материалов. Статья, после её одобрения редколлегией журнала, может готовиться к публикации до полугода.